

Раздел 1

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1 (091) «18»

Р.М. Лазарчук

Череповецкий государственный университет

ГДЕ ЖЕ ПРОШЛО ДЕТСТВО К.Н. БАТЮШКОВА?

(О достоверности и доказательности биографических исследований)

Вопрос, вынесенный в заглавие статьи, может показаться по меньшей мере странным, ведь на него незамедлительно последует ясный и точный ответ. Сначала в Вологде, городе, где поэт родился 18 (29) мая 1787 г., потом в родовой усадьбе Батюшковых – с. Даниловском Бежецкого уезда Тверской губернии – и, наконец (с 1797 г.), в Петербурге – такой представляется современным биографам поэта география первых десяти лет его жизни¹. Иначе (*Вологда – Петербург*) выглядит схема переездов К. Батюшкова, относящихся к этому времени, в очерках Н.Ф. Бунакова (1855) и П.И. Бартенева (1867). Оба автора жалуются на «скудость» материалов. Однако главным источником информации для вологжанина Н.Ф. Бунакова стали рассказы «близкого родственника поэта г. Г.» (то есть племянника, опекуна Константина Николаевича – Г.А. Гревенса) и хранящиеся в его семье письма Батюшкова к отцу и сестре Александре Николаевне, «нигде не напечатанные»². «Труд» П.И. Бартенева, по его собственному признанию, «обязан своим происхождением» П.Н. Батюшкову [«мы должны ограничиться только тем, что собрано и записано нами преимущественно от младшего (единственного) брата» поэта]³.

Предметом нашего исследования является одно *разночтение*, обнаруженное при сопоставлении двух исследовательских «редакций» детства поэта, – один *усадебный эпизод*.

Мысль о том, что детские годы К. Батюшкова прошли в Даниловском, впервые высказана Л.Н. Майковым⁴ и с тех пор стала общим местом литературы о поэте от серьезных литературоведческих исследований⁵ до популярных краеведческих очерков об Устюжне и многочисленных буклетов, изданных Музеем-усадьбой Батюшковых и А.И. Куприна, находящимся в с. Даниловском Устюженского района Вологодской области⁶. Достоверность этих сведений не вызвала сомнений. Ее гарантом стали два имени – П.Н. Батюшкова, издателя трехтомного собрания сочинений поэта, и Л.Н. Майкова, автора обширной статьи «Батюшков, его жизнь и сочинения», помещенной в первом томе (1887).

Сын Николая Львовича от второго брака, Помпей Николаевич, родился в 1811 г., по другим сведениям в 1812 г. и был моложе Константина Николаевича на 25 – 26 лет⁷. До отъезда поэта в Италию и, следовательно, до начала его душевной болезни они виделись несколько раз. Помпей Николаевич обожал своего великого брата, гордился им. Однако *собственное знание* жизни К. Батюшкова стало формироваться у него лишь после смерти брата, когда Помпей Николаевич стал собирать материалы для «по возможности полной биографии»⁸ поэта. Из восьми вопросов, заданных П.А. Шипилову, назовем два (они демонстрируют степень осведомленности П.Н. Батюшкова в предмете изучения):

«Где родилась, жила и скончалась мать Константина Николаевича и не имела ли она и Николай Львович на него особого влияния? <...> Каковы подробности его семейных отношений к Муравьевым?»⁹

Л.Н. Майков считал Константина Николаевича последним ребенком в семье и полагал, что его мать лишилась рассудка «через некоторое время по рождении сына»¹⁰. Помпей Николаевич мог указать исследователю на эту неточность, если бы невольно сам не стал ее причиной. Л.Н. Майков воспользовался информацией П.И. Бартенева¹¹, очерки которого, судя по примечаниям, П.Н. Батюшков читал в рукописи¹².

Ошибка Майкова была исправлена только в 1986 г. Младшей в семье, как установил В.А. Кошелев, была родившаяся 21 ноября 1791 г. Варвара¹³. Новый факт повлек за собой изменение общей картины. Начало болезни матери поэта А.Г. Батюшковой отодвинулось на четыре года и обрело точную датировку (1791 год, то есть сразу после рождения дочери). В непосредственную связь со случившимся поставлен и переезд Николая Львовича с женой в Вятку («необходимо было <...> сменить обстановку»)¹⁴. Пребывание Константина и Варвары в Даниловском впервые получило не только мотивировку («В этой ситуации дети оказывались лишними, требовалось удалить их от матери»), но и четкое обозначение во времени (1791 – 1797 гг.)¹⁵. Сняв вопросы, остававшиеся без ответа в течение целого столетия, В.А. Кошелев создал картину, претендующую на достоверность. Однако возникающая таким образом ясность обманчива. В цепочке событий и фактов, предлагаемых исследователем, документально подтверждена только дата рождения В.Н. Батюшковой. Построения Л.Н. Майкова основывались на предании, исследовательская мысль «документального повествования» В.А. Кошелева движется предположениями.

Документы, обнаруженные нами в Российском государственном архиве древних актов и Государственном архиве Кировской области, воссоздают совершенно иную картину. В далекую и холодную Вятку¹⁶ Николай Львович отправился, конечно же, не по своей воле. Решение генерал-прокурора А.А. Вяземского о переводе вологодского губернского прокурора Батюшкова в Вятское наместничество было принято 16 сентября 1791 г., за два месяца до рождения младшей дочери. Тем же решением вятский губернский прокурор Ендогуров «перемещен» в

Вологду¹⁷. Перестановки такого рода в ведомстве генерального прокурора практиковались. Приказ генерал-прокурора застал Н.Л. Батюшкова в отпуске, «уволненным от должности» до 1 октября 1791 г. Потом была «простудная горячка», о которой Николай Львович (вместе с освидетельствованием лекаря и частного пристава Вологодской управы благочиния) сообщает 29 октября 1791 г. в Вятку¹⁸. 6 ноября датировано его прошение А.А. Вяземскому о двухмесячном отпуске: «Имею я в Москве, в межевой канцелярии, о недвижимом имении спорное дело, которое и приводится уже по окончанию; при решении коего нужно мне быть в Москве самому...»¹⁹. 21 ноября 1791 г. Александра Григорьевна родила дочь Варвару. 10 декабря бывший вятский прокурор Ендогуров прибыл в Вологду²⁰. Николай Львович медлил. К должности губернского прокурора Вятского наместничества он приступил только 14 (по другим документам – 15) января 1792 г. Очевидно, отъезд Николая Львовича из Вологды ускорило предписание Вятского наместнического правления, в ответ на которое Вологодская управа благочиния рапортовала: «...находившийся в болезни Вятского наместнического правления губернский прокурор Батюшков от оной выздоровел и того числа (10 января. – Р.Л.) имеет отправиться к должности...»²¹ В феврале 1792 г. Николай Львович получает разрешение на двухмесячный отпуск и уезжает из Вятки²². По-видимому, к систематическому исполнению своих обязанностей вятский губернский прокурор Батюшков приступил только в апреле 1792 г.: первое из «представленных» им дел датировано 14 апреля²³.

Всё в поведении Николая Львовича выдает его беспокойство. Значит ли это, что он просто оттягивал свой отъезд в Вятку (и там, кажется, об этом догадывались), всё еще надеясь избежать нового назначения, или единственной причиной его тревоги стало состояние здоровья Александры Григорьевны, начавшаяся душевная болезнь? Матери будущего поэта уже около сорока... Роды поздние и потому трудные... Не они ли спровоцировали тяжелое психическое заболевание?

В поисках документального подтверждения этой версии обратимся к «Дневным запискам» А.Т. Ярославова, четырехтомной «энциклопедии» вологодской жизни начала 1790-х гг.²⁴ Супруги Александра Григорьевна и Николай Львович Батюшковы упоминаются в журнале 65-летнего провинциального чиновника в отставке²⁵ неоднократно и в раз-

ных жизненных ситуациях. Зафиксированы Ярославовым и слухи о перемещении губернских прокуроров («о <...> Батюшкове бают, что из Вологды переедет в Вятку, а оттуда сюды Яндаурова»), и время возвращения Николая Львовича из столицы: «Вчера (17 октября 1791 г. – Р.Л.) приехал из Петербурга <...> Батюшков в вологод<скую> усадьбу Закрышкино»²⁶. (По данным «Ведомостей обер-полицмейстера Рылеева для императрицы Екатерины II», надворный советник Батюшков прибыл в Петербург из Вологды 30 июля 1791 г. и «стал в Московской части в доме подполковницы Кумариной»²⁷. Петербургский адрес Николая Львовича может послужить ориентиром для установления месторасположения пансиона мадам Эклебен, где воспитывались дочери Батюшковых: Анна, Елизавета, Александра.) Последнее упоминание об Александре Григорьевне относится к 26 января 1792 г.²⁸; она в Вологде и совершенно здорова, по крайней мере до 13 июля 1792 г. (этим днем датирована последняя дневниковая запись).

Сообщение о болезни А.Г. Батюшковой (если бы она действительно началась сразу после рождения младшей сестры поэта) в хронике А.Т. Ярославова попало бы непременно. Во-первых, Ярославовы и Батюшковы состояли в родстве. Жена губернского прокурора (урожденная Бердяева) приходилась двоюродной сестрой зятю Алексея Тихоновича – Николаю Алексеевичу Бердяеву, а племянница Ярославова – Фекла Михайловна – была женою Аполлона Степановича Сокколова, родного брата матери Александры Григорьевны – Елизаветы Степановны. Во-вторых, мягкий, добрый, сердечный человек Алексей Тихонович не мог не откликнуться на горе близких ему людей. Наконец, это был его *материал*. Летописец повседневности Ярославов описывал для *памяти* обыкновенную жизнь обыкновенных людей, будни своего города и своего дома, где событиями становились визиты, помолвки, свадьбы, болезни, похороны, покупки, подарки (один из них – «фарфоровая чашка с крышкой и с блюдечком»²⁹ – получен женою Алексея Тихоновича в день ее именин от Александры Григорьевны и Николая Львовича Батюшковых).

Подлинность «показаний» А.Т. Ярославова подтверждается свидетельством самого Николая Львовича. «Двухлетнее в Вятской губернии служение принужден я был оставить приключившеюся жене моей жестокою болезнью, – пишет Н.Л. Батюшков в проше-

нии императору Павлу I. – Пользуя там немало времени безуспешно, решился привести ее для сего в Петербург <...> Жена моя, *страдавшая год и семь месяцев*, с необычайным мучением умерла»³⁰. Произведем простые арифметические подсчеты. А.Г. Батюшкова скончалась 21 марта 1795 г., болезнь ее продолжалась «год и семь месяцев»; следовательно, она началась не ранее лета 1793 г. Семья Батюшковых (к этому времени) прожила в Вятке более года. Константин и Варвара приехали в этот город вместе с родителями. Их пребывание в Вятке зафиксировано в исповедных росписях Знаменской (Богородицкой) церкви за 1793 и 1794 гг. «Вятского губернского прокурора Николая Львовича Батюшкова жена Александра Григорьевна дочь» (ее возраст, соответственно, 40 и 41) была у исповеди и святого причастия в «святую четырехдесятницу»³¹, то есть Великим постом: в этом случае причащались на Страстной неделе, накануне Пасхи. Светлое Христово Воскресение приходилось в 1793 г. на 24 апреля, в 1794 г. – на 9 апреля³². В росписи значатся «дети их»: Константин (его возраст занижен: четыре вместо неполных шести в 1793 г. и пять вместо неполных семи в 1794 г.; очевидно, мальчик был маленьким и худеньким – как известно, возраст прихожан определялся священником весьма приблизительно) и Варвара (по-видимому, она была здоровым и крупным ребенком и казалась старше своих лет: в апреле 1793 г. ей поставлено два года, в этом же месяце 1794 г. – три). По церковным постановлениям детей приводили на исповедь с семилетнего возраста, поэтому рядом с именами Константина и Варвары в росписях нет соответствующего знака «были».

Записи о присутствии жены губернского прокурора Батюшкова на исповеди и у святого причастия сделаны по одной (общепринятой) форме, хотя в апреле 1794 г. Александра Григорьевна уже тяжело страдала душевным недугом. Однако сомнений в подлинности этого документа у нас не возникает. Церковные постановления предписывали священникам использовать «для исповедания умопомешанных» «такие моменты», когда больные «приходят в сознание»³³. По-видимому, «терпение и опытность»³⁴ помогли священнику Знаменской церкви Алексею Шестакову исповедать и приобщить святым тайнам душевнобольную Александру Григорьевну и таким образом исполнить свой долг. Истинность сообщаемых сведений подтверждается заключением, под которым подписался весь

причет: «Буде же из оного показания нашего по какому доносу явится хоть мало что ложное или какая утайка и прикрытие, и за то повинны мы все неточию извержению чинов, но и жестокому в гражданском суде истязанию»³⁵. Настораживает отсутствие в исповедных росписях Знаменской церкви за 1793 - 1794 гг. Н.Л. Батюшкова. Исповедались и причащались обычно всей семьей. Означает ли это, что находящийся в отъезде (а этого требовала должность губернского прокурора) Николай Львович не успел исповедаться и приобщиться святых тайн «Великим постом» и сделал это позже или в другом приходе (что позволялось Духовным регламентом, но требовало предоставления «Свидетельства <...> о бытии на исповеди»³⁶)? – Не знаем. «Исповедные ведомости церкви Святой великомученицы Екатерины, что во Фроловке»³⁷ (1788, 1790, 1791 гг.) подтверждают: живя в Вологде, Н.Л. Батюшков исполнял свой долг православного христианина регулярно.

Если у Константина Батюшкова и сохранились какие-то вятские впечатления, то они, вероятно, связаны со Знаменской церковью. Мать, безусловно, подводила детей к чудотворным и особо чтимым иконам Святых равноапостольных царей Константина и Елены, Святой великомученицы Варвары и «Знамения Пресвятой Богородицы», уцелевшей при пожаре 1696 г. Знаменская [так с 1778 г. стала официально называться переделанная в 1770-х гг. старинная каменная Царёво-Константиновская (1699 г.)] церковь, по плану 1784 г., находилась на Царёвской улице (в настоящее время – ул. Свободы, 70)³⁸. В 1794 г. Знаменскому Богородицкому приходу принадлежали 84 двора. Среди прихожан (их было 536) губернатор Вятского наместничества действительный статский советник и кавалер Ф.Ф. Желтухин, чиновники губернских учреждений³⁹. Недалеко от Знаменской церкви – каменные здания губернских присутственных мест⁴⁰. В основе проекта этого ансамбля, составленного первым вятским губернским архитектором Ф.М. Росляковым, – проекты архитектора А. Квасова для Казани и Твери. Строительство корпусов губернских присутственных мест завершено к 1790 г. В современном Кирове это едва ли не единственное здание⁴¹, сохранившее память об отце поэта.

Установить вятский адрес Батюшковых не представляется возможным. «Списков городских обывателей» или «Городовых обывательских книг», относящихся к этому времени, как видно из описей фондов 630 (Вятская

городская дума), 583 (Вятское губернское правление), 237 (Вятская духовная консистория), в составе которых должны находиться документы такого рода, не сохранилось. Не исключено, что губернскому прокурору могло быть предоставлено и жилье в нанятом для казенных нужд обывательском доме.

Исповедные ведомости Знаменской церкви сохранили имена и фамилии дворовых людей господ Батюшковых. В апреле 1793 г. (за два-три месяца до начала болезни Александры Григорьевны) их двенадцать; через год – шестнадцать⁴². Заметим (для сравнения), что в вологодском доме Батюшковых жили двадцать девять дворовых⁴³. В Вятку вместе с господами переехали десять, из них девять мужчин в возрасте от 14 до 31 года. Кто из дворни был приставлен к маленькому Константину в качестве крепостного дядьки: Иван Сергеев 22 лет, Евдоким Васильев сын Белозеров или Сергей Феокистов 19 лет, а может быть, Василий Васильев 31 года?⁴⁴ Претенденток на роль няни Вареньки Батюшковой всего две: в 1793 г. ею могла быть только 23-летняя Параскева Васильева дочь, жена Василия Васильева. В 1794 г. в доме Батюшковых появилась еще одна дворовая – жена Осипа Афанасьева – Акулина Иванова дочь⁴⁵. Кто из этих людей в момент, когда на детей обрушилось *первое*, еще не осознаваемое, *горе*, оказался способным пожалеть, приласкать и утешить их?

В начале 1790-х гг. на докторской должности в Вятке находился штаб-лекарь Дедалов⁴⁶. Скорее всего, именно к нему и обращался Н.Л. Батюшков, стремясь облегчить страдания больной жены. Не исключено, что отец поэта воспользовался услугами и двух других докторов, служивших в Вятском наместничестве, – Филиппа Фридриха Пфелера и Георга Сталберга⁴⁷. Но безуспешно...

Определить хронологические границы вятского периода жизни поэта несложно. Судя по тому, что в исповедных росписях Знаменской церкви за 1792 год⁴⁸ Батюшковых нет, Николай Львович перевез семью из Вологды после Великого поста, «по просухе», как тогда говорили, то есть в начале лета. Документы зафиксировали начало отпуска вятского губернского прокурора «с 24 мая 1794 г.» Надворный советник и кавалер Н.Л. Батюшков отпущен на три месяца, однако в назначенный срок «к должности своей не явился»⁴⁹.

От Вятки до Петербурга 1725 вёрст (верста, напомним, равна 1,06 км). Выбирать маршрут не приходилось. Как видно из «Описания почтовых станций...» и «Нового указателя дорог в Российской империи...»⁵⁰,

доехать до столицы можно было только через Москву. Семье предстоял долгий и трудный путь. От Вятки к Нижнему Новгороду, потом до Владимира, оттуда до Москвы всего 175 вёрст и от старой столицы до новой – еще 728⁵¹. Сколько времени заняла эта дорога?.. Максимально возможная для 1790-х гг. скорость (курьерская скорость) около 180 вёрст в сутки⁵². Но надворный советник – не правительственный фельдъегерь... Едушие «по своей надобности» обычно преодолевали за сутки от 70 до 100 вёрст⁵³. Добавим к этому обычные для российских дорог задержки с лошадьми, ожидания. Измученные дорогой дети и больная жена нуждались в отдыхе. Не исключено, что были и короткие остановки в пути, например в Твери, у дядюшки Никиты Артемоновича Муравьева, в чьем совете и помощи Николай Львович теперь особенно нуждался. Что если на станции Валдаи Батюшковы свернули с тракта, соединяющего две столицы, и направились на юго-восток, к Устюжне? Для свидания с отцом и дедом? Едва ли... В сложившейся ситуации дорог каждый день. (От Валдаев до Даниловского 260 верст⁵⁴ – дорога туда и обратно займет около четырех суток, а «увольнение в Петербург» получено всего на три месяца). Тогда может быть, для того, чтобы оставить у деда, в родовой усадьбе Батюшковых, Константина и Варвару? Если так, то Л.Н. Майков прав: в детстве поэта такой эпизод был и датировать его следует 1794 (не ранее июня) – 1797 гг.

Чтобы проверить эту версию, обратимся к «Описи имущества села Даниловского», составленной Л.А. Батюшковым в сентябре 1796 г. (в научный оборот ее ввел вологодский историк П.А. Колесников)⁵⁵. В.А. Кошелев, опубликовавший этот документ, увидел в «Описи...» «косвенное отражение» «присутствия в имении ребенка Батюшкова»⁵⁶. «Детских горниц, судя по описи, две», – пишет исследователь. В одной висит образ, которым Александра Григорьевна благословила сына, в другой – икона, материнское благословение дочери. «В одной из горниц, – заключает В.А. Кошелев, – следовательно, живет Константин, в другой – его младшая сестра»⁵⁷. Прочитаем «"Опись <...> святых икон и прочего имущества" в селе Даниловском» внимательно и непредвзято. Образ Спасителя («риза и венец серебряные») – материнское благословение Константину Николаевичу – находится не в «детских горницах», а в спальне его дяди – Павла Львовича. В предспальне Николая Львовича – два образа, которыми были благословлены его до-

чери Анна и Александра; а в его спальне – образ Тихвинской Богоматери («риза и венец серебряные») – благословение Елизавете Николаевне⁵⁸. В детских горницах висело две иконы: образа Семиона Богоприимца и Варвары-великомученицы⁵⁹.

Маленькая Варенька – единственная из пяти детей Александры Григорьевны и Николая Львовича, не имевшая в дедовском доме образа, которым ее благословили. Трудно представить, чтобы трехлетнего ребенка оставили в Даниловском без родительской святости, да еще в комнате без занавесок. «В децких же горницах занавесок зеленых гарусных две переделаны к окнам Павла Львовича в спальню»⁶⁰ – деталь знаковая, ускользнувшая от внимания исследователя. А между тем в барском доме детская – всегда самая светлая и уютная комната... Никаких реальных (материальных) следов присутствия Константина и Варвары в Даниловском нет: в огромной скрупулезно составленной описи имущества не значится ни одной детской вещи.

В.А. Кошелев полагает, что в сентябре 1796 г., то есть в момент составления описи, в родовой усадьбе «оказались оба сына» Льва Андреевича и каждому из них «выделено (курсив мой. – Р.Л.) по отдельной спальне»⁶¹. Однако документального подтверждения эта версия не получает. Похоронив жену (Александра Григорьевна скончалась 21 марта 1795 г.), Николай Львович не возвратился в Даниловское, а более трех лет оставался в Петербурге. Не располагаем мы и сведениями о том, что капитан-поручик Семеновского полка П.Л. Батюшков осенью 1796 г. находился в отпуску. К тому же наименование покоев усадебного дома отражает не *настоящее*, а *прошлое*. Имя Николая Львовича присутствует в обозначении трех комнат: предспальни, спальни, «кабинета, что при спальне»⁶². В этом доме началась совместная жизнь родителей поэта, здесь 25 апреля 1780 г. появился на свет их первый ребенок⁶³, сюда служивший в Вологодском наместничестве (1782 – 1791 гг.) Н.Л. Батюшков привозил семью на лето, и тогда оживали «детские горницы». У младшего сына Льва Андреевича, Павла Львовича, в этом доме были свои (весьма скромные) покои: «спальня» и «темнинькая ево горница»: он приезжал в Даниловское ненадолго, чтобы навестить отца. Давно овдовевший Лев Андреевич занимает «спальню» и «предспальню». Есть в доме зала, столовая, «девичья и лакейские горни-

цы»⁶⁴. С 1792 г. огромный дом пуст и старику-отцу здесь невыносимо одиноко.

«...Гипотеза, – пишет Ю.М. Лотман, – <это> наиболее вероятное объяснение всей имеющейся суммы фактов, пока список фактов остается открытым»⁶⁵. Но чтобы «закрывать» «список фактов», необходимо найти документальное подтверждение тому, что в Петербург надворный советник Н.Л. Батюшков прибыл с детьми Константином и Варварой. Нам представляется, по крайней мере на данном этапе исследования, что единственным способом разрешения этой загадки стало бы обнаружение списков приезжающих в столицу. Информация такого рода откладывалась в коллекции документов Государственного архива Российской империи. (Разряд XVI. Внутреннее управление). Ознакомление с «Записками, поднесенными Ея Императорскому Величеству от обер-полицмейстера генерал-майора Рылеева о приезжающих в Петербург и об отъезжающих оттуда» за 1790 – 1793 гг. подтвердило наши предположения. Практика ведения ведомостей выработала несколько типов записей, специфика которых определяется количеством приехавших и характером отношений между ними. Приведем примеры:

«17 марта 1793 г. Из Вологды поручик Алексей Резанов [«стал» или остановился] в Литейной части, в доме надворного советника Васильева»⁶⁶.

«25 сентября 1791 г. Из Ржева Володимирова статская советница Марья Алексеевна Львова, генерал-майора Бакунина дочь Прасковья Михайловна и статского советника Дьякова дочь Дарья Алексеевна и стали в 1-й части, в почтовом стану»⁶⁷.

«15 июля 1792 г. Выехали из Петербурга в Ярославль действительный статский советник и кавалер Алексей Иванович Мусин-Пушкин с фамилиею»⁶⁸.

С фамилиею, то есть с семьей... Именно такую запись мы и надеялись найти. Однако списки приезжавших в Петербург в 1794 г. обнаружить не удалось.

За неимением прямых доказательств прибегнем к косвенным. Документально доказано, что в 1794 – 1796 гг. Н.Л. Батюшков находился в Петербурге⁶⁹. Один? Или с сыном? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к свидетельствам самого Николая Львовича. 15 апреля 1795 г., через три недели после смерти жены, он просит у генерал-прокурора А.Н. Самойлова позволения «отправиться на некоторое время» в свою деревню, находящуюся в Вологодском наместничестве, чтобы «привести в порядок» «расстроенное состояние»⁷⁰. Но если малолетние Константин

и Варвара в Даниловском, то не естественнее ли ожидать другой формулировки: в Тверскую губернию для свидания с осиротевшими детьми?⁷¹ В письме А.Н. Самойлову от 30 апреля 1796 г., пытаясь аргументировать невозможность своей поездки в Вятку (как этого требовал сенатор С.И. Маврин), Н.Л. Батюшков называет в качестве «препятствия» «бедственные обстоятельства» и «окружающее семейство в четырех малолетних дочерях и пятом сыне»⁷². И наконец, 14 августа 1796 г. Николай Львович сообщает Л.С. Бердяеву о своих долгах [«в пансионы (курсив мой. – Р.Л.) за содержание малолетних детей»⁷³, в частности]. Но ведь три старшие дочери Николая Львовича воспитывались в одном пансионе, принадлежавшем мадам Эклебен. Не значит ли это, что летом 1796 г. Константин Батюшков уже был определен в пансион? Неизвестно. Бесспорно одно: отдали ли Константина Батюшкова в пансион в 1796-м или (как традиционно считается) в 1797 г., первое, самое трудное для мальчика время отец был рядом с ним. Из Петербурга Николай Львович уехал не ранее декабря 1798 г.⁷⁴

Так где же прошло детство К.Н. Батюшкова? – Сначала в Вологде, городе, где поэт родился 18 мая 1787 г., потом в Вятке (два года – с начала лета 1792-го по 25 мая 1794 г.), наконец, в Петербурге – с июня 1794 г.

Установление точного факта – долг биографа. Но в нашем случае *где* оказывается теснейшим образом связанным с *как*, *как долго*, *с кем*. Усадебного эпизода, пятилетнего пребывания в Даниловском, в детстве К. Батюшкова не было. Мальчика «не оставляли на дедовых руках»⁷⁵. Он был с родителями. Сначала с матерью и отцом, потом, когда заболела и умерла мать, с отцом и сестрами, старшей из которых, Анне, уже исполнилось четырнадцать лет. Не случайно в созданной поэтом концепции «домашнего воспитания» главной составляющей стали «общество родителей, благие примеры»⁷⁶.

Сейчас много пишут и говорят о «Гении Места». Батюшков – исключение. Дороги этого «печального странствования»⁷⁷, скитавшегося «из края в край»⁷⁸, начались в детстве.

Примечания

¹ См.: Кошелев В.А. К биографии К.Н. Батюшкова // Русская литература. – 1987. – № 1. – С. 172 – 176; Ко-

ишелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти. - М., 1987. - С.7, 15 - 27.

² См.: Бунаков Н. К.Н. Батюшков (Критико-биографический очерк) // Москвитянин. - 1855. - № 23 - 24. - С. 90, 91.

³ Бартенева П.И. Константин Николаевич Батюшков. Его письма и очерки его жизни // Русский архив. - СПб., 1867. - Стлб. 1344.

⁴ Майков Л.Н. О жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова // Батюшков К.Н. Сочинения. - СПб., 1887. - Т. 1. - С. 9.

⁵ См.: Венгерова С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). - СПб., 1891. - Т. II. - Вып. 22 - 30. - С. 230; Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти. - М., 1987. - С. 21 - 24; Гура В. Сильный и самобытный талант // Гура В. Времен соединенья: Очерки. Портреты. Этюды. Обзоры. - Архангельск, 1985. - С. 92; Сандомирская В.Б. Батюшков Константин Николаевич // Русские писатели. 1800 - 1917: Биографический словарь. - М., 1989. - Т. 1: А - Г. - С. 175; Баранов С.Ю. Батюшков Константин Николаевич // Выдающиеся вологжане: Биографические очерки. - Вологда, 2005. - С. 374; Баранов С.Ю. Константин Батюшков и его поэзия // Богинь пермских дар. Поэзия Константина Батюшкова. - Вологда, 2006. - С. 4; Баранов С.Ю. Жизнь и поэзия Константина Батюшкова // Батюшков К. Сердца тихий жар. - Вологда, 2007. - С. 500.

⁶ См.: Рыбаков А. Устюжна. Череповец. Вытегра. - М., 1981. - С. 80; К 200-летию со дня рождения К.Н. Батюшкова. Музей Батюшковых в Даниловском / Сост. Бобров А.В. - Устюжна, 1992. - С. 2; Музей-усадьба Батюшковых и А.И. Куприна в Даниловском / Авт. текста А.В. Бобров, С.Ю. Белова. - Устюжна, 2003.

⁷ См. о нем: М.И.Г. Помпей Николаевич Батюшков, его труды и общественная деятельность в 1850 - 1887 гг. // Русская старина. - 1887. - Т. 54. - № 5. - С. 551 - 561. Статья написана митрополитом Иваном Городецким (Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов: В 4 т. / Подг. к печати Ю.И. Масанов. - М., 1957. - Т. 2. - С. 144).

⁸ См. письмо П.Н. Батюшкова П.А. Шипилову от 1 марта 1856 г. - Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (далее - РО ИРЛИ). Ф. 19. Ед. хр. 61. Л. 1 об.

⁹ Там же. Л. 1, об., 2.

¹⁰ Майков Л.Н. О жизни и сочинениях К.Н. Батюшкова // Батюшков К.Н. Сочинения. - СПб., 1887. - С. 10, 9.

¹¹ Константин «был младшим ребенком <...> Перед ним были четыре сестры»: Анна, Елизавета, Варвара и Александра. - Бартенева П.И. Константин Николаевич Батюшков. Его письма и очерки его жизни // Русский архив. - СПб., 1867. - Стлб. 1346.

¹² Там же. - Стлб. 1346, 1348.

¹³ См.: Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти. - М., 1987. - С. 15.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Кошелев В. К биографии К.Н. Батюшкова // Русская литература. - 1987. - № 1. - С. 173, 175.

¹⁶ «Зима продолжалась здесь почти полгода», а «вполне летними месяцами» были только июнь и июль. См. об этом: Вятская епархия. Историко-географическое и статистическое описание (с картой Вятской губернии). - Вятка, 1912. - С. 51.

¹⁷ Российский государственный архив древних актов (далее - РГАДА). Ф. 248. Оп. 80. Ед. хр. 6616. Л. 596.

¹⁸ Государственный архив Кировской области (далее - ГАКО). Ф. 583. Оп. 11. Ед. хр. 655. Л. 101-102.

¹⁹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 81. Кн. 6620. Л. 11.

²⁰ Там же. Оп. 80. Кн. 6616. Л. 596.

²¹ ГАКО. Ф. 583. Оп. 11. Ед. хр. 655. Л. 217.

²² Там же. Оп. 13. Ед. хр. 1194. Л. 115, 117 - 117 об.

²³ Там же. Оп. 12. Ед. хр. 287.

²⁴ См.: Лазарчук Р.М. «Дневные мои для памяти записки, или Журнал дневной» А.Т. Ярославова (Проблема жанра) // Проблемы изучения русской литературы XVIII в.: Межвуз. сб. науч. трудов, посвященный памяти профессора В.А. Запалова. - СПб.; Самара, 2001. - С. 215 - 222.

²⁵ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (далее - РО РНБ). Ф. 487. Оп. 2. О. 90 (т. 1), О. 91 (т. 2), О. 92 (т. 3), О. 93 (т. 4). Дневник А.Т. Ярославова охватывает период с 1 июля 1790 г. по 13 июля 1792 г.

²⁶ Там же. О. 92. Л. 134, 136 (записи от 17 и 18 октября 1791 г.).

²⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 534. Ч. 2^а. Л. 121.

²⁸ «Алексей Михайлович [Ярославов] посхал от нас к Александре Григорьевне», жене Батюшкова, ужинать...» - Там же. О. 93. Л. 49.

²⁹ Там же. О. 91. Л. 174 (запись от 29 мая 1791 г.).

³⁰ РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Ед. хр. 63947. Л. 3. Подчеркнутая фраза повторена в прошении отца поэта от 21 августа 1798 г. - Там же. Ед. хр. 55091. Л. 2.

³¹ ГАКО. Ф. 237. Оп. 71. Ед. хр. 76. Л. 89; Там же. Ед. хр. 79. Л. 97.

³² Месяцеслов на лето от Рождества Христова 1793, которое есть простое содержащее на себе 365 дней, сочиненный на знатнейшие места Российской империи. - СПб., [1792]. - С. 53; Месяцеслов <...> 1794 <...> - СПб., [1793]. - С. 53.

³³ См. об этом: Булгаков С.В. Настольная книга для священноцерковнослужителей: Сб. сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. - М., 1993. - Т. II. - С. 1146.

³⁴ Там же.

³⁵ ГАКО. Ф. 237. Оп. 71. Ед. хр. 76. Л. 99.

³⁶ Булгаков С.В. Настольная книга для священноцерковнослужителей: Сб. сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства. - Т. 2. - С. 1054.

³⁷ Государственный архив Вологодской области (далее - ГАВО). Ф. 496. Оп. 19. Ед. хр. 239. Л. 8 об. - 9; Там же. Ед. хр. 241. Л. 47 об.; Там же. Ед. хр. 242. Л. 37 об.

³⁸ Под сводами этого древнего храма стояли А.Л. Витберг, А.И. Герцен, М.Е. Салтыков-Щедрин, К.Э. Циолковский, В.М. Бехтерев.

Утратив в 1930-е гг. часть своего архитектурного облика, Знаменская церковь «потерялась» среди громады обступивших ее современных зданий.

³⁹ ГАКО. Ф. 237. Оп. 71. Ед. хр. 79. Л. 107, 95.

⁴⁰ Современный адрес - проезд Динамовский, 2, 4.

⁴¹ О Знаменской (Царево-Константиновской) церкви и ансамбле корпусов губернских присутственных мест см.: Вятка. Памятники и памятные места. - Киров, 2002. - С. 60 - 61, 22 - 23.

⁴² ГАКО. Ф. 237. Оп. 71. Ед. хр. 76. Л. 89; Ед. хр. 79. Л. 97.

⁴³ См. исповедные ведомости церкви Святой великомученицы Екатерины, что во Фроловке, за 1791 год. - ГАВО. Ф. 496. Оп. 19. Ед. хр. 242. Л. 44 об.

⁴⁴ ГАКО. Ф. 237. Оп. 71. Ед. хр. 76. Л. 89.

⁴⁵ Там же. Ед. хр. 79. Л. 97.

⁴⁶ ГАКО. Ф. 582. Оп. 2^б. Ед. хр. 44; Ф. 53. Оп. 600. Ед. хр. 216.

- ⁴⁷ См.: Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве <...> на лето <...> 1793. – СПб., [1793]. – С. 90; Месяцеслов <...> на лето <...> 1794. – СПб., [1794]. – С. 96.
- ⁴⁸ ГАКО. Ф. 237. Оп. 71. Ед. хр. 74.
- ⁴⁹ Там же. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 139 об. 26 мая 1794 г., как следует из рапорта Н.Л. Батюшкова, семья покинула Вятку. – РГАДА. Ф. 248. Оп. 150. Кн. 6642. Л. 63.
- ⁵⁰ См.: Описание почтовых станций в Российском государстве с месяцесловом на 1790 год. – СПб., 1790; Новая указатель дорог в Российской империи, сочиненный по последним размерам дорог и установлениям почтовых станций, с присовокуплением планов генеральных трактам. Ч. I – III. – М., 1803.
- ⁵¹ Маршрут установлен по «Реестру для приискания нижеследующих трактов». – См.: Новая указатель дорог в Российской империи... Ч. II. – С. 143 – 145, 33 – 34, 5.
- ⁵² См.: *Эйдельман Н.Я.* Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия. – СПб., 1992. – С. 8.
- ⁵³ См.: *Лотман Ю.М.* Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: Пособие для учителя. – Л., 1980. – С. 108.
- ⁵⁴ Новая указатель дорог в Российской империи... Ч. II. – С. 3, 10 – 11, 19 – 20.
- ⁵⁵ См.: *Колесников П.А.* К истории рода Батюшковых // К.Н. Батюшков, Ф.Д. Батюшков, А.И. Куприн: Материалы Всероссийской научной конференции. – Вологда, 1968. – С. 18.
- ⁵⁶ См.: Опись имения Батюшковых в селе Даниловском / Публ. В.А. Кошелева // Устюжна: Историко-литературный альманах. – Вологда, 1993. – Вып. II. – С. 194.
- ⁵⁷ *Кошелев В.* Константин Батюшков. Странствия и страсти. – М., 1987. – С. 23.
- ⁵⁸ См.: Опись имения Батюшковых в селе Даниловском / Публ. В.А. Кошелева. – С. 198, 199.
- ⁵⁹ Там же. – С. 199.

- ⁶⁰ Там же. – С. 208.
- ⁶¹ *Кошелев В.* Константин Батюшков. Странствия и страсти. – С. 23.
- ⁶² См.: Опись имения Батюшковых в селе Даниловском / Публ. В.А. Кошелева // Устюжна: Историко-литературный альманах. – Вологда, 1993. – Вып. II. – С. 198 – 199.
- ⁶³ РО ИРЛИ. Ф. 19. Ед. хр. 57. Л. 63 об.
- ⁶⁴ См.: Опись имения Батюшковых в селе Даниловском / Публ. В.А. Кошелева. – С. 197 – 199.
- ⁶⁵ *Лотман Ю.М.* Тревоги, надежды, работа // *Лотман Ю.М.* Воспитание души. – СПб., 2003. – С. 128.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Ед. хр. 534. Ч. 3. Л. 63 об.
- ⁶⁷ Там же. Ч. 2. Л. 158.
- ⁶⁸ Там же. Ч. 2^а. Л. 159.
- ⁶⁹ См. об этом: *Лазарчук Р.М.* Новые архивные материалы к биографии К.Н. Батюшкова (о принципах построения научной биографии поэта) // Русская литература. – 1988. – № 4. – С. 155 – 156.
- ⁷⁰ РГАДА. Ф. 248. Оп. 81. Кн. 6713. Ч. I. Л. 545 об.
- ⁷¹ Ср. мотивировку необходимости отпуска в прошении Н.Л. Батюшкова от 23 апреля 1791 г.: «для исправления разных <...> нужд, также и свидания с находящимися [в Петербурге] моими детьми». – РГАДА. Ф. 248. Оп. 80. Кн. 6616. Л. 533.
- ⁷² Там же. Оп. 81. Кн. 6734. Л. 294 – 294 об.
- ⁷³ ГАВО. Ф. 178. Оп. 10. Ед. хр. 1294. Л. 1, 2.
- ⁷⁴ См. письмо Л.А. Батюшкова Н.Л. Батюшкову от 26 ноября 1798 г. – Опись имения Батюшковых в селе Даниловском / Публ. В.А. Кошелева // Устюжна: Историко-литературный альманах. – Вологда, 1993. – Вып. II. – С. 219.
- ⁷⁵ *Кошелев В.* Константин Батюшков. Странствия и страсти. – М., 1987. – С. 21.
- ⁷⁶ *Батюшков К.Н.* Сочинения: В 2 т. – М., 1989. – Т. II. – С. 388.
- ⁷⁷ Там же. – С. 343.
- ⁷⁸ Там же. – С. 406.

УДК 821.161.1 (091)

Ю.Б. Орлицкий
Российский государственный гуманитарный университет, Москва

ТРИ ЭПИЗОДА ИЗ ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРОЗИМЕТРИИ

Прозиметрия (то есть объединение стиха и прозы в рамках единого произведения) как особый способ ритмической организации текста встречается в мировой литературе с самых первых веков ее существования; можно даже сказать, что именно для ранних этапов развития словесности естественная «дополнительность» стихотворной и прозаической составляющих в рамках одного текста и наоборот была явлением достаточно привычным¹: достаточно назвать, например, средневековые французские повести, «Новую жизнь» Данте, повести восточного (в первую

очередь, персидского и японского) Средневековья, драмы Шекспира и т.д. Широкое распространение это явление получило и в новейшей литературе. Однако для XVIII – XIX вв. прозиметрия, особенно в русской литературе, встречалась не так часто, поэтому выглядела не вполне привычно, а главное – не всегда осознавалась именно как особый тип художественного текста. Именно поэтому для исследования национальных корней этого явления оказывается интересным и важным любой пример прозиметриче-

ского произведения в русской литературе, особенно из числа наиболее ранних.

Очевидно, есть все основания говорить о двух принципиально различных типах прозиметрии: равноправной, подразумевающей переход от стиха к прозе и обратно в ходе развития основного повествования (как это происходит, например, в следующих шекспировской традиции русских исторических драмах, начиная с «Бориса Годунова»², и неравноправной, под которой подразумевается присоединение к стихотворному тексту разного рода вспомогательных на первый взгляд прозаических компонентов: предисловия, комментарии, сносок и т.д., – а также включение в прозаический текст стихотворных эпиграфов, цитат и т.п.

Так, в начале XIX в. русскими поэтами создается немало больших стихотворных сочинений, многие из которых сопровождаются обширными предисловиями, послесловиями и комментариями, написанными как самим автором, так и приглашенными для этого другими писателями. Статус этих сопровождающих основной стихотворный текст прозаических компонентов различен: это может быть и вполне серьезное введение в необычный для читателя предмет, и шутка или мистификация. При этом предисловия и послесловия нередко бывают столь же «художественными», как и стихотворная часть сочинения; не случайно Ю. Лотман писал применительно к этому явлению о равноправном диалоге стиховой и прозаической части³.

Классические образцы предисловий традиционного типа находим в первой трети XIX в. у В. Жуковского – к «Шильонскому узнику», «Сиду», «Одиссее», у Д. Ознобишина – к «Сизифу», у К. Павловой – к «Балладе. 1558». Встречаются и «мини»-предисловия – например к «Первому отдыху Вдыхалова» (1811) П. Вяземского. Вполне привычны для читателя по природе и функциям и многие авторские послесловия и примечания этого времени, например Ф. Глинки к его «Карелии», В. Жуковского к «Замку Смальгольм» (1812) и «Элегии на кончину королевы Виртембергской» (1819); у Пушкина к «Онегину», у В. Теплякова к его «Фракийским элегиям» (1829), у К. Павловой к «Разговору в Кремле» (1854). А вот пафосный, подчеркнуто литературный текст финального прозаического фрагмента К. Батюшкова в его элегии «Умиравший Тасс» по образному строю и стилистике почти ничем не отличается от других образцов его прозы,

составившей соответствующую часть «Опытов».

Не всегда также бывает легко провести точную грань между послесловием и примечаниями, нередко публикуемыми вместе. Например, написанная спустя тридцать пять лет после стихотворного послания Александру Тургеневу заметка В. Жуковского названа им «Примечания», в действительности же это небольшой мемуарный очерк об адресате, написанный ярко и эмоционально. В том же ключе выполнены и некоторые примечания Вяземского – например к пространному многочастному стихотворению 1825 г. «Станция (глава из путешествия в стихах)», где потребность в прозаическом компоненте обосновывается непосредственно в тексте: «В стихах всего высказать невозможно: часто говори не то, что хочешь, а что велит мера и рифма»⁴. Промежуточную позицию занимают в этом ряду пушкинские примечания к «Онегину», о подлинном смысле которых в последние годы написано и опубликовано немало интересного.

Близки конечным заметкам и примечаниям и многие развернутые подстраничные комментарии-сноски того же, например, П. Вяземского к стихотворениям «Быль» (1818), «Библиотека» (1817 - 1827) и др., В. Жуковского к его стихотворным переводам и т.д.

Ю. Лотман, обстоятельно исследовавший функции такого монтажа у Пушкина в упомянутой выше статье, пришел к выводу: «Диалогизм стиха и прозы составляет одну из существенных сторон текстообразующего напряжения на всем протяжении творчества Пушкина». В качестве примера такого диалога ученый приводит пушкинские примечания к поэме «Кавказский пленник». По верному наблюдению Лотмана, если здесь в основном «прозаический комментарий носит еще характер словарных примечаний, подчеркивающих "местный колорит" непереуловленной, специфически кавказской лексики», то «примечания⁷ и ¹⁰ носят иной характер: они представляют собой историко-бытовые или этнографические справки, выходящие за рамки непосредственного пояснения текста поэмы», а в примечании⁸ «Пушкин приводит отрывки из описаний Кавказа Державиным и Жуковским, давая две версии разработки этой темы – в духе поэтики XVIII в. и романтическую. Пушкинский текст должен вступить, согласно очевидному замыслу, в диалог с этими описаниями. Своеобразие пушкинского решения художественной задачи выступает в

соотношении его поэмы и предшествующей литературной традиции»⁵.

«Думы» Рылеева

«Словарными примечаниями, подчеркивающими “местный колорит”», характерными для «поэтики русского романтизма», Лотман называет также авторские комментарии Гоголя в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» и Рылеева в «Войнаровском»⁶. Однако к комментариям Рылеева стоит, как нам кажется, присмотреться несколько внимательнее, особенно к тем, которыми снабжены его «думы».

После их первых чтений в Обществе любителей российской словесности и отдельных публикаций в журналах поэт обращается для составления комментариев к П.М. Строеву, известному историографу, публикатору, автору «Краткой российской истории» (1814), состоящей из биографических «справок» о русских правителях, составившему потом, в частности, «Ключ к истории государства Российского Н.М. Карамзина» (М., 1836).

В 1818 г. Строев писал: «Историк и вообще занимающийся древностями должен иметь пронизательный взгляд, тонкий, здоровую критику вооруженный ум, искусство постигать и соображать вещи по малейшим о них намекам. Он должен быть чужд всякой воображительной системы, основанной на одних вероятностях. Слепо следовать своим предшественникам была бы наиважнейшая его слабость»⁷. Понятно, что эта программа историографа, неоднократно высказываемая им публично, вполне устраивала и нашего поэта, нуждающегося в объективных, основанных на источниках и вполне научнообразных комментариях к своим историческим фантазиям, призванных подтвердить их подлинность.

Тем не менее, история с комментариями, как известно, закончилась для историка печально: обещанных за их написание денег П. Муханов Строеву не дал, так что, по словам Барсукова, «этим и ограничились все сношения нашего историографа с несчастными декабристами, а над ними “Се уж секира при древе лежит”»⁸. А «Думы» (как и поэма «Войнаровский») снабжены комментариями Строева, во всех современных изданиях публикуемыми до их стихотворного текста, как своего рода предисловия, то есть перед нами, несомненно, прозиметрия в полном смысле

этого слова, в чем-то даже более тесная, чем в поэмах и романе Пушкина.

Авторство Строева указано Рылеевым в общем предисловии к «Думам» («Примечания, припечатанные при “думах”, кроме некоторых, сделаны П.М. Строевым»)⁹. По мнению современных исследователей, самим Рылеевым написаны – вполне в духе Строева – примечания к трем или четырем «думам». Характерно, что в Полном собрании сочинений Рылеева (1934) издатели сочли необходимым указать на авторизацию по этому строевских комментариев.

Кстати, в этом авторитетном издании комментарии напечатаны отдельно от текстов стихотворений, в конце книги вместе с современным реальным комментарием; в остальных новых изданиях они регулярно помещаются перед текстами и таким образом служат своего рода прозаическим ключом к стихотворному тексту, давая ему настройку, в том числе и ритмическую.

В связи с этим вновь возникает вопрос об источниках текстов рылеевских исторических сочинений. Общеизвестно, что большинство из них основаны на «Истории» Карамзина¹⁰. Однако интересно, что Рылеев пригласил написать комментарии именно Строева, который в своей «Краткой истории России», написанной для юношества тоже по мотивам Карамзина, последовательно «сущит» его яркий, в том числе и в ритмическом смысле, литературный язык.

Интересно провести сопоставление карамзинской истории, ее изложение Строевым в книге для юношества и его же комментариев к «Думам», и наконец – самих стихотворных «Дум». Так, у Карамзина читаем: «Олег, наскучив тишиною, опасною для воинственной державы, или завидуя богатству Цареграда и желая доказать, что казна робких принадлежит смелому, решился воевать с империею. ...В летописи сказано, что Олег поставил суда свои на колеса и силою одного ветра, на распущенных парусах, сухим путем шел со флотом к Константинополю... Сей мир, выгодный для россиян, был утвержден священными обрядами веры: император клялся Евангелием, Олег с воинами – оружием и богами народа славянского, Перуном и Волосом. В знак победы герой повесил щит свой на вратах Константинополя и возвратился в Киев, где народ, удивленный его славою и богатствами, им привезенными: золотом, тканями, разными драгоценностями искусства и естественными произведениями благословенного климата Греции, – единогласно

назвал Олега *вещим*, то есть мудрым, или волхвом»¹¹.

В «Истории» Строева об этом герое сказано очень лаконично: «Вел удачную войну с греками, осаждал Константинополь и заключил с ним мир, которым доставил своим подданным важные торговые выгоды»¹². Наконец, в комментарии-предисловии Строева, авторизованном Рылеевым, читаем: «Время его правления примечательно походом к Константинополю в 907 году. Летописцы сказывают, что Олег, приплыв к стенам византийской столицы, велел вытащить ладьи на берег, поставил их на колеса и, развернув паруса, подступил к городу. Изумлённые греки заплатили ему дань. Олег умер в 912 году. Его прозвали Вещим (мудрым)». Как видим, второй строевский текст по степени беллетризации стоит ближе к карамзинскому «оригиналу».

В первой же строке своего стихотворения Рылеев перефразирует Карамзина:

Наскучив мирной тишиною,
Собрал полки Олег,

воспроизведя при этом вместе с образной характеристикой и содержащийся в ней уже у Карамзина метр – четырехстопный ямб с пиррихией на третьей стопе и женским окончанием вместо отличающегося от него на один слог пятистопного хорей: «Но Олег, наскучив тишиною - Наскучив мирной тишиною».

Надо сказать, что это далеко не единственный пример появления в исторической прозе Карамзина так называемых «случайных» метров¹³; они сопутствуют наиболее художественно выразительным моментам повествования, помогают создать его беллетристический вектор. С другой стороны, как показывают наши наблюдения¹⁴, наличие таких метров в прозаической части текста является важнейшим признаком русской прозиметрии, благодаря чему обе части текста образуют более или менее тесное ритмическое единство.

В процитированной выше подборке фрагментов карамзинского повествования, соответствующих фабуле рылеевской «думы», ямб появляется еще пять раз: «...или завидуя богатству Цареграда и желая...»; «...решился воевать с империею...»; «...был утвержден священными обрядами...»; «В знак победы / герой повесил щит свой на воротах / Константинополя и возвратился в Киев» (парадок-

сальным образом это событие у Рылеева выглядит даже менее «стихотворно»:

Прибил свой щит с гербом России
К царьградским воротам);

«<...> единогласно / назвал Олега *вещим*, то есть мудрым, / или волхвом, что тоже воспроизведено поэтом почти буквально:

И князю Вещего прозвание
Единогласно дал».

В думе «Святослав» предложенная Карамзиним формула «Не посрамим отечества, но ляжем здесь костями» (семистопный ямб) в переложении Строева сохраняет метр и даже количество стоп: «Не посрамим отечества, но ляжем / на месте битвы» (Я5 + 2)¹⁵, а в стихотворном тексте ямб становится четырехстопным (а кости не своими, а вражескими!):

Не посрамим отчизны милой –
И груды вражеских костей
Набросим над своей могилой.

В большинстве других комментариев – как строевских, так и рылеевских – ритм встречается очень редко и в полном смысле слова случайно. Так, в думе «Петр Великий в Острогжске», прозаический текст к которой составил сам Рылеев, единственный метр вне стихотворения обнаруживается в самом заглавии, причем он точно совпадает с метром стиха («Петр Великий в Острогжске» - «В пышном гетманском уборе...»).

Интересное исключение составляют две думы: «Богдан Хмельницкий» и «Боян». Первая интересна тем, что в комментарии, авторство которого считается спорным, использованы не ямбы, как в большинстве других случаев, а почти исключительно трехсложники. Приведем прозаический текст целиком, выделив в нем случайные метры курсивом:

«Зиновий (Богдан) Хмельницкий, сын Чигиринского сотника (ДакЗд), воспитывался в Кисеве и кончил учение у иезуитов, в польском городе Ярославце. В истории он становится известен с 1620 года. В сражении при Цецоре турки взяли его в плен и держали в неволе два года (Ан4ж). По возвращении своем Хмельницкий (Хбж) служил в войске польском; потом несколько лет жил в селении Субботове, в покое. Чигиринский подстароста Чаплицкий, захватив селение, похитил у него подругу (Я4ж) и высек плетью малолетнего его сына. Хмельницкий поехал в Варшаву (АмфЗ), жаловался, но не нашел управы. Тогда он поклялся отомстить всем полякам. В 1647 году в Мало-

россии вспыхнуло возмущение, – Хмельницкий принял в нем деятельное участие, поощрял недовольных и умножал толпы их. Дошло до явной войны. Хмельницкий выбран был гетманом. Он вошел в связи с крымцами, *призвал их на помощь и с лишком четыре* (Амф4ж) года противостоял полякам. Примечательны сражения: на Желтой Воде, под Корсуном и при Берестечке. В 1651 году прекратились раздоры. Поляки заключили с малороссиянами и запорожским войском мирный договор под Белою Церковью; но, несмотря на сие, не упускали случая оскорблять их. Сии притеснения заставили Хмельницкого просить российского государя о принятии его с войском в подданство (1654 г.). Он умер в Чигирине 15 августа 1657 года. За освобождение отчины его прозвали Богданом, т. е. богом дарованным избавителем.

Однако наибольший интерес для нас представляет дума «Боян» (кстати, единственная, героем которой выступает не исторический деятель, а поэт). Во-первых, объемная цитата из «Истории» Карамзина использована здесь открыто; во-вторых, в карамзинском тексте есть три случайных трехсложника, а в авторском тексте комментария – еще шесть метров, и тоже в основном трехсложники; в целом текст заметно метричнее остальных, его суммарная метричность превышает 30 %¹⁶:

«Сочинитель известного Слова о полку Игореве называет Бояна Соловьем старого времени. Неизвестно, когда жил сей славянский бард (Я4м). Н.М. Карамзин в Пантеоне Росс. Авторов говорит о нем так: «Может быть, жил Боян во времена героя Олега; *может быть, пел он славный поход* (Ан3м) сего аргонавта к Царюграду, или *несчастную смерть* (Дак3м) храброго Святослава, *который с горстию своих погиб* (Амф4м) среди бесчисленных печенегов, или блестящую красоту *Гостомысловой правнучки Ольги* (Ан3ж), ее невинность в сельском уединении, ее славу на троне». *Не менее правдоподобно, что Боян* (Я6м) был певцом подвигов Великого Владимира и знаменитых его сподвижников: Добрыни, Яна Усовича, Рогдая. Можно предполагать, что *при блистательном дворе* (Дак3м) Северного Карломана находились и песнопевцы: их привлекали великолепные пиршества, богатырские потехи и *приветливость доброго князя* (Ан3ж); а славные победы над греками, ляхами, печенегами, ятвягами и болгарами *могли воспламенить дух пиитизма* (Я5ж) в сих диких сынах Севера. *И грубые норманны услаждали* (Я5ж) // *слух свой песнями скальдов* (Ан2ж)».

Отметим еще два интересных случая. Во-первых, в комментарии к думе «Ольга при могиле Игоря» у Строева обнаруживается два метра, аналогов которым не находим у Карамзина («древляне возмутились снова» и «По нем остался малолетний сын»); не отразились они и в ямбах Рылеева.

Во-вторых, знаменательно, что исследователь начала XX в. В.И. Маслов, сокращая в пересказе текст Карамзина, который он на-

зывает прообразом для дум, метризует его при этом – очевидно, в соответствии с общими закономерностями ритмической связанности текстов: «Суровой жизнью он укрепил себя»; «умеренность есть добродетель власти», «обременил их тягостным налогом»¹⁷.

Интересно, что Рылеев в своих прозаических произведениях, ориентированных на стиховую культуру, прежде всего в «Победной песне героям», разделенной на соразмерные абзацы-строфы, и в еще одном стихотворении в прозе «Рейнский водопад», – довольно часто обращается к метризации речевого строя. Так, в «Победной песни» метрично начинаются три из пяти строф: «*Смерть летала над полями нашими*», «*Кутузов, ты спаситель наш! ты истребитель / врагов Вселенная!*» и «*Возвысьте гласы свои, Барды*». Кроме того, в «Песни» можно найти и другие метры: «- *Зрите и дивитесь славе нашей!..*», «*ежедневно слышны были стоны и вопли / дряхлых старцев*», «*Да, вспоминая о доблестях предков своих*», «*и да всегда разят врагов*».

Соответственно, в «Рейнском водопаде» находим: «Утро было прекрасное; солнце светило...»; «*Пенящиеся волны / с порывом рвутся между скал / и, низвергаясь с крутизны утеса - дробятся, образуя над поверхностью / воды густое и блестящее...*»; «*соединяются, делятся вновь*»; «*поднявшие чело свое, увенчанное мхом*».

Здесь интересна еще одна параллель: прозиметризация имеет место и в «Борисе Годунове» Пушкина, главным источником для которого тоже была карамзинская история и, в частности, насыщающие ее прозаические метры. Пушкин использовал в своей драме многие из них¹⁸, то же сделал и Рылеев, с той только разницей, что для декабриста оказался актуальным еще и текст-посредник Строева, гораздо менее яркий и выразительный, причем вполне осознанно. Однако и там, и тут метрический потенциал исторической прозы Карамзина-историка оказался основой прозаической метрики его последователей. Причем оба автора опирались на этот метр именно в прозаических фрагментах своих прозиметрических текстов.

«Царицынская ночь» И. Киреевского

Рассказ И. Киреевского «Царицынская ночь» (1827) – первое прозаическое сочинение писателя, сравнительно небольшое по объему и отличающееся от остальной его

прозы в первую очередь принципиальной двухчастностью: вслед за описанием ночной прогулки друзей-философов в прозе идет стихотворение одного из них - Вельского, завершающее произведение¹⁹. Все, кто писал о Киреевском-прозаике, неизменно отмечали этот рассказ. Так, В.Н. Лясковский называет его «небольшим очерком, оканчивающимся задушевными стихами»²⁰; Г.М. Князев характеризует произведение как «небольшой беллетристический очерк романтического характера», в котором «ярко отразилось идеально-поэтическое настроение и заветная мечта автора»²¹.

От обычного рассказа, включающего цитату-стихотворение героя, «Царицынскую ночь» отличает, прежде всего, значительный объем стихотворения, позволяющий рассматривать рассказ как состоящий из двух равновеликих и потому равноправных фрагментов; с другой стороны, единственная граница прозы и стиха тоже позволяет рассматривать его как открытую структуру – в отличие, например, от прозаических рассказов и очерков, включающих многочисленные небольшие по размеру стихотворные цитаты.

Подобного рода двухчастные композиции обычно прямо или косвенно возводятся в русской романтической литературе к иноязычным – западным, а чаще восточным – источникам. Действительно, именно по такой схеме – объемное прозаическое вступление плюс стихотворение (П + С) – строились новеллы в классической литературе фарси (например, «Гулистан» и «Бустан» Саади или «Бахаристан» Джами²², а также подражания им в романтической прозе, прежде всего немецкой. Еще один аналогичный тип текста – «Исэ-моногатари» и другие состоящие из самостоятельных новелл с включенными в их состав самостоятельными стихотворениями повести средневековой Японии. Во времена Киреевского они еще не были известны в Европе и России, хотя их типологическое сходство с «Ночью» тоже необходимо отметить²³.

Развернутый анализ прозаических произведений Киреевского и их взаимоотношений с современной прозой дан в известной монографии А.Э. Еремеева²⁴. Однако автор, неоднократно отмечая близость прозы Киреевского к поэзии²⁵, не останавливает внимания на конкретном механизме этой близости; соответственно, рассматривая параллели к произведениям Киреевского в творчестве других прозаиков его времени, исследователь уделяет основное внимание переключкам идей, а не способов построения текстов. Нам же пред-

ставляется, что последнее немаловажно, особенно для того, чтобы определить место прозы Киреевского в литературном процессе его времени.

Вместе с тем прозиметрическая миниатюра Киреевского оказывается произведением, вполне характерным для русской прозы 1820 - 1830-х гг.; при этом в ней формула П + С реализована в наиболее чистом, свободном от трансформаций «романтическом» варианте.

В прозаической части «Царицынской ночи» 18 строк разного размера (от 1 до 21 типографской строки), начала восьми из них (44 %) можно трактовать как метрические, причем половина из них – трехсложниковые (тогда как большинство случайных метров в русской прозе XIX в. – двусложники), а из них, в свою очередь, три представляют собой амфибрахий – метр, которым написана стихотворная часть миниатюры: начало четвертой строфы – «Конечно, такое лицо будет зеркалом...»; тринадцатой – «Сегодняшний вечер был полон, - сказал...» и восемнадцатой – «Вино закипело; поэт, собирая...». Характерно, что начало рассказа неметрично, метрические же зачины строк появляются ближе к концу текста; при этом амфибрахий оказываются «стянутыми» к началу стихотворного фрагмента. Он, в свою очередь, написан нерифмованным разностопным метром (Амф4м/3ж), то есть размером, достаточно свободным в силу отсутствия рифм и различной длины строк, что в некоторой степени сближает его с прозой.

Интересно, что в других прозаических произведениях Киреевского доля метрических зачинов строк уменьшается: если в сказке «Опал» (1830) метр охватывает начала 32 из 74 строк (43 %) - столько же, сколько в «Царицынской ночи», - то в отрывке из романа «Две жизни» (1832) их всего 10 из 34 (29 %), а в недоконченной повести «Остров» (1838) – 39 из 183 (21 %).

Тем не менее, случайные метры в художественной прозе нередко бывают очень выразительными, напоминая стихотворные строки не только своей метрической структурой, но также лексикой, синтаксическим и образным строем. Например, в «Опале» находим такие квазистроки: «Вот пример коловратности счастья!»; «Суровый, разгневанный взор был ответом министру»; «В его осажденной столице стоял / огромный пустынный дворец» (аналог двух строк подряд). Несмотря на небольшое количество, выразительны и вполне стихоподобны и некоторые метрические

вкрапления в «Острове»: «По огромным уступам огромных разбитых камней / кое-как взобрались они на верх утеса...»; «Но жизнь его была одна / математическая выкладка...»; «Готовился Конгресс. Со всех сторон / съезжались в Вену...» и т. д. Однако в условиях отсутствия стихотворной части, неизбежно «настраивающей» читателя на силлаботонический тип восприятия текста, эти фрагменты не столь заметны.

Еще меньше, чем в поздней художественной прозе, обнаруживается случайных метров в зачинах строф критических и философских работ Киреевского: в статье «Нечто о характере поэзии Пушкина» (1828) метр встречается в 8 случаях из 40 (20 %), в статье 1832 г. «Деятнадцатый век» в 16 из 76 случаев (21 %), в рецензии на перевод «Фауста» М. Вронченко (1845) в 2 из 10 случаев (20 %). Интересно, что, несмотря на разницу в жанре, размере статей и времени их написания, доля метрических зачинов в них остается устойчивой: очевидно, именно двадцатипроцентная метричность является нормой «случайной», связанной только с естественной языковой мерой распределения ударных и безударных слогов в русской речи (или, по крайней мере, в прозе Киреевского), метризации прозаического текста, на фоне которой значимы отклонения в художественной прозе и, соответственно, уменьшение этих отклонений по мере отхода писателя от «крайностей» романтической эстетики.

Все сказанное выше позволяет рассматривать «Царицынскую ночь» Киреевского как полноценный образец прозиметрической миниатюры, построенной по принятому в русской традиции типу П + С и органично включающей в свой состав силлаботонические фрагменты в сильных позициях прозаической части текста; причем преобладает в них метр второй части композиции – амфибрахий, появляющийся ближе к концу рассказа и обеспечивающий плавный контакт стиха и прозы. Все это происходит на фоне высокой степени метризации прозаического текста в целом, значимо отличающейся от уровня метризации как более поздних (непрозиметрических) образцов художественной прозы Киреевского, так и его нехудожественных прозаических произведений разных лет.

Соответственно, все это позволяет говорить о высоких эстетических достоинствах разбираемого произведения, занимающего вполне достойное место как в истории русской прозы в целом, так и в традиции таких

ее явлений, как прозиметрия и метрически организованная проза.

«Другая жизнь» и «Фантасмагории» К. Павловой

Еще более интересными образцами русской прозиметрии представляются стихопрозаические и прозаические повести К. Павловой, появившиеся в русских журналах в 1840-е гг. В работе 1971 г. «К проблеме типологии полиметрических композиций» В. Сапогов предложил широкое понимание полиметрии, четвертым пунктом включив в него «ПК, сочетающие в себе стих и прозу». Он писал: «В композициях, в которых сочетаются стих и проза, текстовая структура усложняется не только ритмическими переборами, возникающими при смене метров, но еще и соединением в едином тексте двух противоположных систем речи (стиха и прозы). Поэтому такие тексты легче всего интерпретировать как прозаические со стихотворными вкраплениями. Возможно, что, например, "Двойная жизнь" К. Павловой так и воспринималась современным ей читателем. Однако совершенно очевидно, что эта поэма была задумана как единая прозо-стиховая структура со сложной системой метро-смысловых соответствий, о чем говорят встречающиеся в поэме (и чрезвычайно редкие вообще) "переливы" прозы в стих и образование на границах прозаических и стихотворных "кусков" особых, промежуточных между стихом и прозой форм»²⁶.

Отнесение «единых прозо-стиховых» структур к числу полиметрических форм – не открытие В. Сапогова: тремя годами раньше П.А. Руднев в знаменитой статье «Из истории метрического репертуара русских поэтов XIX – нач. XX в.» определял ПК как «своеобразную художественно-речевую структуру поэтического произведения, которая складывается из более или менее тематически автономных звеньев, "кусков", написанных различными стихотворными размерами и даже чередующихся иногда с прозой»²⁷.

Важно другое: Сапогов впервые не только обратил внимание на ключевой текст этой традиции в XIX в. – «Другую жизнь» К. Павловой (1848), но и отметил наличие в тексте этого произведения переходных контактных зон на границе стиха и прозы («переливов»), в произведениях Павловой, как будет показано ниже, чрезвычайно активных.

В пользу близости павловских повестей («очерков», как она сама их называла) к стихотворной полиметрии говорят и обозначения глав с помощью римских цифр, как это было принято в стихотворных циклах. Особенно очевидно это в случае с «Фантасмагориями»: так у Павловой называется стихотворный цикл 1858 - 1861 гг., состоящий из тринадцати стихотворений, и прозиметрический «очерк» предположительно того же 1861 г., состоящий из четырех нумерованных частей.

На первый взгляд, смысл такого «двуязычия» в романтических очерках Павловой очевиден. Критик «Московского вестника» определил его так: «В прозе рассказывается внешняя, светская, пустая жизнь, окружающая молодую девицу, героиню романа. В стихах выражается внутренний голос души ее, ею не осознаваемый, но всегда сопровождающий эту внешность, которая не в силах его подавить»²⁸. Не случайно исследователи (например, Е. Казанович²⁹), сопоставляли с «Генрихом фон Офтердингеном» Новалиса. Намеченное в критике противопоставление абсолютизирует Громов, определяя «Другую жизнь» «как <...> одно огромное стихотворение с разросшимся прозаическим социальным комментарием»³⁰.

Тут стоит, однако, вспомнить, что сама Павлова язвительно писала Панаеву в письме в редакцию «Современника» (1854) по поводу ее известного стихотворения «Разговор в Кремле», снабженного обширным авторским прозаическим комментарием: «Я все-таки в простоте своей полагала, что "Разговор в Кремле" не тарабарская грамота и что все, о чем идет речь, можно понять и без приложений к нему примечаний»³¹. По сути дела, поэтесса утверждает здесь, что авторские комментарии отнюдь не дублируют смысл стихотворения, разъясняя его читателю, как это представляется при механическом рассмотрении такого рода образований как простой суммы художественного стихотворного текста и сугубо вспомогательного, лишнего художественного начала прозаического комментария, но дополняют его новыми смыслами – в чем, собственно, и заключается основная суть прозиметрии. Если же для Павловой даже автокомментарий к стихотворению – ничуть не вспомогательный элемент, то что остается говорить о повестях, написанных одновременно стихами и прозой, как можно недооценивать один из компонентов сложного и смыслового ритмического един-

ства повести, сводя его только к комментарию!

Главы «Другой жизни» построены по единой схеме: прозаическое нарративное начало, плавно переходящее в стихотворное завершение; кроме того, в четвертой главе есть еще одно вставное стихотворение. Для нас наибольший интерес представляют стыки стиха и прозы, на которых, как справедливо заметил Сапогов, наблюдается «перелив» одного структурного типа художественной речи в другой. Таких стыков, как уже говорилось, в повести десять. Для наглядности приведем их целиком, выделив метрические фрагменты в прозе с помощью курсива:

1. *Часы на маленькой колонне между окон* пробили
среди тишины одним звонким ударом половину первого. Взор Цецилии блуждал лениво по спальне; мирный образ в блестящем окладе то виднелся, *то пропал перед глазами; / смыкала их уже дремота... / но все вопрос в душе не засыпал... / как это было?.. кто?.. и где?..*

Вот – засиял звездами свод небесный...
Слетел туман... повеял аромат...
Покой ли то воздушный и чудесный?
Роскошный ли и светлорунный сад?..

2. Необыкновенное утомление, вероятно, последствие утренних разбегов, овладело ею; было тяжело на сердце, неизвестно почему; она долго лежала *без сна, с закрытыми глазами*. Более и более усталость тяготела над ней; мысли затихали, *сон налетал; она забыла все*; а сквозь это забвение в глубине души таилось и яснило какое-то невягтое *воспоминание. Туманным покрывалом / ее как кто-то обложил*, и словно она спускалась *тихо-тихо-тихо / - и вдруг по членам пробежала дрожь*:

Как будто бы пришлось свершиться чуду...
«Да, как вчера, — ты здесь!.. ты вновь со мной!»
- «Я вновь с тобой! тебе я верен буду;
Я ждал тебя, — я призванный, я твой».

3. А теперь она невольно думала об этой странной способности души; в ней бессознательно просыпалось сочувствие новое и непонятное к этой гармонии стиха, к этим созвучным думам, к этим неприличным восторгам, и такое нежданное сочувствие почти пугало ее: она опять приводила себе на ум, что это все-таки пустые и ненужные бредни, которыми долго заниматься не должно; и так размышляя, она положила грациозную головку на подушку и осталась одна среди ночного молчания. Но нет-нет, сквозь дремоту, опять звучала в ней рифма, опять слышался стих, и ей, полусонной, вздумалось вдруг, что, может быть, и она умела бы так говорить, песнью... и уже засыная, она улыбнулась этой нелепой мысли. А неотступное пение жужжало, и звучало, и баюкало ее: все яснее она его слышала и все лучше понимала, и все естественнее казались ей гармонические порывы и вдохновенные слова; вокруг нее как будто волны катились переливные... *ее как*

будто / качал челнок... / и нес далеко... и точно берег / где-где мелькает, — / луна взошла...

Река несется, и, шепча, лется
В реке струя.
Несется мимо неумолимо
С рекой ладья.

4. Долго сидела Цецилия в тихом, неопределенном раздумьи. Наконец, усталая, легла, еще слушая унылый напев и слыша только собственные мысли и думы; печально усыпляли ее дальние звуки, радостно убаюкивали сердечные мечты. Листья под окном перешептывались...

На всех царем служба сказана,
Мому милому давно явлена;
На всех царем по коню дали,
Мому милому коня не дали.

5. Становилось поздно... она глубоко задумалась. Долго ее глаза смотрели в полумрак спальни; но вечер темнел, спальня начинала исчезать перед глазами, *наконец исчезла, — / и тьма широкая легла... / но что-то издали сверкало и светлело... / и было много лиц, и много там огней... / и между тем в тени, таинственно заветной, / Его чуть внятный вздох повеял вновь над ней...*

И между тем опять носился шум нестройный,
Теснилася толпа среди блестящих зал,
Струилось вино, — шел пир зауспокойный,
И гул вокруг стола ширел и возрастал.
(далее – Я5).

6. Но Цецилия легла с этой роскошной радостью, которая иногда наполняет мгновенно осьмнадцатилетние сердца и которая до того жива, что среди тишины и уединения от нее становится почти больно. Она ничего не могла думать, но грудь волновалась, и мечты играли. Ее сомкнутые глаза еще видели бал, пеструю толпу и освещенный сад. И засыпающее сознание непонятно омрачалось каким-то безотчетным чувством; она, счастливая, горестно вздохнула, не зная о чем. И успокоительно спускалась на нее томная дремота. Сквозь безмолвие носились будто бы еще отголоски оркестра – *созвучья дальние, полупечальные*, то утихали, то запевали снова, и *в разговоры сливались странные, — / в слова таинственных бесед, / во звуки чудные, желанные, / в Его призыв, в Его привет:*

Звезда далекая
Давно зажглась;
Давно жду срока я,
Проходит час.

7. Вечер прошел неизмеримо скоро. Было уже поздно, когда Вера Владимировна отослала Дмитрия домой. Утомленная от радости, вошла Цецилия в свою комнату: стала раздеваться машинально, машинально легла, с думой одинокой, восхитительной. Благоприятно окружала ее *живила ее атмосфера спокойного счастья*. Всякая мысль ласкала, всякое чувство лелеяло...

Тихая ее улыбка встречала приближающийся сон... он уже носился над ней...

А вдали было так много чудных видений, светлых блаженств...

И ветер чуть шепчет, тихо вея;
Сквозь мглу ветвей глядит луна;
И бесконечная аллея
Густого сумрака полна.

8. И она продолжала сладостно бредить, молодая счастливица. Уже мысли подернулись туманом, и мечты блуждали, перепутанные дремотой; но блаженство в душе сияло сквозь полусон. Ее голова наклонилась медленно и коснулась подушки... *длинные ресницы опустились... и сладко засыпающая вдруг содрогнулась, как в неожиданном испуге; взор ее блеснул и снова погас. И луна шла высоко и глядела в окно... и внезапным взрывом, издали, / чрез простор полет промчался бурный, / и вершины сонные дерев / в темноте мгновенно зашумели, / и опять умолкли, чуть дыша...*

Стихло всё; фонтана только слезы
Падают незримо в тьме аллеи;
Спят листья, не трогаются лозы,
Тишина недвижной и немей.

9. Но ей постепенно наполняло всю душу робкое, сладостно-грустное ожидание, желание невнятное, будто другая, непостижимая любовь. Из-под опущенных темных ресниц скользили медленно тихие, светлые слезы. Она засыпала как обиженный, полуугомоненный ребенок... *И вот ей вспомнилось... кругом / все глухо... не пора ли?.. / она одна... чему же быть?..*

Над ней сияют звезды грозно,
Бездонна ночь, чуть виден дол;
Она одна... быть может, поздно,
Быть может, встречи час прошел.

10. Скоро потом она стояла на опустелой, широкой улице темная и немая. Над нею проходили медленно тяжелые, грозящие тучи и неслись неведомо куда.

Взяла свое взлелеянная дума,
Нашла язык, в мир внешний перешла;
Давно жила среди людского шума
Она во мне, свободна и светла.

Таким образом, в семи случаях из десяти контактная зона («перелив») безусловно есть: ее протяженность – от двух до семи условных строк, возникающих в прозе; в шести случаях это ямб, в одном – хорей.

При этом точное совпадение размера наблюдается в шести случаях (в том числе и стык в конце третьей главы, где Павлова использовала довольно редкий размер – разно-стопный ямб (4/2) на основе двухстопного: в нечетных строчках цезурированный Я4 представляет собой объединение двух двухстопников, а в четных использован одиночный двухстопник с редким дактилическим окончанием; позднее встречаются и бесцезурные

строчки Я4; в прозе точно воспроизводится прихотливая игра стопностью и клаузулами, характерная для цезурированных метров, которыми начинается стихотворная часть главы).

Еще в трех случаях ямба не только непосредственно предшествует появлению стиха, но и «пробегают» в предшествующем прозаическом тексте незадолго до этого появления; еще в двух случаях появление стиха в прозе предвосхищают другие метры.

В двух случаях уже в прозаической части главы возникает и рифма (*и было много лиц, и много там огней... / и между тем в тени, таинственно заветной, / Его чуть внятный вздох повеял вновь над ней...*, глава 5; *и в говоры сливались странные, — / в слова таинственных бесед, / во звуки чудные, желанные, / в Его призыв, в Его привет...*, глава 6).

Интересно, что единственная протяженная внутренняя стихотворная цитата в третьей главе тоже предвосхищается условными ямбическими строчками:

...Он провел перед ними тот ряд волшебного сменяющихся картин: мирное детство, бурную юность и восторги любви, и спокойствие счастья, и беду, низверженную с неба, — пламень пожара, мрак опустошения и смерть матери; и потом, вдали, поляны в блеске вечера, с медленными возвращающимися стадами, тихо сходящую ночь, и благодатный порядок, и внезапный, ужасный мятеж; радости жизни и бедствия, звучно провозглашенные тем молитвенным, роковым отзывом колокола, и наконец с горячих уст его слетели последние вдохновенные слова:

И будь отныне таково
Предназначение его.
Там средь небесного объема,
Высоко над землей взнесен,
Пусть плавает, соседом грома,
И с миром звезд граничит он.

При этом важно отметить, что большинство стихотворных фрагментов, в свою очередь, тоже являются полиметрическими композициями, что еще более усиливает эффект разнородности, мозаичности стихопрозаического целого повести.

Кроме «Другой жизни», Павлова прибегает к совмещению стиха и прозы в своем позднем прозиметрическом «очерке» «Фантазмагории» (1861), из четырех частей которого первая — целиком прозаическая, вторая — стихопрозаическая, а третья и четвертая — полностью стихотворные.

Стихотворные части носят полиметрический характер (Я5/Х4/Я5). В прозаической части сначала появляются три случайных, а

за ними — шесть контактных ямбических строчек:

Голый край, суровые виды. Для путника здесь весело лишь то, что он едет мимо. У этой неприветливой страны / лицо уже не русское. На вершине стоит, сжавшись в городок, кучка домов, старинных, с острыми кровлями. Место крепкое в былую пору, с именем не темным. *Глядит оно угрюмым стариком, пережившим свое время. Его ненужные теперь ограды / и башни смотрят с высоты / в молчании спесивом на округность. / И спесь позволена им: видели переворот / великий эти стены; / им есть что помнить, есть что рассказать.*

Был день один, и им об этом дне
Забуть не можно; видели оне,
Как стан стоял здесь грозный против стана,
Как лютый спор с соседом вел сосед,
Как в той равнине переселил швед
России молодого великана.

После трех аналогов Я5 в сильных позициях начала фразы непосредственно перед переходом к стиху появляется еще несколько условных строк ямба, однако это не пятистопник, как можно было бы ожидать, а цепь сложной конфигурации Я545735.

Нередко встречаются метры и в других прозаических произведениях Павловой, там, где собственно стиха нет и в помине. Особенно их много в «Воспоминании об Иванове» (1858), где почти все предложения и абзацы начинаются с ямба: «Берет неодолимая охота...»; «Ему пришел конец, и только...»; «В письме ко мне из Петербурга...»; «И если это запоздалый / поклон, тем лучше»; «Я не видала человека, / исполненного более глубокой...»; «Так шел восторженный художник...»; «Я знаю, что, читая эти строки...»; «Им нет пощады! Пусть они работают...»; «Да, пусть они все это терпят!»; «Нет в целом мире божьем ничего...».

Другие метры тоже можно обнаружить в этом мемуаре, но они встречаются здесь значительно реже: «Не вспомнил ли он, умирая...», «Я не видала картины Иванова».

Очевидно, что использование прозиметрии вполне соответствует высказанному Павловой взгляду на природу поэзии. В нем поэтесса возражает против «вытягивания» стихотворения, сравнивая его не с широким, покойным халатом, а с «красивым поясом, стягивающим мысль и придающим стройность»³². Очевидно, пространные («вытянутые») отрывки вполне могут писаться прозой, которая, как показывает практика самой Павловой, легко может объединяться со стихом в рамках одного произведения — естественно, прозиметрического.

Примечания

¹ См., напр., материалы новейшего академического сборника: Стих и проза в европейских литературах Средних веков и Возрождения. - М.: Наука, 2006.

² Подробнее см., напр.: Орлицкий Ю.Б. «Шекспировская» прозиметрия в русской драматургии XIX в. // Шекспировские чтения. 2004. - М.: Наука, 2006. - С. 275 - 291.

³ См.: Лотман Ю. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина (проблема авторских примечаний к тексту) // Лотман Ю. Избр. статьи: В 3 т. Т. 2. - Таллинн, 1992. - С. 388.

⁴ Вяземский П. Стихотворения. - Л., 1986. - С. 180.

⁵ Лотман Ю. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина (проблема авторских примечаний к тексту) // Лотман Ю. Избр. статьи: В 3 т. Т. 2. - Таллинн, 1992. - С. 388.

⁶ Там же.

⁷ См.: Барсуков Н. Жизнь и труды П.М. Строева. - СПб., 1878. - С. 61.

⁸ Там же. - С. 99.

⁹ См.: Рылеев К.Ф. Полн. собр. стихотворений. - Л., 1971. - С. 106. Все стихотворения поэта цитируются далее по этому изданию без указания страниц.

¹⁰ Об этом, в частности, писали В. Маслов и А. Цейтлин. См.: Маслов В.И. Литературная деятельность К.Ф. Рылеева. - Киев, 1912; Комм. А. Цейтлина // Рылеев К.Ф. Полн. собр. соч. - М.; Л., 1934.

¹¹ Карамзин Н. История государства Российского. Т. 1. - М., 1989. - С. 103 - 105.

¹² Строев П.М. Краткая российская история. - М., 1814. - С. 2.

¹³ См.: Холшевников В. Случайные четырехстопные ямбы в русской прозе // Холшевников В. Стихovedение и поэтика. - Л., 1991. - С. 75 - 84.

¹⁴ Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. - М.: РГГУ, 2002. - С. 442 - 562.

¹⁵ Здесь и далее используются общепринятые стиховедческие обозначения силлабо-тонических размеров и их аналогов в прозе: Я - ямб, X - хорей, Дак - дактиль, Амф - амфибрахий, Ан - анапест; цифра после названия метра обозначает размер: например, X4 - четырехстопный хорей (или в прозе - четыре стопы хорей подряд). Тип клаузулы обозначается буквами «м» - мужская, «ж» - женская, «д» - дактилическая и «г» - гипердактилическая; соответственно, Я4ж - строка четырехстопного ямба с женским окончанием, Я5м/ж - пятистопный ямб с чередованием мужских и женских окончаний. Значком «х» обозначаются группы строк одного размера (напр. Я4х2 - две строки четырехстопного ямба), знаком «+» - разного размера (Я4+3 - четырехстопная и трехстопная ямбические строки одна за другой). Значком «/» при записи в прозаической форме отделяются друг от друга стихотворные строки (в прозе - условные строки), знак «//» разделяет фрагменты, написанные разными метрами.

¹⁶ Под суммарной силлабо-тонической метричностью того или иного прозаического текста мы понимаем отношение количества слогов, попадающих в ус-

ловные случайные строки (не менее трех слогов трехсложника и четырех - двухсложника подряд), к общему слоговому объему текста.

¹⁷ Маслов В.И. Литературная деятельность К.Ф. Рылеева. - Киев, 1912. - С. 182 и далее.

¹⁸ См. подробнее: Орлицкий Ю.Б. Три «Бориса»: особенности ритмической аранжировки годовуновской темы у Карамзина, Пушкина и Мусоргского // «...Он видит Новгород Великой...». Материалы VII Межд. пушкинской конференции «Пушкин и мировая культура». Вел. Новгород, 31 мая - 4 июня 2004 г. - СПб.; Вел. Новгород, 2004. - С. 237 - 255.

¹⁹ Мы сознательно не включаемся здесь в спор о завершенности или незавершенности этого произведения молодого литератора.

²⁰ Лясковский В.Н. Братья Киреевские. Жизнь и труды их. - СПб., 1899. - С. 342.

²¹ Иван и Петр Киреевские в русской культуре: Сборник статей. - Калуга, 2001. - С. 283.

²² М. Занд называет их «новеллеттами», давая содержательную характеристику составленного из них «жанра повествовательной художественной прозы» в литературе фарси в предисловии к изданию «Бахаристана» [Джами. Весенний сад (Бахаристан). - Душанбе, 1964. - С. 12 - 32]. В непосредственной хронологической близости к «Царицынской ночи» можно обнаружить несколько переводов-подражаний фарсийским прозиметрическим «новеллеттам» - например, опубликованные в «Северной лире на 1827 год» «восточную повесть» Д. Ознобишина «Посещение» и «Садовник и соловей» А. Бюргера со стихотворными вставками в переводе того же Ознобишина.

²³ Об этом см. подробнее: Конрад Н.И. Изамоногтари // Конрад Н. Японская литература. - М., 1974. - С. 196 - 214.

²⁴ Еремеев А.Э. И.В. Киреевский. Литературные и философско-эстетические искания (1820 - 1830). - Омск, 1996.

²⁵ На с. 68 Еремеев говорит, например, о «прозаической форме такого типа, которая явилась как своего рода инобытие поэзии», отличительными особенностями которой называет ритмичность и «органическое слияние философичности и лиризма».

²⁶ Сапогов В.А. К проблеме типологии полиметрических композиций (о полиметрии у Н.А. Некрасова и К.К. Павловой) // Н.А. Некрасов и русская литература. - Кострома, 1971. - С. 99 - 100.

²⁷ Руднев П.А. Из истории метрического ренегатуара русских поэтов XIX - нач. XX в. // Теория стиха. - Л., 1968. - С. 118.

²⁸ Московский литературный и ученый сборник на 1847 г. - М., 1847. Отд. 1. - С. 691. Цит. по: Громов П.П. К.К. Павлова // Павлова К.К. Полн. собр. стихотворений. - М.; Л., 1964. - С. 30.

²⁹ Казанович Е. Комментарий к: Павлова К.К. Полн. собр. стихотворений. - Л., 1939. - С. 439 - 440. Цит. по тому же ист. - С. 31.

³⁰ Громов П.П. Цит. соч. - С. 32.

³¹ Павлова К.К. Письмо в редакцию «Современника» // Павлова К.К. Собр. соч. Т. 2. - М., 1915. - С. 325.

³² Там же. - С. 324.

**ЕВРОПА В ВОСПРИЯТИИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА
(«Письма из-за границы» П.В. Анненкова)**

Жанр писем из-за границы в русской литературе ведет свою историю едва ли не с эпохи Средневековья. Документальность и прагматическая функция этого жанра позволяли воспринимать подобные тексты (учитывая их распространенность) как своего рода «путеводитель», дававший россиянам возможность заочного знакомства с Европой. Вместе с тем это была каждый раз индивидуальная картина мира, ибо сама природа жанра письма, находящегося, как давно заметили исследователи, на границе между литературой и бытом, предопределяла значение авторской точки зрения.

П.В. Анненков - первый биограф А.С. Пушкина; мемуарист, оставивший воспоминания о Гоголе, Белинском, Тургеневе, «замечательном десятилетии» 1840-х гг.; литературный критик эстетического направления, публицист - является также автором двух циклов писем из-за границы, печатавшихся в журналах «Отечественные записки» (в 1841 - 1843 гг.) и «Современник» (в 1846 - 1847 гг.). Изначально они не создавались в качестве литературного текста и потому интересны как проявление непосредственной реакции русского образованного человека на европейский мир, когда его впечатления еще не успели оформиться в виде некоей системы взглядов и почти лишены обобщений. (Все это появится позднее в очерках, написанных Анненковым на том же материале, и мемуарах.) Эти письма адресованы конкретным людям: первый цикл - В.Г. Белинскому, второй - В.П. Боткину - и, безусловно, рассчитаны на их сочувствие, интерес и понимание. Корреспондентов Анненкова связывали с ним не только дружеские отношения, но и принадлежность западничеству, близкая система ценностей: идеологических, эстетических и пр.

Опубликованные в журнале и предназначенные уже для широкого читателя, письма Анненкова, тем не менее, сохранили свою направленность на определенный тип адресата - образованного и либерально мыслящего человека, готового к восприятию чужой культуры. В этих письмах обращает на себя

внимание предельно заинтересованное и в то же время корректное отношение к этой культуре. Неслучайно за границей он усиленно изучает немецкий, английский, итальянский языки и совершенствуется в знании французского. Это одно из необходимых условий, говоря языком современной науки, межкультурной коммуникации, хотя Анненков «соблюдает» и другие ее условия.

Здесь нигде не возникает столь характерная для идеологии западников оппозиция: мы/они, свой/чужой и т.д., хотя эпизодически появляется сравнение русского и европейского мира. В них почти нет «стереотипов ожидания», которые предопределили бы авторское восприятие Запада; они лишены идеологической заданности. Анненков сравнивает себя с «бесстрастным наблюдателем», замечая, что эта роль для него «приятна и дорога. Есть в ней и наслаждение, и поучение!»¹, хотя момент интерпретации увиденного, конечно, оказывается неизбежен.

В заграничных письмах Анненкова органично взаимодействуют публицистический и эстетический дискурсы. С одной стороны, они передают внешние впечатления автора от увиденного, оставляя его фигуру в тени (повествователь и автор здесь одно и то же лицо); «документируют» события, обладают ярко выраженной прагматической функцией. С другой стороны, здесь ясно видны авторские предпочтения, его общественная позиция, коммуникативная стратегия, наконец, свойственное эстетическому дискурсу образное начало - неслучайно В.П. Боткин увидел в них «артистический элемент»².

Сама цель путешествия Анненкова носит, прежде всего, познавательный характер. «Для меня, скромного жителя севера, странствующего для назидания своего...» (с. 39), - замечает он в одном из писем. В этом смысле его корреспонденция сохраняет традицию «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, хорошо знакомых Анненкову, - традицию, как пишет современный исследователь, «интеллектуального путешествия в культуру». Уже в первом письме, рассказывая о впечатлении от острова Борнгольм, Ан-

ненков объясняет свою первоначальную реакцию следующим образом: «Не поверите, как живо представилась мне комната, в которой читал я, сидя за столом, измаранным чернилами и изрезанным перочинными ножичками, длинную книгу под заглавием «Сочинения Карамзина» (с. 5). Осматривая рейнский водопад, Анненков старается соблюдать тот самый порядок, которому следовал Карамзин; как он замечает: «позднее осуществление одного из самых ранних, юношеских моих мечтаний!» (с. 75).

Письма Анненкова свидетельствуют о том, что он был хорошо знаком с историей и искусством Европы еще в России. В них появляется множество известных имен европейских ученых, литераторов, музыкантов, художников, политиков. Отдельные места, где останавливается русский путешественник, знакомы ему по какой-то связи с событиями европейской истории или знаменитыми людьми, которые здесь бывали, знакомы по литературным текстам. Так, в итальянском городке Феррара, как пишет Анненков, «первое дело было кинуться ко дворцу, где жила прекрасная Леонора д'Эсте» (с. 23), в которую, по преданию, был влюблен Торквато Тассо. Первое впечатление от Германии, которую он наблюдает из окна общественного экипажа, вызывает у автора писем ассоциации с Гете: «...всюду на улицах, земле, строениях, камнях, людях выражение благосостояния и довольства, которые в единый момент пояснили мне "Германа и Доротею" Гете и действительность этого поэтического произведения» (с. 6). Сюжеты из европейского прошлого расцветиваются воображением путешественника, но встреча с местами, где они родились, делает для него эту историю куда более понятной и потому - близкой, а Европа из мифа, существующего в его сознании, превращается в реальность.

В первом цикле – «Письмах из-за границы» – Анненков пишет о нескольких странах, в которых он был: Германии, Швейцарии, Италии, Франции; во втором – «Парижских письмах» – непосредственно о французских впечатлениях, особенно важных для него. Восприятие этих стран путешественником складывается из нескольких составляющих: природы, облика городов, включая памятники архитектуры, характера общественной жизни, быта. Однако для Анненкова важны не только внешние проявления нового для него мира, но и внутренняя, в том числе духовная культура той или иной страны, открывающаяся ему в музеях, картинных га-

лерях, театрах, университете, литературе и журналистике, наконец, в религиозной жизни народа. Анненков явно настроен не только на узнавание, но и на понимание другой национальной ментальности и потому, будучи иностранцем, не испытывает почти неизбежного в этой ситуации «культурного шока».

Анненков каждый раз стремится передать индивидуальность страны, в которую он приезжает, того или иного города. Пространственная точка зрения путешественника включает в себя и общую панораму города, и какие-то конкретные его уголки, сочетает крупный и частный план. Уже в Любеке, первом немецком городе, с которого начинается узнавание Европы, у русского путешественника возникает ощущение другого пространства: «Поразительны эти узкие улицы, эти огромные дома, страдающие чахоткой, дома в семь и восемь этажей, с готическими фасадами, выступами, балконами, завитками, и все так тесно, так сжато, что скрывает свет Божий, и кажется, что идешь не по улице, а по ущелью, образовавшемуся от раздвоения огромной скалы» (с. 6). Непривычный архитектурный стиль – это первое, что, естественно, обращает на себя внимание путешественника. И хотя никаких сопоставлений с Россией здесь, как и в дальнейшем, практически нет, этот фон постоянно присутствует в сознании автора.

Российские просторы как одна из характерных этнографических особенностей нашей страны давно соотносятся исследователями с определенными особенностями русской ментальности, хотя связи эти носят, конечно, самый опосредованный характер. Но постижение другого мира, другой культуры сквозь призму пространственных координат является одной из констант воспринимающего сознания. Так, Гамбург он видит с высоты башни одной из городских церквей, при этом подбирая для описания сравнение из мира русской жизни, русской истории. Город представился ему «в полной красе с остроконечными черепичными кровлями, как толпа бояр русских в стародавних шапках» (с. 8).

Описывая знаменитый Миланский собор, путешественник сравнивает его с «лопнувшим бураком фейерверка, который выкинул в небо сотни звезд с огненными хвостами» (с. 37). «Особенно замечательно в этом соборе, - продолжает Анненков, - что он был последним усилием готизма в Европе, и поэтому уж не найдете вы в нем фантастических барельефов, узоров, высеченных в камне, за которыми трудно следить глазу, всего того,

что в германском готизме и в некоторых странах Италии поражает разгулом, прихотью воображения. Все в нем правильно, чисто и симметрично» (с. 37).

Познание Парижа тоже начинается для Анненкова с архитектурного облика города, его знаменитых достопримечательностей: Пале-Рояль, Нотр-Дам, Пантеон и пр. В письмах Анненкова возникает панорама Парижа, увиденная с одного из мостов: «С правой стороны тяжелый, массивный Лувр соединяется длинной галереей с Тюльери, закрывая от глаз площадь Карусель и триумфальную арку Наполеона. За Тюльери идет его сад, оканчивающийся у площади de la Concorde, с ее Луксорским обелиском, с которой уже начинаются Champs Elysees, оканчивающиеся опять триумфальной аркой de l'Etoile. Поверните направо от Тюльери и вы выйдете на Вандомскую площадь, а с нее на знаменитые бульвары, на эти бульвары, преисполненные магазинов, рестораторов, театров, где столько было кровавых сцен и еще будет! С левой стороны реки видны на небе два купола – Пантеона и Инвалидного дома, составляющие как будто восклицательные знаки этому берегу...» (с. 51).

Прожив достаточно длительное время в разных европейских странах, Анненков, тем не менее, не воспринимает Европу как нечто единое, цельное; не случайно у него практически нет понятия «европеец», а есть определения «француз», «англичанин», «немец», «итальянец». Очевидно, он не может говорить и о каких-то единых европейских ценностях (в отличие, например, от И.С. Тургенева), хотя по косвенным замечаниям и оценкам можно представить его собственные аксиологические ориентиры, которые соотнесены с жизнью европейцев.

Позиция Анненкова – это позиция просвещенного либерализма, для которого человеческая личность, ее права и достоинство, гражданская свобода и гражданское общество являются главными приоритетами. С этой точки зрения он и оценивает характер общественной жизни европейских стран. Анненков замечает ее консервативность, даже стагнацию – в Италии, Австрии и Германии. И потому очевидное благополучие и устроенность этого мира, на что он сразу обращает внимание, не исключает для него возможности критического отношения к нему. В Швейцарии, например, у него вызывает крайнее удивление абсолютная автономия кантонов, которые почти никогда не могут между собой ни о чем договориться. «Право,

на месте этих швейцарцев, – пишет он, – наложил бы я на себя руки, а они гуляют, курят, рассуждают об Америке, и один даже на упрек мой, что как не стыдно пить кофе с ромом и целый вечер смотреть, как другие играют в бильярд при таком отчаянном состоянии отечества, отвечал мне флегматически: «Мы любим споры!» (с. 39). Любуясь в окрестностях Франкфурта садом с бесчисленными виллами, дачами и домиками, Анненков чуть иронично отмечает, что они «дышат таким выражением благосостояния, что мнится, будто из каждого светлого окошечка выглядывает по банкиру...» (с. 72). Вместе с тем, как пишет он в очерке «Гамбург», созданном в тот же период, что и письма: «я здесь не встретил гамбургца, который мог бы объяснить конституцию своего города. Они так спокойны, так свободны, так благополучны, что не хотят знать причин всего этого» (с. 246). Конечно, в подобных суждениях общего характера есть и момент влияния национальных стереотипов, который, очевидно, неизбежно включает в себя воспринимающее сознание.

По контрасту с этими странами (Австрией, Италией и Германией) Анненков замечает предельное оживление общественной жизни во Франции, особенно в Париже. Впечатления от Парижа в письмах 1841 - 1843 и 1846 - 1847 гг. значительно отличаются друг от друга. Доминирующая интонация писем первого цикла – удивление, восхищение. Второй цикл является куда более сдержанным по тону и оценкам. Отличаются они и самим характером авторского внимания к тем или иным сторонам жизни большого города. Если в первый период жизни в Париже (7 месяцев) Анненкова в большей мере занимают достопримечательности города, яркие события, то во второй (больше года) – его повседневная, будничная жизнь. Здесь уже нет описания архитектурных памятников улиц, площадей и пр. Анненков возвращается в город, хорошо ему знакомый и внутренне «пережитый».

Уже во время первой заграничной поездки он сумел почувствовать, «как внимательно смотрит Европа на его (Парижа. – Н.В.) занятия и поведение» (с. 51). Позднее, в воспоминаниях, анализируя тогдашнюю европейскую ситуацию, Анненков скажет более определенно – о крайне настороженном отношении Европы к Франции, тем более что фоном для него являлось восприятие этой страны в России – исторически изменчивое и неоднозначное.

Ощущение особого статуса Франции, отношение к ней как к центру европейской жизни сформировалось у русских людей еще в XVIII в., однако проявлялось оно по-разному. С одной стороны, общение императрицы Екатерины II с французскими энциклопедистами, литературные и культурные связи, романтическое восприятие русской интеллигенцией Великой французской революции и революционных событий середины XIX в.; увлечение идеями французских социалистов-утопистов; с другой – постоянное опасение, которое вызывало у официальных властей «французское влияние».

Заграничные письма П.В. Анненкова формировали у русского читателя восприятие Франции, ее столицы как бы с близкой дистанции, изнутри. В этом представлении города не было идеализации, но сохранялось ощущение его неповторимости, его особого положения в европейском мире. Само знакомство со столицей Франции для русского путешественника – это знакомство с чем-то вполне персонифицированным: «В ту же минуту Париж встал передо мною и зычным голосом воскликнул: «Это я!» (с. 40). Париж вовлекает русского путешественника в самые разнообразные сферы жизни, в свой стремительный ритм и подчиняет себе, по сути, формирует его поведение. «Театры, площади, обеды, журналы, книги, магазины – все это проглотил я в один прием, и удивляюсь, как выдержала его физическая и моральная моя организация», - пишет он друзьям (с. 40).

Нечто подобное ощутил и Н.М. Карамзин, на которого Париж произвел похожее впечатление: «Теперь замечу одно то, что кажется мне главною чертою в характере Парижа: отменную живость народных движений, удивительную скорость в словах и делах... Здесь все спешат куда-то; все, кажется, перегоняют друг друга; ловят, хватают мысли...»³.

Анненков замечает повышенный интерес французов к прессе, освещающей события сегодняшнего дня. «Едва только продерет глаза парижанин, - несколько иронически замечает автор писем, - как бежит в один из бесчисленных здешних кафе читать журнал» (с. 43); причем, главное, что интересует французов в журналах, по наблюдениям Анненкова, - это политика. И он перечисляет многочисленные журналы, говорит об их направлении, характеризует журнальную полемику и т.д. Сам он, длительное время живя в Париже, тоже читает эти журналы, анализирует их, бывает в палате депутатов, суде и пр. Он пишет своим корреспондентам о со-

циальных контрастах Парижа, ибо уже при первом знакомстве с городом Анненков обращает внимание на то, «как страшно в этих городах с миллионом жителей соединяются и идут рука об руку непомерная роскошь и непомерная нищета» (с. 42). «Это пояснит Вам, - уточняет он, - с одной стороны, восторги приезжих туристов, а с другой – беспокойное состояние общества» (с. 44). Вместе с тем к политической жизни Анненков относится преимущественно как наблюдатель и аналитик, но не участник, в том числе и в период французской революции 1848 г., о событиях которой он расскажет позднее в очерке «Февраль и март в Париже 1848 г.» Неслучайно известный представитель народничества П. Лавров упрекал его в политической пассивности, не без сарказма назвав Анненкова «туристом-эстетиком»⁴.

Действительно, русская интеллигенция могла вести себя в это время и по-другому, как, например, А.И. Герцен, который шел по улицам революционного Парижа в колонне демонстрантов, распевая «Марсельезу»⁵. Тургенев показывает в романе «Рудин» пример романтико-героического отношения к происходящему, когда русский дворянин гибнет на парижской баррикаде. Однако поведение Анненкова, очевидно, наиболее типично для представителей русской либеральной интеллигенции. В.П. Боткин в одном из ответных писем Анненкову замечает: «Политические очки не всегда показывают вещи в настоящем виде, особенно если эти очки сделаны из принятых заочно доктрин»⁶. В этом смысле П.В. Анненков не столько западник, сколько европеец. Определяя сферы деятельности русских европейцев, В.К. Кантор пишет: «В управлении и суде, во всех либеральных профессиях, в земстве и, конечно, прежде всего, в Университете европейцы выносили главным образом всю тяжесть мучительной в России культурной работы. Почти все они уходили от политики, чтобы сохранить свои силы для единственно возможного дела»⁷.

Анненкова интересует жизнь европейского общества во всем многообразии ее составляющих, однако приоритетом для него все-таки оказывается искусство, причем как искусство классическое, «образцовое», которым он наслаждается в Италии, так и искусство современное, выражающее характер и дух времени. В «Письмах из-за границы» он передает свои впечатления от Рима, который воспринимает, по сути, как музей, где жизнь протекает в особом измерении. Хронотоп

Рима в письмах русского путешественника задан авторским ощущением непосредственной причастности этого города к культуре античности и Возрождения. «Что касается до Рафаэля и Микеланджело, - замечает Анненков, - то эти вечные граждане Рима как будто и не умирали: имена их звучат поминутно, поминутно» (с. 31). Наиболее интересным явлением современного искусства для него оказывается французская живопись. В «Парижских письмах» он рассказывает о выставке живописи 1847 г. в Лувре. Анненков анализирует множество картин, о некоторых из них отзываясь очень критично (например, Рудольфа Лемана и Жана Жозефа Делорма), и говорит даже о «погибели исторической и религиозной живописи во Франции» (с. 112). В то же время он замечает подлинно художественные открытия в картинах Делакруа, Тома Кутюра, Камилла Коро, Диаза, которые представляют новую Французскую школу (с. 117). При этом Анненков оценивает в их творчестве сам процесс художественного поиска, хотя и воспринимает его результаты по-разному. Так, восхищаясь полотнами Делакруа, он тем не менее пишет о его живописи: «Сколько же силы настоящей и смешного преувеличения, ясности намерений и ошибки в способах, поэтического смысла в целом и чудовищности в подробностях, знания живописных эффектов, с одной стороны, и странных художнических недоразумений - с другой, проявляется и в других картинах Делакруа...» (с. 120). Главное достоинство современной французской живописи русский путешественник видит в ее раскрепощенности, независимости от каких-либо заказов и правил. «Это единственное искусство в Европе, - пишет он, - которое идет параллельно с обществом и на котором отражается колебание последнего и не установившаяся мысль его... Оно схоже с веком как дерзостью своих начинаний, так и глубиной своих падений» (с. 126).

Очевидно, как фон в сознании Анненкова присутствует русское искусство. Он замечает отличия, прежде всего, в живописи религиозного характера. Европейские художники, по мнению Анненкова, по преимуществу «занимались выражением собственных религиозных созерцаний, а не определением Божества как отдельного мира, как объекта» (с. 85). Византийское же искусство, традиции которого сохранились в России, считает русский путешественник, «с самого зародыша своего имело целью чисто и просто напоминать Его» (с. 86).

Анненков проявляет самый активный интерес и к театральной жизни Европы. «Семнадцать (театров. - Н.В.) - кроме концертов и панорам! Семнадцать - каждый день!» (с. 47) - сообщает он своим корреспондентам о первом периоде парижской жизни. При этом автор писем достаточно критично оценивает многое из того, что видит, в частности водевили и комедии с куплетами, которые заполняют сцены парижских театров (с. 47). Характерно, что в его сознании возникает момент сравнения в отношении к комическому русских и французов. «Русские нелепости, - пишет он, - вещь странная: волосы становятся дыбом; французская нелепость, напротив, полна остроумных намеков, идет живо...» (с. 48). В то же время Анненков с восторгом пишет об актерском искусстве знаменитой Рашели и Фредерика Леметра, которых он видел в классической трагедии и новейшей мелодраме. Русского путешественника поражает необычайный интерес к театру самих парижан. «Каждый вечер, - пишет он, - у бюро всех театров образуется масса народа, жаждущая дешевого билета в партер (два франка, в операх - 4...); каждый вечер растягивается у всех бюро черный длинный хвост постепенно приходящих за билетами...; каждый вечер врывается эта толпа во все театры, звучным голосом изъявляет свое удовольствие и с многочисленными знаками нетерпения ждет удара смычка и поднятия занавеса» (с. 50). Наблюдая за всем этим, Анненков воспринимает французский театр как особое проявление национальной культуры, которую стремится ощутить во всей полноте.

В его письмах возникают и оценки общего характера. «В Европе искусство, - приходит он к выводу, - столько же общественный вопрос, сколько воспитание, пролетариатство, соль или табак» (с. 122). Последнее сравнение - из мира быта, повседневности - совершенно неслучайно. Анненков видит, что искусство на Западе подлинно демократично своей доступностью людям всех слоев населения. «Для бедных... - пишет он, - есть музеумы, выставки, собрания: вот настоящая подмога бедности. И какое приобретение может с ними сравняться, и какой богач имеет то, что каждый день может видеть всякий!» (с. 92). И хотя Анненков в силу не только цензурных, но и внутренних причин практически не проводит каких-либо параллелей с собственной страной, в его сознании, как и в сознании читателя, они, конечно, возникают. «Европа поняла дело лучше, - за-

ключает он, - чем человеколюбые сентиментальные...» (с. 92).

Еще одна составляющая культурного мира Запада, о которой пишет Анненков, это университет. Его удивляет и даже восхищает необыкновенная популярность университета у парижан, ибо публичные лекции известных профессоров Сорбонны, как он замечает, «посещаемы всеми классами народа...» (с. 57). Так, на лекциях профессора духовного красноречия Дюпанлу (делится своими впечатлениями Анненков), «огромная аудитория, вмещающая в себя до трех тысяч человек, была недостаточна для всех жаждущих насладиться его импровизацией...» (с. 62). Восприятие автором писем знаменитого Берлинского университета во многом предопределено его репутацией интеллектуального центра Европы, хотя Анненков наблюдает его жизнь со стороны, в отличие, например, от И.С. Тургенева, который слушал там лекции. По наблюдениям Анненкова, университет не обладает такой силой массового воздействия на горожан, как Сорбонна, но «поглощает всю жизнь и все толки лучших голов Берлина...» (с. 10). Он замечает даже, как студенты, «восхищенные лекциями профессора, нанимают музыкантов, приходят под окно учителя и после увертюры поют песни в честь науки, университета и преподавателя» (с. 10).

В то же время Анненков сталкивается в Европе, как ему кажется, с «совершенным равнодушием общества к литературе и литераторам» (с. 15). Подчас русский путешественник, действительно, проявляет бóльший интерес к европейскому писателю, чем его соотечественники. Так, в Германии, когда он упоминает в разговоре с кем-то из случайных собеседников, сколько он заплатил за томик Гейне, то по глазам его видит (как иронически замечает в письме), «что он рассчитывает, сколько в этих деньгах стаканов пива...» (с. 9). Кроме того, сам характер восприятия литературы оказывается у русского читателя, в данном случае еще и будущего представителя эстетического направления в критике, иным, чем у читателя западного. Познакомившись в Париже со статьей профессора Молена о переводах Пушкина, Анненков пишет своему корреспонденту: «Вообразите же - он судит о нем с политической точки зрения вместо художественной и эстетической, где каждому русскому слышится глубокое слово! Как тяжело еще понимать нас иностранцам!» (с. 99). С другой стороны, Анненков высоко оценивает научные работы

европейских ученых и мыслителей - социологического, исторического, политического характера (Прудона, Фурье), говоря не только о силе их воздействия на французов, но и на русскую интеллигенцию. «Когда осенью 1843 года я прибыл в Петербург, - позднее вспоминает он, - то далеко не покончил все расчеты с Парижем, а, напротив, встретил дома отражение многих сторон тогдашней интеллектуальной его жизни»⁸.

Анненков наблюдает и за религиозной жизнью в Европе. При этом русский путешественник, приехавший из православной по преимуществу страны, очень терпимо, иногда с сочувствием относится к другим религиозным конфессиям. Так, портреты Лютера и Меланхтона приводят его к мысли, что это «люди, изъяснившие божественное учение до того, что оно вошло в кровь народов, принявших его, и сделало их нравственными [тут я с ними]» (с. 243). И хотя какие-то проявления религиозной жизни на Западе оставляют его равнодушным (например, обедня, совершаемая Папой Римским на площади перед Ватиканом), ему свойственно отношение к христианству как к некоей основе и общности той европейской культуры, частью которой является и Россия.

Живя в Европе, он, естественно, говорит по преимуществу о европейцах, лишь эпизодически упоминая об их отношении к России и к русским. Более развернутые суждения на эту тему позднее появятся в его воспоминаниях. Приведу одно из них: «Собственно русских тогда не существовало, были регистраторы, ассессоры, советники всех возможных наименований, наконец, помещики, офицеры, студенты, говорившие по-русски, по русско-го типа в положительном смысле и такого, который мог бы выдержать пробу как самостоятельная и дельная личность, еще не нарождалось» (с. 178). Кстати, сам Анненков как раз сознает себя русским. В отличие от тех представителей русской интеллигенции, которые, подобно известным литературным героям Бельтову, Рудину, Версикову и др., чувствовали себя чужими и в Европе, и в России, Анненков сохраняет внутреннюю связь с отечеством. Сам опыт знакомства с Европой давал ему возможность посмотреть на общественную ситуацию в России со стороны, ибо судьба собственной страны в конечном счете была главным предметом его раздумий и внутренним импульсом его жизни и деятельности. В то же время автор писем абсолютно открыт западному миру, куда он приезжает не как эмигрант или «русский

скиталец с мировой тоской», а как русский европеец.

Примечания

¹ Анненков П.В. Парижские письма. - М., 1984. - С. 51. Далее цитируется в тексте по тому же изданию с указанием страниц.

² См.: Письма В.П. Боткина П.В. Анненкову // П.В. Анненков и его друзья. - СПб., 1892. - С. 546.

³ Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Русская проза XVIII века: В 2 т. - М.; Л., 1950. - Т. 2. - С. 437.

⁴ Лавров П.Л. Турист-эстетик // Дело. - 1879. - № 10. - С. 10.

⁵ См.: Герцен А.И. Былое и думы: В 2 т. - М., 1988. - Т. 1. - С. 492.

⁶ Письма В.П. Боткина П.В. Анненкову // П.В. Анненков и его друзья. - СПб., 1892. - С. 541.

⁷ Кантор В.К. Русский европеец как явление культуры. - М., 2001. - С. 14.

⁸ Анненков П.В. Литературные воспоминания. - М., 1989. - С. 185.

УДК 821.161.1 (091) «19»

М.А. Черняк
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург

РУБЕЖ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ В ЗЕРКАЛЕ МАССОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В последние десятилетия XX в. произошли значительные изменения в «литературном пейзаже». Полифония сегодняшнего дня внесла серьезные коррективы в фабульно-тематический и жанровый диапазон современной литературы. Стремительно изменяются маршруты литературного формотворчества, меняется аксиологическая шкала. Во многом эти изменения связаны с тем, что современный литературный процесс оказался зажатым не только между двумя веками, но и между двумя тысячелетиями. Кризисное и экспериментальное состояние литературы коррелирует с более общими процессами, переживаемыми культурой в переходный период ее развития. Релятивное сознание, для которого свойственно бесконечное ироническое снижение любых философско-эстетических универсалий, царит на рубеже веков и исключает возможность единого стиля.

Переходные эпохи, характеризующиеся многослойностью самого исторического бытия, культурной неопределенностью, поисками художественно обозначимого идеала, изменением диапазона культурно-исторических смыслов, имеют свой особый язык, экспликация и дешифровка которого является важной задачей современной филологической науки. Литература переходных эпох, являясь открытой художественной системой, направлена к диалогу культур, к поиску общих эстетических координат. В конце XIX - XX в. возникло предчувствие, а затем и чет-

кое осознание не только единства европейской культуры, но и общности конституирования самой культуры. Если говорить о массовой литературе, то она представляет собой наиболее космополитическое явление, для которого свойственно стирание национальных различий.

Выявление игрового начала в переходной эпохе, восприятие сложных социально-исторических процессов в карнавальном хаосе, характерном для массовой литературы, выразительно представлено в комедии Б. Акунина «Зеркало Сен-Жермена. Святочная история в двух действиях» (этот же сюжет лег в основу «типа святочного рассказа» «Проблема 2000», вошедшего в сборник Б. Акунина «Сказки для идиотов»¹). Константин Львович Томский, управляющий кредитно-ссудным товариществом «Добрый самаритянин», растративший из кассы товарищества сто тысяч, с опаской готовится к встрече нового 1901 года: «Господи всемиловитивый, прости, если можешь. Я не хочу жить в этом мерзком двадцатом веке» — и чокается со своим отражением в зеркале. «На шестом ударе одновременно с щелчком взвонившего курка зеркало повело себя престранно. Серебряная гладь замутилась, стройная фигура отставного штабс-ротмистра окуталась туманом и вдруг чудовищнейшим образом преобразилась. Константин Львович увидел вместо себя какого-то бритого толстощекого господина в коротком бордовом сюртучишке и с бокалом в мясистой руке.

*Неленая порослячья физиономия перекосилась от ужаса, и из рамы выметнулась короткопалая пятерня, блеснув массивным золотым перстнем*². По ту сторону волшебного зеркала оказывается «новый русский» Вован, встречающий новый XXI век и мечтающий о том, чтобы «Вован из Раменок там, с тремя девятками остается, а в новое типа тысячелетие въедет авторитетный чувак Владимир Егорович, нет, лучше Владимир Георгиевич, генеральный директор инвестиционно-маркетингового холдинга «Конкретика»³. Сюжетная зеркальность и симметричность здесь становится основным художественным приемом. Вован оказывается в начале XX века («*Время, сука корявая, свинтилось с гаек и кинуло солидного человека на сто лет назад!*»⁴), а Томский – в начале XXI («*Раз я не желал жить в двадцатом веке, ты сразу перенес меня в двадцать первый! Верую, господи, верую!*»⁵).

Переходный период в литературе – это период «обновления разных видов и жанров художественного творчества, период рождения новых форм, выработки нового художественного зрения»⁶. «Особенный интерес представляют уровни и рамки человеческих притязаний в переходные эпохи, когда происходит массовая переоценка социальных ценностей и ресурсов»⁷, – эти слова Ю. Левады приобретают особое звучание при обращении к текстам Б. Акунина, в которых автор фиксирует эти переоценки и старается определить маркеры изменений переходного времени. «Новое художественное зрение» рождается в поэтике Б. Акунина из ощущения новой языковой среды. Примечательно, что герои, оказавшись в другом времени, острее всего ощущают языковой конфликт. Писатель формирует новую стилистику, соответствующую языковой личности нового века, существенно обновляет средства выражения, активно использует возможности языковой игры. Так, например, Томский реагирует на рекламу политического блока: «*В новом годе и новом веке снова с заботой о человеке! Блок «Отечество». Что за Блок такой, умильно подумал Константин Львович. Уже не Сашура ли, сынок Сэнди Кублицкой-Пиоттух? Сэнди рассказывала, что мальчик пишет недурные стихи. Должно быть, в двадцатом веке стал знаменитым поэтом и даже классиком — сочинил стихотворение с патриотическим названием*». А оказавшийся в 1900 году Вован не только не может понять многие слова, но из-за своей полнейшей дикости и необразованности со-

вершенно не понимает, в какой исторической эпохе оказался. Так, испугавшись мощных ударов в дверь, герой думает: «*Что за лажа? Вован вспомнил какое-то кино из детства: типа дворец, там за столом шишаки с олигархами припыхают, а в дверь ломят быки с винтарями и пулеметными лентами. Типа революция. Е мое, в каком она году-то была, не в девятисотом? Хрен вспомнишь*»⁸. Сегодня, когда наблюдается заметное оскуднение словаря личности, особое звучание приобретают слова О. Мандельштама о том, что «отлучение от языка равносильно отлучению от истории». Два века, по Б. Акунину, – это две языковые стихии, два способа бытования слова (в речи Вована, например, происходит массивное вторжение разговорной стихии и субстандарта в текстовое пространство).

Игра с речевыми масками, с разными семантическими регистрами слов обнаруживается и в романе «Алтын-толобас»⁹, где проблема переходности также является доминантной. А. Генис очень точно заметил, что концу XX века свойственна инфантильность: «Наш век впадает в детство. Сейчас он наклеил себе чужие усы и играет во взрослое надежное, основательное и добропорядочное XIX столетие»¹⁰. Б. Акунина не раз обвиняли в «заигрывании» с XIX веком, а в связи с этим – в ограниченности координат художественного мира.

Роман «Алтын-толобас» стал первой попыткой писателя отразить социокультурные сдвиги новейшего времени. В одном из интервью писатель так комментирует возникновение нового романа: «*Действие происходит в наши дни, так что теперь каждый читатель может сопоставить свои ощущения от современности с моими. Ощутить языковое разнообразие современности. Тут уж за обаяние XIX века мне не спрятаться. Я нарочно вхожу в это болото, барахтаюсь в нем – среди моих персонажей полный набор образов современного общества. Чем глубже я увязваю в массовом жанре, тем больше возможностей в нём обнаруживаю* (выделено мной. – М.Ч.). Получается отличный роман с тайной»¹¹.

Сюжет романа «Алтын-Толобас. Приключения магистра» распределяется равномерно в двух временных и пространственных сферах: главы, посвященные Николасу Фандорину, чередуются с главами о его прародителе Корнелиусе фон Дорне. Два иностранца приезжают в Россию, но в разное время. Приключения бравого Корнелиуса фон Дор-

на разворачиваются в конце XVII в., в эпоху царя Алексея Михайловича. Выросший в Соединенном Королевстве внук Эраста Петровича, магистр истории Николас Фандорин прибывает в Россию конца XX в. для исследования собственного затерянного в глубине веков рода.

Важно отметить, что и в этом романе обнаруживается зеркальность сюжетных ходов, рождаемая от ощущения «конца века» и ожидания перемен как Корнелиусом, так и Николасом. Николаса привлекает не только история собственного рода, но и история переходной России, а узнавание прошлого оказывается лучшим способом понять настоящее: *«История привлекала Николаса не как научная дисциплина, призванная осмыслить жизненный опыт человечества и извлечь из этого опыта практические уроки, а как увлекательная, завораживающая погоня за безвозвратно ушедшим временем. <...> узнать как можно больше о человеке из прошлого: как он жил, о чем думал, коснуться вещей, которыми он владел, – и тогда тот, кто навсегда скрылся во тьме, озарится светом, и окажется, что никакой тьмы и в самом деле не существует»*¹².

Молодой Николас, имеющий русские корни, представление о своей исторической родине получил от отца, сэра Александра: *«Никакой России не существует. Понимаешь, Никол, есть географическое пространство, на котором находилась страна с таким названием, но всё её население вымерло. Теперь на развалинах Колизея живут остготы. У остготов свои обычаи, нравы, свой язык. Читай старые романы, слушай музыку, листай альбомы. Это и есть наша с тобой Россия»*¹³.

Осмысление и понимание новой России происходит у Фандорина через освоение языка «остготов». Ещё в Англии, готовясь к встрече с исторической Родиной, Николас знакомился с заезжими россиянами и выписывал в специальный блокнот новые слова и выражения: *«отстойный музон = скверная музыка ("отстой" – вероятно, близкое к "sewege"); как скрывают цитрон = как украсть миллион ("скрывают" – близкое к to rat, "цитрон" – смысловая подмена сл. "лимон", омонимич. имитации сл. "миллион") и так страничка за страничкой»*¹⁴.

В романах Б. Акунина «Любовник смерти» и «Любовница смерти»¹⁵ действие происходит в августе-сентябре последнего года XIX в., и тема «конца века», апокалиптические

мотивы оказываются смыслообразующими и в этих произведениях. Б. Акунин переносит в эти романы сюжетные хронотопы как произведений М. Горького периода рубежа XIX - XX вв. («Любовник смерти»), так и авторов Серебряного века («Любовница смерти»).

Декадентская, символистская тема мифологизированной смерти (ср.: *«для женщин Смерть – Вечный Жених. У нас вообще все очень поэтично. Для соискателей Смерть – это как бы <...> Прекрасная Дама, которой мы посвящаем стихи, а если понадобится, то и самое жизнь»*¹⁶) возникает в парном романе «Любовник смерти» в антураже «горьковского» быта Хитровки; декадентские мотивы влекущей смерти превращаются в реальную женщину по прозвищу Смерть, навлекающую гибель на любовников. А. Ранчин полагает, что «два текста рожают истинную полифонию, их сплетение заставляет вспомнить "музыкальную" поэтику композиции у символистов, в частности симфонии Андрея Белого»¹⁷.

Акунинский Клуб самоубийц превращается в «общество мертвых поэтов». Все его члены, готовясь к смерти, обязаны писать стихи. Примечательно, что в этом насквозь интертекстуальном романе (достаточно вспомнить, что главная героиня Маша Миронова, правда, не «капитанская», а обер-офицерская дочка, сбегает в Москву для того, чтобы под именем Коломбины войти в Клуб самоубийц и «стать игрушкой в руках коварного обманщика Арлекина, чтоб после валяться на полу сломанной куклой с беззаботной улыбкой на фарфоровом личике») современные поэты-концептуалисты С. Гандлевский и Л. Рубинштейн помогли, как уведомляет читателя Б. Акунин, «персонажам этого романа – Гдлевскому и Лорелее Рубинштейн – написать красивые стихи».

Мы остановились на разнообразных художественных опытах Б. Акунина, во многом объединенных стремлением понять специфику нашего непростого переходного времени, поскольку они очень точно демонстрируют своеобразный отклик массовой литературы на ситуацию культурного разлома. Представленные в игровом ключе взаимоотношения прошлого и будущего открывают широкому читателю некий способ познания себя и мира в переломную эпоху. Симптомом кардинальных сдвигов в литературных стратегиях становится ощущение смены времен, актуализирующееся в переходные эпохи. «Рубеж XX - XXI веков – резкое переключение ско-

ростей времени. "Временность в квадрате" <...> Культура по мере многовекового накопления своих материалов ищет все более компактные способы их упаковки (тысячи томов библиотеки пакуются в тонкий диск компьютера)», – справедливо пишет М. Эпштейн¹⁸.

Человек рубежной эпохи инфантилен и культурно недоразвит – этот диагноз ставит В. Пелевин в романе «Числа», который вошел в сборник с символическим названием «Диалектика переходного периода (ДПП)»¹⁹. С раннего детства главный герой романа Степа Михайлов проникся верой в могущество чисел. Стихийный пифагореец, он, подобно древнегреческому математику и философу, особо почитал число 7, но, не добившись от него ответной любви, начал поклоняться числу 34 (три плюс четыре дают семь). У счастливого, солнечного числа нечаянно обнаруживается антипод – лунное 43, которого следует опасаться. Степа изобретает цепь ритуалов, связанных с любимым числом, «число 34 с железной необходимостью диктовало ему все существующие поступки»²⁰. Даже внешность героя стала напоминать это число: «У Степы был прямой, как спинка четверки, нос – такие в эпоху классического образования называли греческими. Его округлые и чуть вытирающие щеки напоминали о двух выступах тройки, и что-то от той же тройки было в небольших черных усиках, естественным образом завивающихся вверх. Он был симпатичен и напоминал чем-то покемона Пикачу, только взрослого и туганого»²¹.

Жизнь героя, подчиненная не развитию «Я», а служению числу, полна странных событий, встреч, приключений, богатства на фоне душевной бедности и одиночества. Однако автор приводит уже взрослого героя к страшному открытию. Записав число 34 двоичным кодом, Степа получает гексаграмму «Книги перемен», имеющую два перевода с китайского – «ошибки молодости» и «недоразвитость». Именно эти слова становятся ироническим аккомпанементом к размышлениям В. Пелевина о специфике современного человека. В этой книге в карнавальном ключе представлена и характерная для переходных периодов вера в эзотерическое знание, которая по-разному интерпретируется в массовой литературе.

Переходные и нестабильные ситуации порождают «переходные» формы человеческой

деятельности и соответствуют ее характеру субъектов²². Важно учитывать, что феномен переходного времени проявляется и в «психотипе эпохи» (термин И. Смирнова). Так, особый тип «массового читателя», активизирующийся в разные «переходные эпохи» XX в. – и в Серебряном веке, и в 1920-е гг., и в конце XX в. – можно отнести к особому типу маргинальности. В. Каганский, ставя вопрос о пространстве маргинальности, отмечает, что «маргинальность – именно признак переходной пограничной зоны, а маргинал – ее житель, обитатель, персонаж; переходные пограничные зоны одновременно чрезмерно и недостаточно определены, двойственны, амбивалентны, богаты краевыми эффектами»²³. Говоря о феномене массовой литературы как явлении культуры, необходимо остановиться на особенностях массовой психологии, обуславливающей готовность читателя воспринимать стереотипы массовой культуры.

Особый взгляд на проблемы переходных эпох, поиска новой идентичности, толпы и массового человека можно обнаружить в произведениях В. Пелевина от романа «Чапаев и Пустота» до «Диалектики переходного периода (ДПП)». Нельзя не согласиться с А. Генисом, позиционирующим В. Пелевина как «бытописателя пограничной зоны»: «Он обживает стыки между реальностями. В месте их встречи возникают яркие художественные эффекты, связанные с интерференцией, – одна картина мира, накладываясь на другую, создает третью, отличную от первых двух. Писатель, живущий на сломе эпох, он населяет свои рассказы героями, обитающими сразу в двух мирах»²⁴.

Заявив в романе «Generation "П"», что «положение современного человека не просто плачевно – оно, можно сказать, отсутствует, потому что человека почти нет»²⁵, В. Пелевин продолжает лейтмотивную для своего творчества тему власти над современным человеком масс-медиа. Идея утраты индивидуального субъективного мира доведена в романе до предела в образах оцифрованных людей – виртуальных дублей, ведущих независимое от оригиналов существование в сети массовой коммуникации. Автор предлагает описание философского учения о том, как технократический XX век породил особый вид современного существа – орануса, «у которого нет ни ушей, ни носа, ни глаз, ни ума <...> это бессмысленный полит, лишенный эмоций и намерений, который глотает и вы-

брасывает пустоту»²⁶. Сознание человека, обреченного на абсолютную зависимость от власти «вау-импульсов», замещается сознанием виртуального Homo Zapiens. Страх манипуляции и «зомбирования», достаточно широко распространенный в массовом сознании, доводится Пелевиным до абсурда. Писатель безжалостно оценивает современную культуру, порожденную этим новым «массовым человеком» и живущую для него: *«Под действием вытесняющего вау-фактора культура и искусство темного века редуцируется к орально-анальной тематике. Основная черта этого искусства может быть коротко определена как ротожопие»*²⁷.

Особый взгляд на феномен современного массового человека представлен в романе П. Дашковой «Приз»²⁸. Герой романа – актер Владимир Приз – человек-бренд, человек-коммерческий проект, которого боготворит вся страна, оказывается уголовником, страстно увлеченным нацистской философией и символикой. Стремительный приход Приза к власти весьма показательно отражает стереотипы массового сознания: *«(Приз. – М.Ч.) выскочил, как черт из табакерки. То есть не из табакерки, а с телеэкрана. Сыграл главные положительные роли в нескольких боевиках. Потом стал вести экстремальное молодежное шоу с мотогонками, парашютами, отвесными скалами, морскими глубинами и необитаемыми островами. Вскоре его физиономия украсила бутылки с прохладительными напитками, банки с консервированными огурцами, картонки с бритвенными лезвиями, нижнее белье, не только мужское, но и женское»*²⁹.

Главная тема романа – опасность возникновения нацизма – объединяет несколько совершенно автономных сюжетных линий, которые сплетаются в мистический узор из-за того, что перстень фашистского доктора Отто Штрауса оказывается в коллекции Владимира Приза; он не снимает его с руки, получая невероятную энергию и силу власти. Приз стремится к порабощению «лютиков» – так он называет любящих его зрителей и будущих избирателей: *«Они пробуют жить и все не начинают жить, поскольку не знают, как это делается. В «лютиках» заложена генетическая программа на самоуничтожение. В какие бы условия они ни попадали, непременно изгадят окружающую среду. В*

*принципе их можно вообще не трогать, они подымают сами»*³⁰. В романе П. Дашковой «Вечная ночь»³¹ главный герой, серийный убийца Странник, профессиональный психолог, основатель известной научной школы, называет «массового человека», лишённого своего «Я», «гоминидом»: *«Конец света уже наступил, но никто этого не заметил, потому что некому замечать. Мир населен гоминидами, мутантами, демонами в человеческом обличии. По сути, это животные, обезьяны. Но выглядят как люди. Разница в том, что у человека есть душа, а у обезьяны нет. Гоминид – плотоядная гадина, коварная, агрессивная, готовая на все ради лишнего куска мяса. Но если бы они питались только мясом! Нет. Им этого мало. Как всякое исчадие ада, они пожирают души»*³².

П. Дашкова активно пользуется идеологическими «визитками» нашего времени, составляя его безжалостный портрет. Следует отметить, что многие романы П. Дашковой, по всем типологическим характеристикам принадлежащие к массовой литературе, затрагивают важные социальные проблемы, привлекая определенную часть читательской аудитории и выполняя важную общественную функцию, сближающую эти романы с публицистическими и аналитическими статьями средств массовой информации.

Феномен тотальной пассивности читателя и эпигонство как стержневое понятие литературы – не только диагноз современной литературной ситуации. Это сложный процесс, особенно проявляющийся в эпохи «признанного опоздания, осознания своей творческой инертности, принятия своей вторичности. <...> Наступает время «короткого дыхания», «малых» инициатив, отказа от «долгих мыслей». <...> признанные нормы и образцы фигурируют здесь как «готовые» и «ничьи». Их качественный, авторский, инновационный характер стерт», – с этими словами Б. Дубина сложно не согласиться»³³.

Исследование художественных принципов, свойственных переходным эпохам, дает основание говорить о неравномерном развитии разных типов и разных пластов культуры. Кризисная ситуация отразилась в литературе на всех уровнях: в попытках создать новую концепцию человека, новую модель мира, в изменении эстетических координат, в трансформации жанровой иерархии, в создании специфического языка переходной эпохи.

Актуализация интереса к феномену переходных эпох и специфике «массового человека», обнаруженная в текстах разного эстетического достоинства (построение сюжета на игре с многослойностью исторического пространства, когда действие происходит в начале XX - XXI в., свойственно прозе М. Юденич, Т. Трониной, А. Берсеновой и многим другим), убеждает в том, что формы массовой литературы в перспективе стоит рассматривать как «альтернативные, конкурирующие с "высокими" способами символической репрезентации и разгрузки единого комплекса проблем»³⁴.

Анализ разножанровых произведений массовой литературы XX в. позволяет рассматривать толпу и массового человека как культурный феномен *переходных эпох*, как ментальные матрицы, литературные архетипы, обладающие способностью к бесконечным внешним изменениям и одновременно обеспечивающие высокую устойчивость архетипической модели.

Обращение к феномену переходных эпох свидетельствует о том, что актуализация массовой литературы в эти периоды обусловлена общей размытостью всех основных эстетических категорий и критериев социокультурного развития, а также ценностно-смысловой неопределенностью культурной семантики в целом. «Культуры пограничные неизменно являются особенно восприимчивыми к идущим извне влияниям и в то же время ревниво оберегающими свою самобытность. Этой особенностью объясняется столь характерное для них постоянное колебание между двумя полярными тенденциями: *охранительной и космополитической*, «всемирной отзывчивостью» и сохранением традиций, сочетание которых и является не только естественным, но и единственно возможным для подобного типа культур динамичным фактором их развития»³⁵. Сложность переходного времени проявляется не только в «омассовлении» культуры вообще и литературы в частности, но и в ее дифференциации, что, с одной стороны, соответствует активности субкультурной стратификации общества, а с другой - образованию и сосуществованию различных литературных направлений, перегруппировке стилевых потенциалов.

¹ Акунин Б. Сказки для идиотов. – СПб.: Вагриус, 2001.

² Там же. – С. 143.

³ Там же. – С. 150.

⁴ Там же. – С. 164.

⁵ Акунин Б. Комедия. Трагедия. – М.: Эксмо, 2002. – С. 32.

⁶ См.: Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 89.

⁷ Левада Ю. От мнений к пониманию: Статьи 1993 - 2000 гг. – М., 2000. – С. 54.

⁸ Акунин Б. Сказки для идиотов. – СПб.: Вагриус, 2001. – С. 165.

⁹ Акунин Б. Алтын-голубас. Приключения магистра. – СПб., 2007.

¹⁰ Генис А. Иван Петрович умер. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 28.

¹¹ Интервью с Б. Акуниным А. Макаркина. 1999 год (www.akunet.ru).

¹² Акунин Б. Алтын-голубас. Приключения магистра. – М., 1999. – С. 78.

¹³ Там же. – С. 114.

¹⁴ Там же. – С. 89.

¹⁵ Акунин Б. Любовник смерти. – М., 2000; Любовница смерти. – М., 2000.

¹⁶ Акунин Б. Любовница смерти. – С. 77.

¹⁷ Ранчин А. Романы Б. Акунина и классическая традиция: повествование в четырех главах с предисловием, лирическим отступлением и эпилогом // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 67. – С. 112.

¹⁸ Эпштейн М. Знак пробела: О будущем гуманитарных наук. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – С. 71.

¹⁹ Пелевин В. Диалектика переходного периода (ДПП). – М.: Эксмо, 2003.

²⁰ Там же. – С. 19.

²¹ Там же. – С. 18.

²² Левада Ю. От мнений к пониманию: Статьи 1993 - 2000 гг. – М., 2000. – С. 71.

²³ Каганский В. Вопросы о пространстве маргинальности // Новое литературное обозрение. – 1999. – № 37. – С. 134.

²⁴ Генис А. Иван Петрович умер. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – С. 83.

²⁵ Пелевин В. Generation "Т". – М.: Вагриус, 1999. – С. 8.

²⁶ Там же. – С. 112.

²⁷ Там же. – С. 116.

²⁸ Дашкова П. Приз. – М.: Астрель, 2004.

²⁹ Там же. – С. 289.

³⁰ Там же. – С. 36.

³¹ Дашкова П. Вечная ночь. – М., 2005.

³² Там же. – С. 36.

³³ Дубин Б. Между канонами и актуальностью, скандалом и модой: литература и издательское дело России в изменившемся социальном пространстве // Неприкосновенный запас. – 2003. – № 4. – С. 125.

³⁴ Там же. – С. 9.

³⁵ Багно В. Пограничное сознание, пограничные культуры // Полярность в культуре. Канун: Альманах. – СПб., 1996. – Вып. 2. – С. 420.

**МОТИВ ДВИЖЕНИЯ СВЯТЫХ РЕЛИКВИЙ И ДИНАМИКА ТЕКСТОВ
ЛИТЕРАТУРЫ РУСИ XI - XII вв.**

Первым авторским текстом оригинальной литературы Руси, несомненно, считается «Слово о Законе и Благодати» Илариона, созданное в первой половине XI в. в эпоху неразделённого христианства, до схизмы 1054 г.¹ Программный текст принявшей христианство Руси, безусловно, связан со временем Ярослава Владимировича, образ которого помещён в центре «повести», как сам автор определил жанр своего произведения. Крупнейший европейский исследователь «Слова» Л. Мюллер считает его текст историко-богословским трактатом «о призвании всех народов к божественному спасению... и о значении великого исторического поворота на Руси», а также «проповедью, которую Иларион произнёс, вероятно, в киевской Десятинной церкви перед саркофагом князя Владимира»². Последнее суждение поддержано многими учёными, поскольку в тексте «Слова» присутствует авторская фраза, упоминающая князя Ярослава как сына Владимира: «Въстани, о честнаа главо, от гроба твоего! ...Въстани, неси умерль! ...Оттряси сонь, възведи очи, да видиши, какая тя чьсти Господь тамо съподобивь, и на земли не беспамятна оставилъ сыномъ твоимъ. Въстани, виждь чадо свое Георгиа, виждь утробу свою, виждь милааго своего...». Важно к тому же, что имя князя Владимира упоминает заглавие «Слова»: «О Законе, Моисеомъ данеємъ, и о Благодети и Истине, Иисусомъ Христомъ бывши.., и похвала кагану нашему Володемиру, от него же крещени быхомъ...»³.

Несомненна интонация автора «Слова», направленная на особое почитание князя Владимира, крестителя Руси, и его реликвий в первой соборной церкви Киева Богородице Десятинной, что, конечно, связано с основной темой «Слова» – обретением Русью культурно-христианской идентичности. Вместе с тем примечательно, что в тексте «Слова» совсем не упомянута первая и главная реликвия христианской Руси – принесённые Владимиром Святославичем из Херсонеса Таврического и положенные в Десятинной церкви святые мощи Климента Римского, раннехристианского мученика, ученика апо-

стола Петра⁴. Вместо этой главной христианской святыни Десятинной церкви, Киева и христианской Руси в целом в «Слове» введён вполне осознанно и логично эпизод с обращением к мощам крестителя Руси князя Владимира, приравненного в Похвале к равноапостольному царю Константину. Динамика новой главной святой реликвии Десятинной церкви («Въстани, о честнаа главо...») и её почитание, по мысли автора «Слова», очевидно, призваны были заменить динамику и почитание прежней главной святой реликвии той же церкви – святых мощей Климента Римского, папы и ученика апостола Петра.

Пытаясь понять логику подобной смены акцентов в почитании христианских реликвий в середине XI в., следует, конечно, учесть и моменты всплеска своеземных настроений в рассматриваемую эпоху княжения Ярослава Мудрого (Иларион был почти единственным в XI - XII вв. митрополитом-русином, поставленным не константинопольским патриархом, а Собором епископов), и подходящие к своему апогею в 1054 г. настроения конфликта западной и восточной ветвей мирового христианства. Как бы ни были связаны с ранней кирилло-мефодиевой культурой Последование св. Клименту (Киевские глаголические листки X в.), Канон святому Клименту (Праздничная Минейя XII - XIII вв. из РГАДА), «Слово на пренесение мощей преславнаго Климента...» (Макарьевские ВМЧ под 30 января)⁵, очевидно, что с середины XI в. традиция почитания св. Климента Римского на Руси встретила с известными ограничениями как в храмах, так и в рукописной книжности. Один из примеров подобных ограничений содержит и текст «Слова о Законе и Благодати», где, как уже отмечалось, имя и реликвии св. Климента Римского не упомянуты вовсе в тексте проповеди, прочитанной Иларионом в Десятинной церкви Богородице Киева, главной святыней которой являлись обретенные св. Кириллом (Константином) в Херсонесе и затем принесённые князем Владимиром-крестителем в Киев мощи древнехристианского мученика, третьего папы Римского. Интенсив-

ность христианско-культурного развития Руси, её христианско-культурного самосознания продиктовали в данном случае переключение акцентов с почитания св. мощей Климента, папы Римского на растущие приоритеты почитания князя Владимира, крестителя Руси, а также его мощей в саркофаге Десятинной церкви Киева. Повторное освящение Десятинной церкви почти сразу перекрывается завершением строительства и освящением Софийского собора как уже нового главного соборного храма Киева и Руси в целом, где вскоре создаются и освящаются новые Софийские соборы в крупных центрах Русской земли – в Новгороде Великом и Полоцке, что становится главным фактом христианско-политической жизни нового объединённого государства Рюриковичей⁶.

Неоднократно отмечалось, что Ярослав Мудрый поддерживал почитание своих убитых в распри и борьбе за власть братьев Бориса и Глеба как христианских страстотерпцев⁷. Неоднократное перенесение св. мощей Бориса и Глеба, как и в случае движения святых реликвий Климента Римского и князя Владимира на ранних этапах христианизации Руси, нашло отражение в текстах средневековой книжности и литературы Руси⁸. Здесь, как и повсеместно в мире европейско-христианского Средневековья, святые реликвии чтились выше любых иных ценностей, причём прежде всего в среде верхних сословий, раньше других и более других подвергшихся христианизации. Почитание св. Бориса и Глеба князьями-Ярославичами по сути дела превратилось в эффективный инструмент минимизации межкняжеских конфликтов, споров и недоразумений, в инструмент укрепления любви и согласия. В «Съказании чудесь святоу страстотрпцю Христову Романа и Давида»⁹ (авторство которого Н. Н. Воронин приписал Лазарю, настоятелю храма Бориса и Глеба в Вышгороде)¹⁰ мощи святых князей несут на себе все вместе сыновья Ярослава Изяслав, Святослав и Всеволод в сопровождении митрополитов, епископов и игуменов, чтобы положить в новой, созданной ими церкви. Мотив динамики, движения святых реликвий здесь настолько становится принципиальным¹¹, что перенесение происходит неоднократно, каждый раз по инициативе разных князей, строящих всякий раз новые храмы для чтимых святых, украшая их за свой счёт, стремясь превзойти соперников (так поступали не только сыновья Ярослава, но и внуки – Владимир Мономах и Олег Святославич). Названное «Сказание чудесь...» и

создано в их княжение в 1115 г. Судя по ведущей роли в этом тексте образа Владимира Мономаха, «Сказание» вышло из круга книжников именно этого просвещённого князя, автора «Поучения» и соредатора второй, силвестровской редакции «Повести временных лет». Впервые в русской литературе произведение строится композиционно как цепочка чудес, как цикл новелл, объединённых единством общей темы, сюжета¹². Мотив динамики святых реликвий от динамической концептуальной идеи (движения как обновления) в «Слове о Законе и Благодати» подключается к плану динамики сюжетосложения, структурно-композиционной динамики в «Сказании чудесь... Романа и Давида». Названный литературный динамический мотив, начиная с древнейших произведений средневековой Руси «Слова на пренесение мощем преславнаго Климента...», «Слова о Законе и Благодати» Илариона, «Сказания чудесь... Романа и Давида» игумена Лазаря, выступает как сюжетобразующий, точнее, сюжетоформирующий, как доминантный в системе динамической поэтики формирующегося корпуса русской литературы эпохи Средневековья¹³. Причём каждый раз этот мотив в названных текстах является ключевым в контексте эпохи X – начала XI в., середины XI в., начала XII в., как бы отражая некие вехи поступательного и очень ритмичного развития, становления оригинальной русской литературы раннего периода.

Через пятьдесят лет после появления «Сказания чудесь... Романа и Давида» уже в новую полосу развития Руси и её литературы, Владимирской Руси и владимирской литературы¹⁴, в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» (автором которого, по мнению Н. Н. Воронина, был настоятель собора во Владимире о. Николай (Микула)¹⁵ подхвачена сюжетно-композиционная форма обрамлённого повествования, цикла новелл-чудес. Уже тогда прославленная реликвия, икона Богоматери Умиление (Владимирская) выступила как героиня «Сказания» в новеллах-чудесах её пути, движения из Киева (Вышгорода) на юге Руси во Владимир-на-Клязьме в центре русских земель, на полпути от Киева до Новгорода Великого. Живоносная функция св. мощей Бориса и Глеба в «Сказании чудес» 1115 г. подхвачена в спасительном или целительном действии святой иконы Богоматери на её пути по просторам и рубежам Русской земли. Изначально с X - XI вв. в текстах средне-

ковой литературы Руси мотив движения святых реликвий вписан в контекст христианского строительства, причём и в «Слове о Законе и Благодати», и в «Сказании чудесь... Романа и Давида», и в «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» – везде введены эпизоды храмового или иного архитектурного строительства. В «Слове» Илариона речь идёт о киевской градостроительной программе Владимира, и особенно Ярослава Мудрого, в «Сказании чудесь... Романа и Давида» – о строительстве и украшении храмов в Вышгороде и на Альте. Заканчивает «Сказание» текстовый эпизод в Вышгороде, когда весь народ «по всему граду, и по стенамъ, и по забороламъ» провозгласил в честь святых Бориса и Глеба громовое «кириелейсонъ» (Господи, помилуй!)¹⁶. В «Сказании о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери» последнее из 12 чудес связано с новопостроенными Золотыми воротами Владимира, новой столицы Андрея Боголюбского, о чудесном спасении придавленных створом ворот горожан¹⁷.

Владимирская литература XII в. органично связала в начальной редакции «Жития Леонтия Ростовского» мотивы обретения мощей святого епископа-исповедника Ростова и архитектурного строительства нового Успенского собора в Ростове, которое вели мастера князя Андрея Боголюбского (он же посылает из Владимира каменный саркофаг для святых мощей епископа Леонтия)¹⁸. Уже редакция конца XII в. (канонизационная, епископа Иоанна) включила в текст «Жития Леонтия Ростовского» эпизоды перенесения мощей в новую церковь. Начиная с первых произведений оригинальной средневеково-христианской литературы Руси, мотивы обретения святых реликвий, их движения, участия в христианском строительстве Руси, включая мотивы архитектурно-храмового строительства, играют ведущую роль в формировании корпуса оригинальной литературы Руси, определяя её средневеково-христианский характер и своеобразие¹⁹.

Д.С. Лихачёв назвал ядро первоначально-го русского летописания XI в. «Сказанием о первоначальном распространении христианства на Руси» и указал на тесную связь этого корпуса текстов со «Словом о Законе и Благодати» Илариона²⁰, которое, безусловно, имело программный, ключевой характер в контексте формирования всей ранней оригинальной литературы Руси. По сути «Слово» и раннее летописание были звеньями одного

процесса, причём не исключено влияние «Слова о Законе и Благодати» на ранних русских летописцев и летописание XI в. Программное для Руси XII в. «Сказание о чудесах Владимирской иконы Божьей Матери», несомненно, влияло на владимирское летописание XII в. По словам летописцев, владимирское летописание XII в. строилось как цепочка чудес Владимирской иконы Божьей Матери. Это подчёркивали и такие ведущие исследователи русского летописания, как А.А. Шахматов, М.Д. Приселков, А.Н. Насонов, Д.С. Лихачёв²¹. Всё это позволяет сделать предположение о том, что и в XI, и в XII в. произведения, в основе которых лежали мотивы динамики, движения реликвий, играли важную роль в создании, формировании оригинальной, самобытной средневеково-христианской литературной основы всего корпуса текстов первоначальной русской литературы, включая и летописные произведения, в том числе «Повесть временных лет».

Примечания

¹ См.: *Розов Н.Н.* Иларион // *Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI - перв. пол. XIV в. Вып. 1 / Отв. ред. Д.С. Лихачёв.* - Л., 1987. - С. 198 - 204; *Живой памятник русской литературы // Альманах библиофила. Вып. 26: Тысячелетие русской письменной культуры (988 - 1988).* - М., 1989. - С. 23 - 135.

² *Мюллер Л.* Киевский митрополит Иларион: жизнь и творчество // *Мюллер Л. Понять Россию: Историко-культурные исследования / Сост. Л. И. Сазонова.* - М., 2000. - С. 97 - 99.

³ *Слово о Законе и Благодати Илариона Киевского // Библиотека литературы Древней Руси. XI - XII вв. / Под ред. Д.С. Лихачёва.* - СПб., 1997. - С. 26 - 53.

⁴ *Климент Римский // Христианство: Энциклопедический словарь / Гл. ред. С.С. Аверинцев. Т. 1.* - М., 1993. - С. 767 - 768.

⁵ См.: *Верещагин Е.М.* Христианская книжность Древней Руси. - М., 1996. - С. 176 - 184.

⁶ Д.С. Лихачёв делает акцент в тексте «Слова о Законе и Благодати» на мотивы, связанные с Софийским собором Кисва. См.: *Лихачёв Д.С.* «Слово о Законе и Благодати» Илариона // *Альманах библиофила. Вып. 26.* - М., 1989. - С. 45 - 55.

⁷ См.: *Мюллер Л.* О времени канонизации святых Бориса и Глеба // *Мюллер Л. Понять Россию: Историко-культурные исследования / Сост. Л. И. Сазонова.* - М., 2000. - С. 71 - 87.

⁸ См.: *Абрамович Д.И.* Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. - Иг., 1916.

⁹ См.: *Владимир Мономах: завещано потомкам / Подг. И.Ю. Филипповского.* - Ярославль, 1999. - С. 75 - 86.

¹⁰ См.: *Воронин Н.Н.* «Анонимное» сказание о Борисе и Глебе, его время, стиль и автор // *ТОДРЛ. Т. XIII.* - М.; Л., 1957. - С. 11 - 56.

¹¹ См.: *Филипповский Г.Ю.* Мотив движения христианских реликвий в динамике средневековой литера-

туры и культуры Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. - 2003. - № 4. - С. 74 - 76; Филипповский Г.Ю. Движение реликвий как явление культуры // Коммуникативные стратегии в культурном поле провинции: Сб. ст. - Ярославль; СПб., 2006.

¹² Там же. - С. 75 - 76.

¹³ См.: Филипповский Г.Ю. К построению динамической поэтики литературы Руси XI - XIII вв. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. - 2005. - № 3. - С. 110 - 112.

¹⁴ См.: Филипповский Г.Ю. Столетие дерзаний. Владимирская Русь в литературе XII в. - М., 1991.

¹⁵ Воронин Н.Н. Из истории русско-византийской церковной борьбы XII в. Ч. 1: Культ Владимирской иконы // Византийский временник. - М., 1965. - Т. 26.

¹⁶ Владимир Мономах: завещано потомкам / Подг. Г.Ю. Филипповского. - Ярославль, 1999. - С. 85.

¹⁷ См.: Библиотека литературы Древней Руси. Т. IV. XII в. / Под ред. Д.С. Лихачёва. - СПб., 1997. - С. 224.

¹⁸ См.: Воронин Н.Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. // Византийский временник. Т. 23. - М., 1963.

¹⁹ См.: Филипповский Г. Ю. Архитектурный образ в произведениях владимирской литературы XII в. // Памятники истории и культуры. Вып. 3. - Ярославль, 1988. - С. 62 - 70.

²⁰ См.: Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. - М.; Л., 1947.

²¹ См.: Шахматов А.А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. - СПб., 1908; Приселков М.Д. История русского летописания. XI - нач. XVIII в. - М., 1969; Лихачёв Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. - М.; Л., 1947.

УДК 82-053. 2 (091) «19»

И.А. Остренко

Череповецкий государственный университет

«ДЕТСКАЯ КНИГА» Б. АКУНИНА. ПРОБЛЕМА АДРЕСАТА

Понятия «автор» и «адресат» являются одними из ключевых в литературоведении, так как они определяют субъектно-объектные отношения словесного высказывания. Немецкий специалист по рецептивной эстетике М. Науман, рассматривая читателя в процессах творчества и восприятия, замечает, что «от авторов непосредственно не зависит, кто прочтёт написанное ими. Однако отношение к читателю, опосредованное адресатом, имманентно акту письма»¹. Можно выделить типологию читателей-адресатов. Это и реальный читатель-современник, или потомок, это и воображаемый читатель. В основу типологии читателя-адресата могут быть положены различные признаки: пол, образование, национальный менталитет, социальный статус. Одним из важных аспектов характеристики читателя-адресата является возраст. Проблема адресата применительно к «Детской книге» Б. Акунина будет рассмотрена нами в аспекте возрастной ориентации данного текста.

Акунин не принадлежит к числу авторов, чьё творчество напрямую связано с детской литературой. В связи с этим издание в 2005 г. «Детской книги», открывающей проект писателя «Жанры», представляет несомненный интерес. Б. Акунин предпринимает попытку создания своеобразного инсектариума жанровой литературы, используя определённый тип сюжетно-композиционной конструкции как важнейший показатель жанра. Именно

поэтому традиционные жанровые модификации выступают в проекте в качестве названий произведений: «Шпионский роман», «Производственный роман», «Фантастика», «Семейная сага». «Детская книга» в этом плане – своеобразное исключение, так как она представляет собой некую жанровую контаминацию. На первый взгляд, читатель-адресат обозначен уже в названии произведения, если рассматривать словосочетание «детская книга» в традиционном значении, т.е. как печатное издание, адресованное юным читателям. Но в то же время семантика названия не только содержит указание на возраст адресата, но и определяет жанровую природу произведения как совокупность жанровых модификаций, получивших наибольшее распространение в литературе для детей.

В тексте произведения можно найти сюжетные и мотивные соответствия с такими доминирующими в детской литературе жанрами, как сказка, бытовая повесть, литературная фантастика, издания научно-познавательного характера. Так, начало «Детской книги» представляет собой сочетание сказочного зачина («Жил-был на свете один мальчик») с пространственно-временной конкретикой, переносящей читателя в бытовую реальность, предельно приближенную к современной, но всё же удалённую от неё фантастическим будущим временем. События происходят в «столице

Российской Федерации городе Москве» «29 сентября 2006 года». Важным является последующее авторское замечание: «Точность здесь совершенно необходима, потому что без неё эта повесть будет восприниматься как сказка»². В то же время Акунин даёт авторский жанровый подзаголовок - роман, в котором содержится явное несоответствие с заглавием, так как роман традиционно отсутствует в системе жанров детской литературы. Автор вовсе не стремится запутать читателя относительно жанровой принадлежности текста, а лишь акцентирует внимание на том, что «Детская книга» не имеет чётких жанровых критериев.

Главным героем детских книг традиционно является ребёнок, при этом, как правило, возраст литературного героя напрямую соотносится с возрастом юного читателя. В центре «Детской книги» шестиклассник Эраст Фандорин, потомок знаменитого рода Фандориных. Исходя из возрастной характеристики героя, можно предположить, что акунинский текст будет доступен подросткам 12 - 13 лет. В образе Эраста Фандорина читатель находит положительного героя, наделённого целым рядом достоинств, совершающего благородные поступки. Он отправляется на поиски Райского Яблока, чтобы спасти честь рода Дорнов и всё человечество. В то же время это не всемогущий супермен, а обыкновенный, очень узнаваемый современный ребёнок со всеми присущими ему психологическими особенностями возраста. Он самый маленький в классе по росту, носит брекеты, чтобы исправить кривые зубы, плохо успевает по математике, не может обрести друзей в новой школе. Его чужаковатость подчёркивается и с помощью смешного прозвища Ластик, производного от Эрастик. Он может быть слабым и беззащитным, неуверенным в себе и озорным, смешным и наивным. Такой тип героя-ребёнка широко представлен в мировой литературе для детей. Достаточно вспомнить, например, героя суперпопулярного цикла Д. Ролинг Гарри Поттера с его неизменными очками со сломанной дужкой, который в начале повествования вызывает скорее сочувствие, чем восхищение.

Очевидна и чёткость этической позиции Б. Акунина, что очень важно для детской книги. Культу силы, денег, успеха любой ценой, эгоизму, подлости, стремлению к власти над миром противопоставлены благородство и терпение, доброта и великодушие, искренность в дружбе, смелость и способность к

самопожертвованию. Таким образом, юный Фандорин может служить для читателя-ребёнка примером нравственной ориентации.

Занимательность сюжета – один из существенных принципов отбора книг для детского чтения, тесно связанный с таким принципом, как динамичность. «Детская книга» Акунина в полной мере соответствует этому требованию. Сюжет произведения строго последователен, однолинеен, с преобладанием внешнего действия, развивается вокруг главного героя, который оказывается в центре самых невероятных событий. Структура жанра является важным сюжетообразующим началом, поэтому в захватывающих приключениях Ластика отчётливо улавливается соотносённость с канонами различных жанров, широко представленных в детской литературе. Так, со сказочным жанром соотносится эпизод испытания таких качеств главного героя, как смелость, находчивость, милосердие, удачливость. В основе сюжета – традиционный конфликт добра и зла, персонажи чётко делятся на положительных и отрицательных (учёный Ван Дорн – алхимик Келли, юная княжна Соломка – Марина Мнишек, Юрий Отрепьев – князь Шуйский). Важнейшим сюжетообразующим мотивом в народной и литературной сказке является борьба героев за право обладать волшебным предметом, роль которого в «Детской книге» выполняет огромный алмаз Райское Яблоко.

Жанровые каноны научно-фантастической литературы получают художественную реализацию в эпизодах путешествия во времени. Ластик отправляется на поиски Райского Яблока и через хронодыры попадает сначала в 1914 год, затем в 1605-й и, наконец, в далёкое будущее. В финале герой возвращается в свою эпоху. Таким образом, в общей композиционной структуре реализуется традиционный принцип «пойти – вернуться». В путешествии во времени Юному Фандорину помогает унибук - своего рода мини-компьютер в виде книги, обладающий почти безграничными информационными возможностями. Именно с помощью унибука на страницах «Детской книги» появляются многочисленные исторические и лингвистические комментарии, сопровождающиеся иллюстративным материалом и занимающие порой целые страницы. В них автор имитирует стиль и разъяснительную интонацию детской научно-познавательной литературы.

В первую очередь юному читателю адресованы и прямые отсылки к общеизвестным литературным текстам, написанным как спе-

циально для детей, так и традиционно читаемым подростками. Приключения Ластика в Москве 1914 года в наибольшей степени соотносятся с сюжетными ситуациями известной сказки А.Н. Толстого «Золотой ключик, или Приключения Буратино». Как и Буратино, Ластик вместо того чтобы выполнять поручение Ван Дорна, лишается заветной книги, попадает в цирк и становится участником представления фокусника Дьяболини, воплощающего в себе одновременно черты Дракулы, Карабаса Барабаса и кота Базилио. Название одной из глав – «Лиса Алиса и кот Базилио» – также ориентирует читателя на знакомую ситуацию. В ней Ластик, став жертвой мошенника Дьяболини и его сообщницы Иветты, чувствует себя «глупым обманутым Буратино, которого обвели вокруг пальца лиса Алиса и кот Базилио»³. Изображая путешествие Ластика в 1605-й год, Акунин отсылает юного читателя к таким произведениям, как «Янки при дворе короля Артура» М. Твена и «Трудно быть богом» братьев Стругацких. Эти произведения неоднократно вспоминает Юрка Отрепьев, ученик 5 класса школы им. А. Гайдара г. Киева, который ещё в 1967 г. также провалился в хронодыру и в силу обстоятельств становится Григорием Отрепьевым: «А чего, думаю? Стану русским царём. Как говорится, возьму власть в свои руки. И наведу в ихнем средневековье порядок. Как у братьев Стругацких в "Трудно быть богом" - вот это книжка! Не читал? А ещё шестиклассник. У нас в 5 "Б" и то все прочли»⁴. Название одной из глав книги также буквально воспроизводит заглавие романа Стругацких «Трудно быть богом».

Итак, «Детская книга» Акунина содержит основные канонические признаки литературы для детей, но это лишь наиболее очевидный аспект проблемы адресата, ибо акунинский текст – это всегда шкатулка с двойным, а возможно и с тройным дном. Акунин использует определённые типы сюжетно-композиционной конструкции отнюдь не только для того, чтобы показать виртуозное мастерство в освоении жанровых модификаций. Речь идёт в первую очередь о «реактуализации сюжетного смысла уже известной фабулы»⁵, когда читательская рецепция будет направлена не только на первичную сюжетную интерпретацию известной фабульной схемы, но и на осмысление «взрослого подтекста», недоступного пониманию детей в силу их жизненного, интеллектуального и эстетического опыта. Возрастной адресат, заявленный в заглавии, можно воспринимать

в связи с этим и как своеобразную литературную мистификацию, когда читателя вовлекают в интеллектуальную игру, делая её соучастником, при этом ребёнок не только не поймёт её смысла, но просто не заметит присутствия этой игры в тексте.

Взрослая адресация «Детской книги» проявляется в усложнённости проблематики, связанной с осмыслением таких вечных вопросов, как причины дисгармонии мира, роль личности в истории, перспективы общественного и духовного развития человечества. Не случайно Ластик попадает в историческое время, когда Россия находится накануне таких грандиозных испытаний, как Первая мировая война и Смутное время, в связи с чем 2006-й год также может восприниматься как преддверие мировой катастрофы. В эпизодах, рисующих картины будущего, звучит мысль о бесперспективности и бессмысленности развития цивилизации. Путь познания, начавшийся с Райского (Адамова) Яблока, приводит в тупик. Акунин изображает модель мира, поражающую своей абсурдностью. После ядерной войны на Земле остались лишь 746 бессмертных особей, живущих в остановившемся времени, так как «мир достиг совершенства», но лишённых даже малейших признаков подлинной жизни в её индивидуальном проявлении. Это существа среднего пола, не нуждающиеся ни в любви, ни в общении. «Это железобетонное существование назвать жизнью трудно»⁶, – такую оценку даёт Ластик цивилизации будущего.

Сфера «взрослого подтекста» состоит также в использовании литературных реминисценций, исторических, биографических, культурных ассоциаций и аллюзий, парадоксально-игрового начала и элементов нонсенса, которые не могут быть замечены детьми в силу отсутствия культурно-исторических знаний и неумения видеть подтекст как таковой. Акунин включает в подтекст специально ориентированное на взрослую читательскую аудиторию содержание, не нарушая общей манеры повествования. Иронический подтекст, например, возникает при сопоставлении тюремной известковой параша начала XVII в. с современным биотуалетом или в описании этапов сказочных испытаний героя, которые спроецированы на реалии современной действительности. Ластик должен проявить милосердие, добыв для умирающего бомжа Михи живую воду. Но в качестве живой воды фигурирует водка из ближайшей палатки, а испытанием удачливости становится игра героя на «лохотроне». Как эле-

мент игры воспримет взрослая аудитория цитаты из пушкинского «Бориса Годунова» и строки из арии Мефистофеля, появление на страницах книги пародирующего житийную литературу «Жития блаженного чудотворца Ерастия Солянского» и героев акунинского цикла о Фандорине-старшем и т.п.

Акунин включает в текст «Детской книги» известные политические аллюзии, связанные прежде всего с образом Юрия Отрепьева, пытающегося воплотить в начале XVII в. мечту шестидесятников «о социализме с человеческим лицом» и в то же время вызывающего ассоциации с реформами пост-социалистического периода. «У нас появится сословие свободных земледельцев, почти сто тысяч человек! У них вырастут дети – грамотные, не поротые, не запуганные!»⁷ – восклицает он. Встретившись с Ластиком, он жадно расспрашивает его об обществе будущего, находясь в полной уверенности, что люди там давно живут при коммунизме, а затем начинает проводить реформы: пополняя казну за счёт нового налога на транспортные средства, а именно на кареты и телеги, при этом безлошадные бедняки от налога освобождаются. Вряд ли юный читатель сможет понять скрытый смысл этого эпизода, достаточно прозрачный для взрослых читателей, особенно для владельцев автомобилей. Образ Отрепьева приобретает трагикомическую окраску. В нём сочетаются героико-романтический пафос пионера советской эпохи и драма государственного деятеля, стремящегося к всеобщему благу, но не знающего путей его достижения, живущего в плену социальных иллюзий. Символический эпизод гибели Отрепьева. Преданный не

только мнимыми соратниками, но и любимой женщиной Мариной Мнишек, он поёт перед смертью «Мы шли под грохот канонады».

В каждом отдельном фрагменте «Детской книги» подобные элементы текста мотивированы сюжетом, но одновременно они становятся знаком определённой концепции жизни, а в своей совокупности представляют тот духовный и исторический опыт человечества, на фоне которого автор разворачивает сюжет. Цитаты, реминисценции, аллюзии становятся залогом самовозрастания текста.

Итак, для «Детской книги» Б. Акунина характерна неоднозначность смысловой структуры текста. «Детская книга», построенная по традиционным канонам произведений детской литературы, прежде всего рассчитана на читателя, чей культурный уровень приближен к культурному уровню автора. Объявленный в заглавии адресат-ребёнок может рассматриваться лишь как один из возможных читателей произведения, так как ряд важнейших смысловых аспектов ему заведомо недоступен.

Примечания

¹ Науман М. Введение в основные литературоведческие проблемы // Общество. Литература. Чтение. – М., 1998. – С. 56.

² Акунин Б. Детская книга. – М., 2005. – С. 6.

³ Там же. – С. 190.

⁴ Там же. – С. 331.

⁵ См.: Силантьев И. Поэтика мотива. – М., 2004. – С. 77.

⁶ Акунин Б. Детская книга. – М., 2005. – С. 527.

⁷ Там же. – С. 390.

УДК 821.161.1(091) «19»

Е.К. Созина

Уральский государственный университет, г. Екатеринбург

ДИСКУРС ИДЕНТИЧНОСТИ «МАЛЫХ» НАРОДОВ РОССИИ: НА ПРИМЕРЕ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ КНИГИ ПИСАТЕЛЯ КОМИ КАЛЛИСТРАТА ЖАКОВА¹

Идентичность – популярное ныне понятие, употребляемое в самых разных гуманитарных науках и означающее установление тождества индивида с социальной, национально-этнической, политической, религиозной или какой-либо иной группой, а также с самим собой (персональная идентичность). В

качестве субъекта идентичности может выступать та или иная группа, стремящаяся определить свою целостность (установить внутригрупповое тождество) и выделить себя из окружающего пространства – зафиксировать свою «отдельность», непохожесть на других. Пожалуй, наиболее очевидно и ярко

процессы поиска и определения идентичности протекают сегодня в сфере национального сознания. Мы все являемся свидетелями и участниками того, как на месте распавшейся империи возникают новые национально-политические общности и властные структуры, претендующие на социальную, политическую, культурную субъектность, готовые обеспечить право на нее перекраиванием национальной и государственной истории, реформированием языка, установлением своего тождества скорее с «дальними», чем с «ближними» народами и пр. Одним из наиболее эффективных инструментов конструирования новой идентичности – понятия сугубо ментального, «воображаемого», в духе лакановских языковых моделей – выступает создание неонационалистских мифов, в основе которых лежит попытка установления новых степеней «родства» и новое осмысление своей истории, переформирование пантеона «культурных героев» (сиречь, выдающихся деятелей общенационального масштаба) и, исходя отсюда, подчеркивание особенности своего «пути» и составление глобалистских планов на будущее. Как пишет специалист по современной этнологии В.А. Шнирельман, «люди выстраивают и конструируют свое прошлое, во-первых, исходя из окружающей их социополитической действительности и связанных с ней интересов, а во-вторых, для того, чтобы, опираясь на это интерпретированное соответствующим образом прошлое, выдвигать проекты на будущее»². Исследователь И. Кучумов добавляет: «На смену историческим мифам, которые культивировала коммунистическая идеология, пришли не менее мифологизированные постулаты, имеющие этнократическую окраску и составляющие часть новых "суверенных" государственных идеологий на местах»³.

Однако процесс этот, принявший обостренные и порой болезненные формы сегодня, имел место и ранее. Особенно показателен здесь период Серебряного века, катализировавший многие социально-политические, этнокультурные и прочие проблемы, ранее существовавшие в общероссийском сознании в стагнационном состоянии либо же решавшиеся сугубо «сверху», со стороны власти. В качестве примера рассмотрим дискурс идентичности в автобиографической книге зырянского писателя К.Ф. Жакова «Сквозь строй жизни» (1912 - 1914). По словам В.А. Лимеровой, именно этот автор представляет «одно из самых заметных явлений в истории культуры коми народа»⁴, и именно он как

никто другой был лично ангажирован идеей введения своего народа в состав народов мира на правах полноправного и полноценного субъекта своей истории, национального сознания, культуры и судьбы.

На первый план в автобиографическом романе Жакова вынесена именно проблема идентичности, или, говоря на ином языке, проблема самосознания автора-зырянина – его поиска себя и своего родства. Специфика автобиографии Жакова состоит в том, что его задача – не самопознание и уж тем более не описание своего жизненного пути, но, скорее, самопризнание и самоутверждение, самореализация и самоидентификация, через посредство которых, согласно его установочным надеждам, получают мировое признание и все зыряне. Отношения со своим народом и с другими народами России, а также остального мира с окружающими людьми, включая семью, родственников, соучеников, коллег по службе, с Богом и с собой в равной мере волнуют Жакова и становятся предметом его самоописаний.

В целостном и многослойном пространстве содержательно-художественной идентичности Жакова, воплощенной в его тексте, мы выделили следующие слои, или уровни. Во-первых, это идентичность национальная, а точнее, все-таки *этническая* – и не потому, что слово «нация» сегодня отдает «национализмом» и «советскостью», а просто потому, что коми-зыряне осмысляются у Жакова именно как этнос, вне социально-политического самоопределения, в полноте своей жизни, неразрывно связанной с природой, и в духовном континууме. Во-вторых, не менее важна *культурная идентичность* Жакова, отражающая процесс его вхождения в мировую и русскую культуру, вхождения как личного, индивидуального, так и коллективного, зырянского. В-третьих, это *писательская, художественная, или творческая идентичность* – его осознание себя писателем и поэтом, причем достаточно своеобразным, не похожим на других. И, наконец, в-четвертых, из всех этих слоев или уровней идентичности, взаимодействующих друг с другом и перекрещивающихся, формируется *персональная идентичность* Жакова как героя и Жакова как автора-повествователя. А кроме того, в произведении Жакова отчетливо выделяется еще один вид идентичности, который мы называем *метафизическим* – развертывание сюжета его отношений с Богом. Между указанными слоями идентичности возникают свои зазоры и видимые противоречия, осо-

бенно явные для отношения этничности к прочим уровням сознания писателя, что подчас довольно болезненно сказывается на «я-концепции» Жакова и выражается в тексте в его самохарактеристиках, в особом стиле отношения героя и повествователя, в тоскующе-взыскующем тоне повествования, порождающем риторику жалобы и мольбы, бесконечных сетований и причитаний, родственную стилистике сентиментализма.

По сути книга Жакова – это духовное сочинение, подобное «Житию» прот. Аввакума и др., ибо оно вдохновляемо тем же пафосом, что мы можем услышать в псалмах: «Из глубины взываю к Тебе, Господи». Человек в произведении Жакова – «игрушка в руках инстинктов, привычек, злых страстей»⁵ (с. 41), он мал и сир перед Богом и перед людьми. «...Человек не может знать ни причин своего появления, ни цели своего существования. Узлы бытия не в наших руках, мы видим только, как клубок великой жизни развертывается» (с. 52), поэтому единственное, что ему остается, – это положиться на волю Провидения и отдать сердце свое в руки Господа.

Молитвенный строй повествования не исключает ни исповедальности, ни стремления к самоопределению и идентификации себя среди людей. Если для людей герой-повествователь – смешной и жалкий Гараморт, то для Бога – любимый сын и ученик, и это сознание возвышает и спасает автобиографическое «я» Жакова, придает смысл его, как считает он сам, бестолковой и суетной жизни. «Зверем был, человеком Ты сделал меня, Ты увлек меня из дремучих лесов, где меня убили бы, или я убил бы кого. Ты указал мне на звездное небо, и голос твой сделал внятными...» (с. 155 - 156). Человек – прах и пылинка, но пылинка, упавшая со звезд: осознать и произнести эту истину Жакову также помогает разговор с Богом, постоянно ведущийся на страницах его книги: «Я знаю, что я не только человек. “В тебе есть что-то нечеловеческое”. Да, так. Во мне есть космическое, искра потенциала» (с. 156).

Итак, верховным и стержневым слоем жаковской идентичности становится идентичность метафизическая. Она и составляет центр и основу его персонального «я», а также и «я» авторско-художнического, ибо только вера помогает автору-повествователю принять и оценить как дар свое писательство, а получив этот дар, он несет его людям.

Признавая свою малость, сирость и убогость и принося ее к ногам Господа, повест-

вователь Жакова бесконечно самообнажается и едва не юродствует. И это отношение с собой и Богом, ощущение своей несоизмеримости перед Бытием наряду с четким знанием того, что Бытию он важен любой, что «блаженны» именно убогие, он переносит на свой народ. Иначе говоря, в «я-концепции» Жакова обнаруживается нерасторжимая связь между метафизическим представлением о человеке и собственным «я», корни которого – в христианской антропологии, между представлением о себе как об индивидуальности и национально-этнической компонентой личности («я» зырянина). Этническая идентичность Жакова вполне коррелирует с метафизической, православно-христианской, а под нее подверстывается идентичность персональная.

Для формирования как персональной, так и национально-этнической идентичности исходным у Жакова становится осознание себя-героя как человека слабого, импульсивного, беспомощного перед обществом, не понимаемого людьми, наивного и простодушного, а вместе – самоуверенного и подчас плохо управляемого, но и чрезвычайно подвижного, стремящегося к познанию, мечтателя и фантазера «с сердцем». Все эти качества жаковский повествователь раскрывает в себе-герое в основном на протяжении первой части, где речь идет о его юности. Между героем и повествователем присутствует очевидное неравенство, их разделяют возраст и полученный жизненный опыт, который повествователь оценивает чаще всего негативно, но который и позволяет ему увидеть свои прошлые ошибки. Герой Жакова – простодушный дикарь, «лесной человек», как неоднократно он именуется на протяжении всей книги (с. 64, 86 и др.). Его путь – это выход из лесов к обществу: коллизия совершенно руссоистская, и в этом плане роман Жакова можно смело назвать «романом воспитания». Он приобщается к культуре неистово и поспешно, он полон азарта и энергии, радости открытия мира, но, оценивая пройденный путь, повествователь признает, что он больше утратил, чем приобрел, и главное – он потерял свой первобытный лесной рай, а с ним и целостность личности, душевную чистоту (используя язык литературных моделей, можно сказать, что руссоизм сменяется здесь толстовством). Поэтому творчество для него – способ обретения себя, буквально «машина» воспроизводства персональной идентичности, точнее даже, не собственно творчество, а весь контекст жизни в детстве, воспроизводя

который в своих воспоминаниях, он очищает душу: «И вот теперь опять мечтою моею я между твоими сосновыми избушками, снова переживаю мое детство. <...> Любезные дети севера! И на иных мирах не забуду я вас, ваши образы питают мою душу, очищают мой темнеющий разум, омывают затемненный мир в моих глазах и покрывают его свежими красками» (с. 25).

В повествовании Жакова образуется мифологическая оппозиция: *первобытный рай, леса севера – цивилизация и культура, город*. Движение к культуре оценивается как регресс и потеря, хотя это же есть и путь жизни: «О детство волшебное! Зачем ты так быстро пролетело?! Зачем покинул я свой Эдем и бросился в ужасную пучину забот и горя?!» (с. 35). Осмысливая свое тогдашнее невежество и оценивая прошедшее как цепь падений и утрат, единственное утешение для себя повествователь находит в приведении своей души к религиозно-метафизическому знаменателю – в христианском интонировании модели человека. Если его герой – это «естественный человек», не ведающий что творит, то сам повествователь – христианская душа, ищущая спасения в раздробленном мире не только себе, но и всему народу, погибающему от насилия со стороны цивилизации.

Исходя из сюжета книги, можно говорить о том, что социализация личности героя-повествователя Жакова так и не состоялась. Точнее, он оценивает ее сугубо отрицательно: здесь есть смысл говорить о негативном аспекте социальной идентичности авторской личности Жакова, вернее даже, социокультурной: «Культурные люди научили меня быть осторожным. Если лгать не научился я, все же счел для себя необходимым молчать о том, о чем не спрашивают и о чем говорить для меня невыгодно...» (с. 287).

Субличность ребенка-дикаря накладывается на «я» зырянина: происходит обобщение по типу обратного силлогизма, дополняемого житейскими наблюдениями рассказчика. Формула этого силлогизма примерно такова: я был и во многом остался наивным простаком и ребенком, я – зырянин, следовательно, все зыряне таковы. Вот цепочка самоопределений жаковского повествователя, в ходе повествования переносимых им на свой народ или же с характеристики народа проецируемых на себя, т. е. имеющих обобщенно-этнический характер: «лесной человек» (с. 64, 86, 108, 191, 246, 270, наиболее частая идентификация героя), «дикарь» (с. 110, 190), «правдивый дикарь» (с. 152), «наивный про-

стак, попавший в сложную сеть культурной жизни» (с. 114), «первобытный человек» (с. 117), «мрачный северянин» (с. 181), «сын леса» (с. 227), «простой человек» (с. 250). Наконец, он находит для себя отвечающее его персональному и этническому, а также и художественно-творческому «я» имя: Гараморт (с. 190). В комментарии к роману оно расшифровывается как «подвижный, расторопный, легкий человек» (с. 378).

Придуманное Жаковым имя соотносится с постоянным самоопределением его повествователя – он странник, «скиталец земли» (с. 152). Подобно «лесному» и «простому» человеку, это наиболее частотная в книге идентификация рассказчика, вбирающая в себя его жизненный путь и нелегкий опыт: «Изгнанник из рая первобытной наивной жизни, брожу я по земле, странник и страдалец, гонимый повсюду ограниченными людьми» (с. 306). Он осмысливает эту черту своей личности в контексте метафизической, христианско-антропологической идентичности – как то, что присуще человеку вообще: «Ведь человек не только капля воды, играющая лучами неведомого солнца, он же странник мира» (с. 116); «Я странник мира, и молюсь только о том, чтобы суметь исполнить волю Того, кто воззвал меня к жизни» (с. 182).

Личностный идеал И. Жакова можно обозначить как гармоническое единство «неслиянных и нераздельных» метафизической, творческой и социальной составляющих. Метафизическое и творческое «я» занимают центральные позиции, ибо их язык становится здесь языком самоописания и выражения себя повествователем. Содержание же личностного идеала Жакова представляется универсальным, общечеловеческим, наиболее ярко и впервые эксплицированным именно в сентиментализме (гармонии разума и чувства).

Мысль о своем народе сопровождает жаковского повествователя всегда. Однако сама проблема этнической идентичности возникает перед ним не сразу: к самоопределению и осознанию себя героя подталкивает неистребимая тяга к познанию, сталкивающаяся с обстоятельствами жизни. Живя в лесах, герой и не задумывался бы о своем «зырянстве», об отличии от других людей и народов. Лишь соприкосновение с иным, *чужим* окружением и взглядом, выход за пределы родной деревни и *своего* образа жизни заставляют его соотносить себя и других, смотреть на себя

чужими глазами, т.е. формирует его национальное самосознание.

Установление Жаковым своей и национальной (зырянской) этничности осуществляется через противопоставление «новых народов» «древним» народам, «неисторических» – «историческим», «некультурных» – «культурным», противопоставление природы – культуре, леса – городу, севера – югу, запада – востоку и т.д. По мере взросления проблемы положения «малых» народов волнуют его все больше. Рассказывая о своем взрослом путешествии по России, он задается вопросом о «русскости», пытается понять, что позволяет русским занимать господствующее положение в этой стране, и приходит к выводу о своеобразной мифологизации понятий социальным строем, о равной заботности и униженности простых людей любой национальности. Прочтя в Курске черносотенскую газету, рассказчик восклицает: «Господи! Какой такой русский народ? Где он? Мужики ничего не знают об этих “истинно русских”. Чудеса. И скорбит душа о невежестве народном, именем народа чего-чего не делается. Истинно же русского человека (без кавычек) на моих глазах полицейский бросил на извозчика и повез в участок только потому, что он выпил на последние деньги и осмелился идти по главной улице города» (с. 234 - 235).

Наименование «Россия» появляется у Жакова лишь на последних страницах книги, когда он едет на восток и минует всю страну. «Взглянув на карту, я ужаснулся. <...> Это не государство, а какая-то Россия, думал я, ни конца, ни краю... Почему же на таких пространствах плохо мы живем?» (с. 319). *Государство* противопоставляется *пространству*, которое и есть главное богатство страны. Государство – это империя, социальный строй, угнетение и своего народа, и иных, высокомерность и пренебрежение к человеку и к интересам общего и целого; поэтому, в частности, ироническую окраску получает у Жакова этноним «неунывающий россиянин»: так называет он коллегу-учителя периода своего преподавания в училище, который «всегда глядел на всех сверху вниз... решал сплеча все вопросы науки, философии и жизни» и более всего напоминал рассказчику Хлестакова (с. 246).

Свое писательство автор-повествователь осознает как помощь и служение народу, причем не только зырянам, но и всем «простым», «неисторическим» народам, Севера или других регионов, неважно. Набрав зна-

ний и приобщившись к культуре, хотя не слившись с «культурными людьми», по отношению к зырянам он начинает занимать позицию старшего, своеобразного отца и защитника – ту самую, которую он как повествователь занял по отношению к себе-герою и которую по отношению к нему занимал когда-то резчик Фалалей и теперь занимает сам Бог: «О юные народы, отдам душу за вас! Воспою красу вашу, вознесу вашу действительность в высшие сферы поэзии, ваши легенды и наивные сказки милого севера и востока передам дальним потомкам» (с. 193). Идея служения расширяет сознание автора-зырянина и выводит его за рамки этничности: «Нет ничего выше правды на земле. И после познания Бога самое великое – служение людям. Я должен быть полезным северянам и всему русскому народу, народу наиболее великому сердцем, но забитому историческими условиями. Боже! помоги мне и дай мир земле» (с. 244).

Итак, интенция к возвращению потерянного рая родины, где он был целостным и находился под защитой, становится для персонального «я» Жакова-героя импульсом к созданию книги и духовному творчеству в целом. Интенция помощи соплеменникам, ближним и дальним «простым народам» движет творческим духом автора-повествователя. Свое виртуальное возвращение – прикосновение к истокам – жаковский рассказчик осуществляет несколькими путями. Первый путь – ретро- и интроспекция (романтически-сентименталистская традиция) – уход в себя, в мечты и воспоминания. Это регрессирующая линия писательства, ибо окрашивающая ее тональность – преимущественно эмоции скорби и разочарований от последующей жизни и различия дней прошедшего и настоящего. Второй путь – проспекция, т.е. формирование нового идеала единства жизни и культуры, сознания и бытия. Так проявляется своего рода прогрессивно-познавательная роль «утраты». «Я дикарь, а живу в больших городах, восхищенный многим и земными сторонами удрученный, но в душе живет высшая надежда на новые времена, когда дикари и культурные согласятся в веротерпимости и в свободе» (с. 190).

Мечтая о прогрессе человечества и полагая, что таков закон эволюции, он неустанно скорбит о первобытно-дикарской жизни в лесах, на лоне природы. Идеал оказывается и позади, и впереди, причем искомое содержание идеала – целостность и единство, задан-

ное мыслью о Первопотенциале, а скорее, уравновешиваемое идеей Его как высшего блага. Метафизическое «я» жаковского повествователя выступает средоточием не только его антропологических интенций, но и онтологических утопий, поддерживая ту индивидуально выработанную, но переносимую на человечество сотериологию, которую он в качестве культурно оснащенного коми-зырянина, приобщенного к мировому знанию дикаря-варвара, стремится донести до всех людей.

Содержание заветного идеала Жакова существенно выходит за рамки универсалистской идеи гармонии и примирения контрастных начал, выражающих себя в его мировоззренческих и поэтических оппозициях, о котором мы говорили выше в связи с личностью автора-рассказчика. Само противопоставление «новых» народов «древним», «неисторических» «историческим» заставляет вспомнить историософские концепции, обильно создававшиеся в европейской и русской мысли конца XIX – начала XX в.: Н. Я. Данилевского, А. Н. Леонтьева, О. Шпенглера, да, впрочем, еще Ф. М. Достоевского.

Любопытно, как популярная в те годы модель детства/старости народов отразилась в творчестве Жакова, став одной из предтеч теорий евразийства, начавших создаваться еще в предреволюционное десятилетие: «Великие перспективы истории рисуются мне. Столкновение Азии с Европой, и Азия поднимется выше по лестнице эволюции, – а за Азией – Африка, новые красоты, новые чудеса посетят землю» (с. 237). Зыряне, пермяки, вотяки, мордва, северные самоеды, тунгусы и др. для него – народы «наивные», «простые» и «юные». В историософской концепции Жакова осуществляется некая мифологизация популярных и достаточно радикальных социальных идей с проекцией их в сферу этнического сознания. В духе «первоначального» социализма XIX в. он получает христианскую, утопическую окраску. «И последние будут первыми» – этот христианский девиз был замечательно использован в теориях социализма. Востребован он и Жаковым. «Новые народы», они же «первобытные», есть «соль соли» земли, ибо, в отличие от «культурных», они сохраняют свою нравственную силу и цельность, они близки к природе, а значит, противостоят народившейся технической цивилизации, несущей смерть земле.

Мысль о великом будущем «новых народов» неразрывна для Жакова с осознанием своей миссии: «Итак, что же дает такое творчество людям? Идею сильной личности, пре-

возмогающей все преграды, любовь к познанию природы и духа, преодоление “трагедии познания” мечтою, своеобразие творчества северянина, творящего “из себя” мир. Я – первая ласточка в проявлении себя новых народов» (с. 110); «Есть Бог, помогающий новым народам... Он поможет мне если не победить мир, то не быть побежденным» (с. 284). «Сверхчеловеческое» соединяется здесь с христианским: свой путь автор-повествователь представляет в мифологических категориях, ибо в данном случае он – не единица, не сам по себе, а выразитель судьбы своего народа и искупитель грехов людей культуры, которым оказался сопричастен. «Проповедуй религию эволюционизма России и Китаю; соединится Европа с Азией святой любовью к Богу, и Бога к человеку» (с. 235), – обращаясь к своему писательскому «эго», пишет автор. Его Первопотенциал снимает все земные оппозиции и ограничения, и на этой основе формируется *синтетическая идентичность* автора, который через себя и свое сознание писателя-зырянина, овладевшего мировой культурой, но со смирением принимающего помощь свыше, пролагает новые пути развития земной цивилизации.

Среди разнообразных историософских и теократических утопий Серебряного века эта модель поистине уникальна, ибо в ней осуществляется перевод этнического сознания «малого» народа на язык универсальных культурных и религиозных философем. Последние получают при этом отчетливо прикладную направленность, означающую перспективу конструирования мифологических стратегий развития этносов.

Примечания

¹ Исследование выполнено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

² Цит. по: Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: Сб. статей / Науч. ред. К. Мацузато. - Sapporo: Slavic Research Center, Hokkaido University, 2003. - С. 53.

³ Там же. - С. 53.

⁴ Лимерова В.А. Традиции средневековых жанров в творчестве К. Ф. Жакова: Доклад на заседании президиума Коми научного центра УрО РАН // Научные доклады / Коми научный центр УрО РАН. Вып. 473. - Сыктывкар, 2005. - С. 3.

⁵ Здесь и далее цит. по: Жаков К.Ф. Сквозь строй жизни: Роман / Вступ. ст., прим. и сост. А.К. Микунева. - Сыктывкар, 1996.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1

С.Ю. Лаврова
Череповецкий государственный университет

ЯЗЫКОВАЯ ПЕРЦЕПТИВНОСТЬ В АСПЕКТЕ ЛИНГВОАКСИОЛОГИИ

Психологи рассматривают процесс восприятия с различных сторон, характеризуя как «восприятие вообще», так и конкретные аспекты анализа данного явления. В последнее время в центре внимания находится подход, при котором восприятие рассматривается как *жизненное событие*, реализующее в специфической форме связь индивида со средой, человека с миром. «Перцептивное событие вписано во внутренний мир личности, организовано в пространстве и времени, включено в цепь других событий и может анализироваться в различных системах координат», - пишет В.А. Барабанщиков¹. Исследуя процесс восприятия как феномен, ученые рассматривают его в системе фундаментальных отношений к действительности, в которой пребывает человек; к воспринимающему индивиду; к формам его активности; к телесной организации². Для нас особенно важно изучение аксиологического отношения, поскольку перцептивные явления не существуют сами по себе, а принадлежат какому-либо субъекту восприятия. В рамках аксиологического отношения феномен восприятия принимает вид *переживания*. Субъект восприятия привносит человеческую субъективность при оценке окружающего мира.

На сегодняшний день практически во всех областях гуманитарных наук акцент делается не на идеологические или сугубо структурные конструкты, обобщающие в той или иной степени полученный опыт анализа основных постулатов науки, а на их **деятельностный аспект**. В гуманитарных науках поднимается вопрос о проблеме ментально-

сти и ее психологии (в широком смысле слова), о способах мировосприятия, освоения миропространства человеком, о создании специфического образа мира в сознании человека, трактуемого в терминах «возможного мира». Восприятие понимается как непосредственный контакт с внешним миром.

В деятельностном аспекте проблема восприятия окружающего мира человеком (субъектом восприятия) понимается не как психофизический процесс, разложимый на конкретные составляющие, а как некий образ – образ восприятия в сознании субъекта восприятия.

Любой образ складывается на базе возможностей составляющих его смыслов. *Образ восприятия* есть субъективная представленность предметов окружающего мира или их свойств, которая обусловлена как чувственно воспринимаемыми признаками, так и гипотетическими конструктами. Несомненно, что особо важная роль в исследовании перцептивных процессов принадлежит языку.

Для того чтобы в дальнейшем перейти к основной проблематике данной работы - языковой перцептивности, остановимся на ключевом понятии «перцепция».

Перцепция (от *лат.* perceptio – восприятие) – процесс непосредственного активного отражения когнитивной сферой человека внешних и внутренних предметов (объектов), ситуаций, событий, явлений и т.п. В широком понимании перцепция сама по себе – высокоразвитая и специфическая форма человеческой практики, так как она имеет историю. Следовательно, если восприятие есть

процесс, основанный на физиологии, то перцепция есть форма человеческой практики (физиология + опыт). Обращаем внимание на тот факт, что перцепция понимается лишь как часть взаимодействий живых организмов с окружающим миром, взаимодействий, позволяющих им выжить. Однако когда речь идет о человеческом сознании и человеческой деятельности, мы обращаемся к социальному миру, в котором живет и действует субъект восприятия. Понимая перцепцию широко, отмечаем, что она берет начало в спектре социальных феноменов, так как в них перцепция функционирует. Под спектром социальных феноменов в таком случае понимается социальный мир: социальная и когнитивная история человеческой практики (убеждения, идеологии, ценностные системы, взгляды на мир). С нашей точки зрения, такой подход обусловлен культурной составляющей человеческой перцепции. Рассматривая перцепцию как своеобразный культурный артефакт, мы переводим перцепцию из сферы сугубо биологической или сугубо психологической в аспект социальной деятельности человека. Для нас это очень важный постулат, так как проблема ценности и должна рассматриваться в аспекте спектра других социальных феноменов, определяющих деятельность человека. Язык также связан непосредственно с социальным миром, с человеческой речевой практикой, а языковые перцепции – это не только описание действия того или иного биологического анализатора субъекта восприятия, но и ментальная база (ментальные репрезентации, позволяющие «выходить» на тропеизацию перцептивной лексики). У субъекта восприятия есть обязательная перцептуальная активность и перцептуальная предпочтительность.

Природа перцепции в аспекте артефакта достаточно сложна. Во-первых, любая перцепция избирательна: на ее содержание влияет определенное мировоззрение субъекта восприятия. Во-вторых, перцепция включает акт категоризации: звук, осязание, боль есть категоризируемые импульсы. Весь перцептуальный опыт – конечный продукт процесса категоризации. Наша перцепция зависит от предположений, которые мы привносим в любой случай. Это не «реакция» на стимулы окружения, это ее взаимодействие с окружением. Психологи отмечают, что все приобретает для нас значение на основе нашего собственного личного поведенческого центра и является «реальным» в психологическом смысле. Естественно, что мы живем скорее в

воображаемом, чем в реальном мире, поэтому для нас важны не только предметы окружающего мира (деревья, дома, животные, люди), но и наши психологические характеристики жизни (надежда, страх, вера, огорчение, вдохновение, любовь и т.д.). Психологами отмечается, что перцепция – это не реакция на стимулы внешнего окружения, более правильно описать ее как взаимодействие с окружением. Это означает, что значения и смыслы, которые мы приписываем вещам, являются значениями и смыслами, которые мы создали посредством нашего прошлого опыта. В образе восприятия в качестве единицы взаимодействия представлен весь предмет в совокупности его инвариантных свойств. Следовательно, образ восприятия выступает как результат синтеза ощущений. А. Лурия пишет о том, что любое предметное восприятие системно, оно является результатом полимодальной деятельности³. Однако наблюдение всегда носит избирательный характер.

В зависимости от биологической значимости в воспринимаемом предмете ведущим может оказаться либо одно, либо другое качество, определяющее приоритетную информацию анализатора. В соответствии с этим различают восприятие зрительное, слуховое, осязательное, вкусовое, обонятельное.

Таким образом, понятие языковой перцептивности рассматривается нами в аспекте лингвоаксиологии со следующих позиций.

Во-первых, языковая перцептивность как понятие характеризуется отражением объективного мира в субъективном сознании с помощью языка на основе сенсорной системы анализаторов. В конкретном речевом употреблении используется понятие *языковой перцептивности субъекта восприятия* в системе координат экспериента как Наблюдателя. Его основу определяет социальный и культурный опыт субъекта восприятия, языковой опыт и ценностные предпочтения.

Во-вторых, значимым компонентом данного понятия как конструкта выступает перцептивный образ субъекта восприятия. Он представляет собой некую инвариантную аксиологическую модель, которая при использовании в конкретном речевом употреблении приобретает индивидуальные черты, сохраняя при этом свои константные характеристики.

В-третьих, перцептивный образ субъекта восприятия, в свою очередь, является фрагментом *образа мира субъекта восприятия*, понимаемого как *перцептивный мир (одни*

из возможных миров с координатами пространства/время; значения/смыслы).

Перцептивный образ субъекта восприятия как конструкт есть результат семантического моделирования исследователя, занимающегося анализом речевых употреблений.

В контексте перцептивный образ субъекта восприятия обычно имплицитно скрыт в смысловой составляющей данного контекста, его экспликаторами выступает использованная экспертом сенсорная лексика.

Остановимся подробнее на объяснении вышесказанного.

Под *перцепцией* понимается восприятие, как принято трактовать термин в современной психологии. *Перцептивность* понимается как процесс описания перцепций. *Языковая перцептивность* характеризуется наличием смысловой составляющей восприятия в языковых единицах. А.В. Бондарко понимает языковую перцептивность как «языковую интерпретацию наблюдаемости и других типов восприятия явлений внешнего мира»⁴.

Лингвоаксиология есть аспектологическая часть родовой науки аксиологии, философского учения о природе ценностей, их месте в реальности, о структуре ценностного мира: о связи различных ценностей между собой, с социальными, культурными факторами и структурой личности. Лингвоаксиология предполагает исполнение исследовательской работы в аспекте «язык – система ценностей и оценок».

Основная цель данной работы заключается в представлении и попытке обоснования понятия «перцептивный образ субъекта восприятия»: его структуры, выявления в художественном поэтическом тексте в аспекте оценочного модуля.

Сознание как особая форма психической жизни человека является субъективным переживанием объективной реальности. Существует точка зрения, что человеческому восприятию мира предпосланы врожденные ритмические перцептивные схемы, связанные со строением тела человека и окружающей его Вселенной. Человек обладает генетически заложенной способностью восприятия элементарных моделей пространства: гештальтов, топологических структур или когнитивных карт. Говоря о словах языка, обычно представляют три основные модальности: аудиальную, визуальную и кинестическую⁵.

Одним из основных компонентов любого познавательного акта является ценность. С гносеологической точки зрения ценность –

это универсальный способ синтеза восприятий, лежащий в основе всех других форм согласующего синтеза. Субъект восприятия, оценивая мир и определяя в собственной модели мира набор ценностей, понимает, что вещь и идея вещи (или предмета) различны. Перцептивный опыт позволяет приписать значения и смыслы вещам (или предметам), которые исходно таких признаков не имеют. Создавая высказывание, субъект восприятия использует целый спектр субъективных смыслов (модусов). Оценочность – это один из модусных смыслов, когда проводится отметка пропозиционального содержания как «хорошего»/«плохого». Вкус субъекта восприятия (в широком смысле этого значения) можно понять, проанализировав его оценочные модусы и выявив ментальные оценочные концепты. Несомненно, значимо наличие аксиологической лексики как способа репрезентации ценностного смысла (объективно-оценочной, имплицитно-оценочно-дескриптивной), которая «накладывается», образно говоря, на сенсорную лексику, например, глаголов восприятия, в определенных значимых для эксперта контекстах. Проблема ценности должна рассматриваться в аспекте спектра других социальных феноменов, определяющих деятельность человека. По справедливому замечанию У. Чейфа, восприятие «не является точной копией стимула (каков бы он ни был), но есть его *интерпретация*»⁶. Н.Д. Арутюнова пишет о том, что предложения, описывающие восприятие, имеют в своем составе две пропозиции: перцептивную и эпистемическую⁷.

Образование перцептивного образа происходит на основе *эмпирического – когнитивного – языкового метафорического опыта* субъекта восприятия. Эмпирический опыт представляет собой общие впечатления в виде образов, чувственных данных, ощущений; когнитивный опыт характеризуется переработкой информации, кодированием ее, понятийным обобщением; языковой метафорический опыт заключается в использовании языка как информационно-знаковой системы, при этом подключается и эмоциональная сфера субъекта восприятия со своей шкалой оценок, системой мерил всего и вся. Как показывают исследования Е.В. Падучевой, на основе оценки начинает действовать механизм аксиологически-когнитивной корреляции. В данной работе принимается определение перцептивного образа, данное Е.В. Падучевой: структуру перцептивного образа составляют Перцепт и Образ. Перцепт понима-

ется как разновидность стимула, возникающая в контексте восприятия (интерпретация стимула, по У. Чейфу), а Образ есть разновидность реакции (сложная ассоциация)⁸.

Содержание перцептивного образа определяют и интенции субъекта восприятия, и языковой интеллект, и язык чувств для выражения представления о реальности, и наличие бисенсорности восприятия, и выражение авторского отношения к диктумному содержанию, и другие факторы, среди которых особое место занимает оценочная составляющая. В перцептивном образе есть обязательный компонент оценки и, естественно, ценности.

Перцептивный образ – это не языковое выражение первичных перцепций, например: «белый лист» (языковая перцепция, выраженная с помощью визуальной лексики). В конструкции *Заснеженное поле – белый лист* используется образная перцепция, так как происходит процесс метафоризации. В конструкции *Я предпочитаю желтый лист поля белому* заложена и эксплицитно выражена ценностная характеристика объекта со стороны субъекта восприятия. Перцептивный образ субъекта восприятия – это аксиологический знак.

Перцептивный образ представляет собой сложную ассоциацию субъекта восприятия, получаемую на основе органов чувств с учетом оценочно-ценностного параметра. Перцептивный образ субъекта восприятия будет коррелировать именно с модусом текста, так как смысл его выявляется (декодируется) читателем на оси «автор – читатель», «автор – текст». Он создается на базе модусов высказывания (-ний) с учетом перцептивных модусов слуха, зрения, осязания и т.д., оценочного модуса, а функционирует в модусе текста с учетом коммуникативно-прагматических смыслов. Мы знаем о том, что художественный текст (поэтический, в частности) – организованное семантическое пространство, дешифровка которого возможна в том или ином аспекте⁹.

В последнее время проблематика языковой перцептивности широко рассматривается и в рамках анализа художественных текстов¹⁰.

В языке получает отражение сенсорная картина мира (СКМ) человека. В СКМ язык представлен универсальной лексикой, описывающей процесс восприятия с помощью органов зрения, слуха и т.п. Например, в модусе слуха используются: когнитивный глагол «слышать», активный глагол «слушать»,

дескриптивный глагол «звучать». Ядро составляют лексемы с прямым значением зрения и слуха, далее следуют лексемы с абстрактным значением, периферию занимают лексемы с метафорическим значением зрения и слуха.

В поэтическом тексте происходит наложение перцепции, отраженной в языке (ядерная, универсальная лексика), и перцепции, отраженной в индивидуальном стиле, определяемом спецификой авторской модели мира. В данной модели особую значимость имеет концептуальный контекст. Следовательно, при создании перцептивного образа на СКМ с определенной областью оценочных номинаций накладывается сенсорная модель мира конкретного автора, характеризующаяся субъективным языком оценки. Из чего складывается субъективный язык авторской оценки? Термином «субъективный» обозначается семантический компонент, указывающий на говорящего и на сам акт речи – явление, обычно рассматриваемое при исследовании сферы дейксиса (системы координат «я – здесь – сейчас») и шире – языковой прагматики.

Любая человеческая перцепция имеет локальный аспект реализации, тем более, когда речь идет о художественном тексте. Этот аспект определяется вниманием говорящего (субъекта) к внешнему пространству (внешнему миру, в котором происходит что-либо) или к внутреннему пространству (внутреннему миру человека). Например, в модусе слуха внешний мир определяют природные или животные звуки, а также звуки человеческой цивилизации; внутренний мир может наполняться звуками разного характера.

Любая перцепция осложняется особенностью концептуализации мира человеком. Концепт, на языковом уровне представляющий собой отражение интенции говорящего, расширяет перцептивный образ за пределы только внешнего модуса. Как отмечает Е.С. Яковлева, языковое сознание, а не языковая система определяет специфику личной концептуализации¹¹. Таким образом, проходя путь от языковой системы (языка) к языковому сознанию, мы выявляем смысловой объем концепта, представленного в тексте на лексическом уровне с помощью одноименного или заместительного слова-концепта (заместительного - в родо-видовом или тексто-тематическом отношении). При концептуализации перцептивных образов либо называется основное слово-концепт, универсально представляющее модус (например, в

поэтическом тексте И.А. Бродского: «Из всех щедрот, что выделила бездна, / лишь зренье тебе служит безвозмездно...»¹² (здесь и далее курсив наш. – С.Л.); либо используется слово-концепт-заместитель (например, заместитель по функции – орган восприятия): «Вообще из всех / внутренностей только одни глаза сохраняют свою студенистость»¹³.

Перцептивные образы зарождаются на основе следующего ментального процесса: восприятие – эмоция – оценка – речь. Язык-система служит базой для создания концепта, получающего семантическое воплощение в языке-деятельности, то есть речи.

Говоря об образе человека и его функциональных системах, Ю.Д. Апресян отмечает, что первичная ситуация восприятия включает двух основных участников. Первый – тот, кто воспринимает, второй – то, что воспринимается. Субъект восприятия может не только пассивно воспринимать какой-то объект, но и активно использовать соответствующий орган восприятия для того, чтобы получить нужную информацию о мире¹⁴.

С нашей точки зрения, необходимо обосновать соотношение перцептивного образа и концепта для дальнейшего лингвистического анализа конкретных контекстов. Концепт, понимаемый нами как весь совокупный объём значения и знания о реалии (идеальная абстракция смысла с образной основой), состоит из ядра – значения, определяемого словарной дефиницией; периферии – разного рода знаний (энциклопедических, идиоматических, индивидуально-авторских) и образа, соотносимого со значением и смыслом. При характеристике образа следует помнить о том, что происходит актуализация определённой, заданной автором семантической части концепта как идеального образования (см. приведённый выше пример «Из всех щедрот...»). Перцептивный образ есть одна из форм субъективного образа, получающая конкретное лексико-грамматическое наполнение в индивидуально-авторской модели мира субъекта. Перцептивные образы, вероятно, определяются не столько значением лексем, раскрывающих их, сколько смыслом (принимается понятие смысла, данное А. Леонтьевым)¹⁵. Следовательно, *перцептивный образ складывается из взаимодействия сенсорной модальности и сенсорной оценки*. Выбор универсальной лексики перцептивного модуса и лексики с метафорическим переносом «накладывается» на выбор субмодуса восприятия и концептуального контекста («партнёров»).

Для того чтобы рассмотреть перцептивный образ как аксиологический знак поэтического мира субъекта восприятия, обратимся к анализу различных поэтических фрагментов модели мира И.А. Бродского. При работе со сборником поэтических текстов И. Бродского «Перемена Империи»: Стихотворения 1960 - 1996 гг. (2001 г.) в исследовательских целях были выделены текстовые фрагменты, в которых актуализирован модус зрения. Лексико-грамматическая представленность данного модуса в поэтическом тексте выражается существительными, прилагательными света и цвета, глаголами и глагольными формами, например: взгляд, глаза, взор, зрачок, веко, зрение, слепота, зоркость; зелёный, карий, голубой, чёрный, синий; глядеть, видеть, взглянуть, смотреть, мигать, слеза, вперся; лексемы, связанные с понятием зрения ассоциативно: зеркальце, цвет ночи, темнота.

Для И. Бродского при реализации зрительного модуса типично употребление слова-концепта «глаз» в функции самостоятельного субъекта (перенос по смежности): «Но, отделившись от тела, *глаз* скорей всего предпочтёт поселиться где-нибудь в Италии, Голландии или в Швеции» (с. 494); «Там, где есть горизонт, парус ему судья. *Глаз* предпочтёт обмылок, чем тряпочку или пену» (с. 456); «...*глаз* задерживается на рисунке обоев, на цифре календаря...» (с. 522).

Модус слуха представлен следующими лексемами: звук, голос, слух, ухо, гортань, вой, крик, вопль, безголосье, горло, акустика; звонкий, гулкий, глухой, глухонемой; слышит(ся), окликнуть, звучать, слушать, расслышать, шелестеть, слышно, беззвучно; лексемы, связанные с понятием слуха ассоциативно: нота, эхо, труба, до-ре-ми, раковина, музыка, например: «Я проснулся от крика чаек в Дублине. На рассвете их голоса звучали как души, которые так загублены, что не испытывают печали» (с. 632). Модусы слуха и зрения в одном контексте группируются следующим образом: зеркальце – слышать – взгляд – серый; связка голосовая – зрачок; глухонемая зелень; взгляд – сетчатка – дребезжа; ультрамарин – звук – брэнчать; глаза – глуховат – слеповат – не слышу – эхо – темнеет – кашель. Например, в контексте это может быть выражено следующим образом: «Видно, *глаз* чтит великую сушь, плюс от ходиков *слух* заложило: умерев, как на *взгляд* старожилы – пассажир, ты теперь *ездесущ*» (с. 497) - памяти Геннадия Шмакова; «Я слышу не то, что ты мне говоришь, а го-

лос. Я вижу не то, во что ты одета, а ровный снег» (с. 503).

И. Бродский всегда отмечал свой особый интерес к внутреннему миру человека, говоря следующее: «Человек, который внутри себя начинает создавать свой собственный, независимый мир, рано или поздно становится для общества инородным телом, становится объектом для всевозможного рода давления, сжатия и отторжения»¹⁶. Стремление поэта к необходимости чувствовать себя частным человеком получило отражение в его поэтических текстах и определило специфику «модуса проживания».

В перцептивных образах поэта отразились:

- реалии в первичном восприятии (субъективная онтология);
- оценка собственных авторских впечатлений (концептуализация онтологии);
- форма выражения с помощью средств субъективной модальности (собственно лингвистика).

Перцептивный модус, преломляющийся сквозь призму внутреннего мира субъекта (говорящего) с его оценочной концептуализацией, является базой для создания перцептивного образа говорящего. Говорящий воспринимает некоторый образ действительности с его характерными свойствами и кодирует его высказыванием. Воссозданный образ в чисто перцептивном плане, скорее всего, будет отличаться от исходного референта, отмечает А. Кошелев, однако характерные свойства будут иметь такие же, поскольку они зафиксированы значением высказывания¹⁷.

Каждый из выделенных модусов осложняется наличием субмодусов, сопровождающих визуальные и аудиальные проявления. Например, модус зрения осложнён субмодусом восприятия света, цвета. Основными концептами, актуализированными в модусе зрения в модели мира И. Бродского, являются концепты «Время», «Мысль», «Вода», «Звезда», «Оценка», «Формула»; в модусе слуха – концепты «Звук», «Тишина», «Оценка»; при пересечении модусов – концепты «Пространство», «Природа», «Творчество», «Любовь», «Бог», «Формула».

Рассмотрим на конкретных примерах появление перцептивного образа в модусе зрения. Предлагается следующий текстовый фрагмент: «Кто там сидит у окна на зелёном стуле? Платье его в беспорядке, и в мыслях – сажка. В глазах цвета бесцельной пули – го-

товность к любой перемене в судьбе пейзажа» (с. 618).

Онтологические реалии либо названы эксплицитно: *стул, платье, пейзаж*; либо имплицитно: *человек и его мысль*. Концептуальный контекст авторской оценки всех реалий и обозначенной с их помощью ситуации представлен через цвет: характеристика глаз, мыслей, вещи (мебели), одежды. «Зелёный стул» – безоценочное словосочетание попадает в поле оценки, так как под «зелёным стулом» понимается природа: «материал, из которого стул изготовлен», соотносится с естественным цветом природы. Лексемы *беспорядок, сажка, пуля, бесцельная* приобретают в концептуальном контексте коннотативные семы. «Зелёный стул» при общеизвестном отношении Бродского к понятию «вещь» на шкале оценки может быть определена маркером «хорошо», так же, как и персонифицированный «пейзаж», поскольку речь идёт о его судьбе, в то время как «человек» – маркером «плохо». С помощью оценочного компонента цвета выводится идея бессмысленной жестокости, бессмысленного уничтожения, готовности человека к нему. Сенсорную оценку даёт цвет органа зрительного восприятия; концептуализация носит метафорический характер; сенсорную модальность – препозиция объекта по отношению к его признаку; наличие вопросительной конструкции; выражение неопределённости – безличности человека.

Перцептивный образ автора эксплицитно может быть выражен следующим образом: *бессмысленная жестокость человеческих глаз*. За данным визуальным образом следует ситуативная результативность – «бесцельная пуля» уничтожает всё, что случайно оказывается на её пути. Такой удел предначертан для пейзажа (природы).

Второй пример: «Стынет кофе. Плещет лагуна, сотней мелких бликов тусклый зрачок казня за стремление запомнить пейзаж, способный обойтись без меня» (с. 385). В данном фрагменте модус зрения сопровождается субмодусом света. В отличие от первого примера, в данном тексте предложена конкретизация онтологических реалий: «пейзаж» конкретизирован «лагуной», «человек» – «я» (личное местоимение как показатель субъективной модальности), «глаз» – «зрачком». Начало строфы «Стынет кофе» подчёркивает человеческий приоритет: внимание к пейзажу. «Зрачок» нацелен на «пейзаж», «лагуна» – на «зрачок». Показан диалог обмена взглядов. Пейзаж вновь персонифицирован и

в этом контексте приобретает несомненную ценность в глазах человека. Значения в процессе восприятия, имплицитно представленные в высказывании, при конкретной ситуации приобретают смысловую актуализацию. Например, «стремление запомнить» - устойчивое желание сохранить в памяти - уже говорит о значимости. Нестерпимый свет лагуны – маркер «хорошо»: красота под солнцем, и «тусклый зрачок» – «плохо»: плохая видимость.

Перцептивный образ таков: *ослепление человеческого глаза (лишение его света) как месть независимого пейзажа.*

Третий пример пересекается с предыдущим: «И лучшая в мире лагуна с золотой голубятней сильно сверкает, зрачок слезя» (с. 445).

«Лучшая в мире лагуна» – положительное ценностное свойство приписывается субъектом объекту оценки, причём объект персонифицируется и становится субъектом действия.

Перцептивный образ таков: *природа мещает смотреть человеческому глазу, закрываясь от него.*

Если в первом примере перцептивный образ определяется как жестокость человеческого глаза (субмодус цвета), то во втором и третьем примерах – как месть пейзажа человеческому глазу с помощью нестерпимого света или ослепления (субмодус света). Таково соотношение модусов зрения у человека и у природы. Напрашивается следующий вывод: несовершенство человеческого модуса зрения при оценке видимого (внешнего) мира. Зримый мир непонятен, поэтому вещи у Бродского испытывают сиротство под взглядом человека. Сравним: «Вещи и люди нас окружают. И те, и эти терзают глаз. Лучше жить в темноте» (с. 200); «Видимый мир – ничком и стоймя – близорук» (с. 427).

Следовательно, первичное восприятие – это понимание действия с помощью того или иного органа; сенсорная оценка проходит по шкале «плохо», так как проявляется несовместимость видимого мира и человеческой перцепции. Перцепцией награждаются и природные реалии, обладающие большей значимостью, чем перцепции человека. Сенсорная модальность выражается как на уровне лексической семантики, так и на уровне построения конструкций. Перцепции, приобретающие когнитивное значение в авторской модели мира, определяют и эстетическую значимость авторской позиции по отношению к внешнему миру. Иллюзия человече-

ского видения получает обобщение в авторских формулах зрения: «Зрение – средство приспособления организма к вражеской среде» (с. 493); «Весна глядит сквозь окна на себя и узнаёт себя, конечно, сразу. И зреньем наделяет тут судьба всё то, что недоступно глазу» (с. 119). «Зреньё» не равно глазу, так как, действительно, «самого главного глазами не увидишь». «Зрение – это сознание, не умозрение, но органика преобразования впечатлений от "здесь" и "сейчас" в единый метафизический образ бытия», - пишет И. Плеханова¹⁸. Справедливо утверждение Б. Гаспарова о том, что языковой образ представляет собой перцептивную реакцию не на предметы и понятия как таковые, но на их языковое воплощение – на те выражения, которые наличествуют в языковом опыте говорящего субъекта¹⁹. Для языкового образа характерно свободное, необязательное отношение к «сущностной» характеристике отображаемого предмета.

Модус зрения сопровождают субмодусы звучания/тишины. Например: (1) «Но вода аплодирует, и набережная – как иней, осевший на до-ре-ми» (с. 382); (2) «Вот чем дышит вселенная. Вот что петух кукарекал, упреждая гортани великую сухь!» (с. 344); (3) «Звучат удары луны из бубна, и глухо, дробно вторят гитары» (с. 465); (4) «Сначала вы слышите трио, потом – пианино ветра» (с. 547); (5) «...и слушать, как в южном небе над флагом морской купальни шелестят, точно пальцы, мусоля банкноты, пальмы...» (с. 509).

Анализ проведенных текстовых фрагментов показывает, что выявленные перцептивные образы формируют определенную оценочность текста и дают возможность охарактеризовать глубинную сторону авторской философии бытия.

Примечания

¹ Барabanчикова В.А. Восприятие и событие. – СПб.: Алетейя, 2002. – С. 17 - 18.

² Там же.

³ Лурия А.Р. Лекции по общей психологии. – СПб.: Питер, 2004. - С. 121 - 164.

⁴ Бондарко А.В. Временной дейксис и перцептивность // Система языка и структура высказывания: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения В.Г. Адмони (1909 - 1993) / Ин-т лингвистических исследований РАН. – СПб.: Наука, 1999. – С. 10.

⁵ См.: Лебедева Л.Б. Модальности восприятия и их отражение в языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. – Дубна: Международный универ-

ситет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 350.

⁶ Цит. по: Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.

⁷ Там же.

⁸ Падучева Е.В. Актантная структура глаголов восприятия // Вопросы языкознания. – 2003. – № 3. – С. 33 - 45.

⁹ См.: Топоров В.Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 455 - 515; Николаева Т.М. «Из пламя и света рожденное слово» // Там же. – С. 774 - 787.

¹⁰ См.: Бондарко А.В. Временной дейксис и перцептивность // Система языка и структура высказывания: Материалы чтений, посвященных 90-летию со дня рождения В.Г. Адмони. – СПб., 1999. – С. 10 - 12.

¹¹ Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Изд-во «Гнозис», 1994.

¹² Бродский И. Перемена Империи: Стихотворения (1960 - 1996). – М.: Изд-во «Независимая Газета», 2001. – С. 173. Далее в скобках даются номера страниц цитируемого текста.

¹³ Там же. – С. 285.

¹⁴ Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – С. 348 - 386.

¹⁵ См.: Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности. – М.: Наука, 1965.

¹⁶ Бродский И.А. Большая книга интервью. – М., 2000. – С. 8.

¹⁷ Кошелев А.Д. Описание когнитивных структур, составляющих семантику глагола *ехать* // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Шатуновский. – Дубна: Международный университет природы, общества и человека «Дубна», 1999. – С. 42.

¹⁸ Плеханова И. Формула превращения бесконечности в метафизику И. Бродского // Бродский и мир. Метафизика. Античность. Современность. – СПб.: АОЗТ «Журнал «Звезда», 2000. – С. 45 - 46.

¹⁹ Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – С. 255.

УДК 811. 111

В.П. Коропушкин
Череповецкий государственный университет

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СУБСТАНДАРТНЫХ АНТРОПОНИМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье выявляются социолингвистические характеристики английских субстандартных антропонимов – кличек и прозвищ, относящихся к низким коллоквиализмам, сленгу, жаргону, арго/кэнту, вульгаризмам¹. Эти характеристики представлены: ареальными, историческими, локальными, темпоральными, профессиональными, корпоративными, стратификационными позициями. Наиболее четко социолингвистические характеристики отражены в соответствующих пометах в словаре британского просторечия Э. Парtridge². Рассмотрим их в названной последовательности.

Ареальная вариативность английских субстандартных антропонимов

В ареальном плане субстандартные антропонимы соотносятся в понятийном и функциональном аспектах с основными национальными вариантами английского языка.

Субстандартные антропонимы британского ареала: **Froggy.** A Frenchman: from ca. 1870; **High-Melted Mary.** Bolingbroke, statesman (1678 - 1751); **Old Rowley.** Charles II.

Субстандартные антропонимы американского ареала: **Blue Nose.** A Nova Scotian:

coll.; orig. (1830) *U.S.*; **Dago.** One of Latin race...: ex *U.S.* (—1858).

Субстандартные антропонимы канадского ареала: **Canuck.** A Canadian... Orig. (1855) a *Canadian* and American term for a French Canadian, which, inside *Canada*, it still means; **Dogun.** A Roman Catholic: *Canadian*: late C. 19 - 20; **Heinie.** The *Canadian* (and later the U.S.) soldiers' name for 'Fritz'...: 1914 - 18.

Субстандартные антропонимы австралийского ареала: **Barney.** The invariable *Australian nickname* (C. 20) of men named Allen; **Ned.** The inevitable nickname, from the 1890's, of *Australian* men surnamed Kelly; **Phar Lap.** A derisive *Australian nickname* (from 1933) for a person slow in his movements; **Pongo.** An *Australian infantryman*: *Australians*?: from 1915.

Субстандартные антропонимы новозеландского ареала: **Benedict.** Any married man...: mid-C. 19 - 20. In *New Zealand*; **John Hop.** A policeman: *New Zealanders*?: C. 20; ob. Rhyming on *Cop.*; **Pisser.** A girl: low, esp. among *New Zealanders*: C. 20.

Субстандартные антропонимы индийского ареала: **Guzzle-Pawnee.** The inevitable

military nickname (—1935), on Egyptian or *Indian* service, of men surnamed Drinkwater. A Pun on *Hindustani pawnee*, water; **Haramzeda**. A scoundrel; very gen. as term of abuse: Anglo-Indian (—1864); **Jack-Sepoy**. A native soldier: *Anglo-Indian* coll.: ca. 1840 - 70 (Partridge 1979).

Субстандартные антропонимы южно-африканского ареала: **General Bother**. Botha, the *Boer* general: from late 1899; **Cradock brick**. A man of the Cradock district and town: *South African nickname*: (—1871); **Oom Paul**. Paul Kruger (1825 - 1904) when President of *South African Republic*. Lit., Uncle Paul.

Локальная вариативность английских субстандартных антропонимов

Субстандартные антропонимы в локализованном социолекте лондонского кокни: **'Awkins**. A severe man; one not to be trifled with: *Cockney*: ca. 1880 - 1900; **Dutch cheese**. A bald-headed person: low *Cockney*: 1882 - ca. 1915; **'Erb**. A wag: *Cockney*: C. 20 (Partridge 1979).

Субстандартные антропонимы в локальном лекте Лондона: **Banbury**. A loose woman: low *London*: 1894; **Billy born drunk**. A drunkard beyond the memory of his neighbours...: low *London*: 1895; **Button-Maker, the**. King George III: *London nickname*: ca. 1765 - 1800; **Johnny Wono**. An Englishman: *East End of London*: from ca. 1850.

Субстандартные антропонимы в других локальных и региолектах Великобритании: 1) в локальных различных городов: **Dickey Sam**. A native... of *Liverpool*: from ca. 1860; **Jessie**. An effeminate man: *Glasgow*: (—1934); **Pumpkin**. A man or woman of *Boston*: late C. 18 - early 19; 2) в территориальных диалектах различных графств и территорий: **Captain Bats**. George Ransley, notable *Kentish* smuggler of the 1820's: ca. 1820 - 40; **Hampshire hog**. A native of *Hampshire*: C. 17 - 20; **Norfolk turkey**. An inhabitant, esp. a native, of *Norfolk*: coll.: C. 19 - 20; **Geordie**. Any Northumbrian: *North Country* coll.: from ca. 1760; 3) в различных этнорегиолектах: **Bubbly Jock**. A turky cook. Orig. (—1785) *Scottish*; **Derry-Down Triangle**. An *Irish* nickname for Castlereagh..., who, during the troubles of 1796 - 98, caused Irish backs to be 'tickled at the halberts': ca. 1800 - 30; **Mullingar heifer**. A thick-ankled girl: *Anglo-Irish*: from ca. 1860; **Orange Peel**. Sir Robert Peel (1788 - 1850) when Chief Secretary for *Ireland* (Partridge 1979).

Субстандартные антропонимы в англоязычных геолектах различных стран:

1) **Франции: Bengal light**. An Indian soldier in *France*: military: 1915 - 18; 2) **Турции: Jacko**. A Turk, esp. a Turkish soldier: military (*Gallipoli and Palestine forces*): 1915 - 18; 3) **Египта: Ketir Mug**. The inevitable nickname, on *Egyptian* service (—1935), of men surnamed *Braines* or *Brayne*. Ex Arabic for 'big' + *mug*, face; 4) **Индии: Ramasammy**. A Hindu: Southern India. An Indian coolie in Ceylon: Ceylon. This coll. (—1886) is a corruption of *Ramaswami*, a frequent Hindu surname in Southern India.

Историческая вариативность английских субстандартных антропонимов

Историческая вариативность английских субстандартных антропонимов прослеживается по словарю Э. Партриджа в терминах столетий и их частей, о чем свидетельствуют конкретные пометы, охватывающие временной период от XIII до XX в. Покажем это на примерах, расположив их хронологически по первой дате.

Субстандартные антропонимы XIII - XV вв.: **Crouch-Back**. Edmund, Earl of Lancaster (C. 13); **Earl Beardie**. Alexander Lindsay, 4th Earl of Crawford (d. 1454), a great fighter; Rome-runner. A person, esp. a cleric, constantly running off to Rome in search of spiritual and monetary profit: coll.: *mid-C. 14 - 15*.

Субстандартные антропонимы XVI - XX вв.: **Sister of the Charterhouse**. A great talker: C. 16; **George**. A noble: *late C. 16 - 17*; **Jack-a-Lent**. A dwarf, a puppet: *late C. 16 - 18*; **John Thomson's man**. A uxorious husband: Scots coll.: C. 16 - 19; **Dick**. A man; lad, fellow: *Late C. 16 - 20*; **Jack Sprat**. An undersized man: *mid-C. 16 - 20*.

Субстандартные антропонимы XVII - XX вв.: **Dollymor**. A mistress: C. 17 - *early 19*; **Hornsey, Knight of**. A cuckold: *mid-C. 17 - early 19* punning coll.; **Cambridgeshire camel**. A native of, one long resident in, Cambridgeshire: *mid-C. 17 - mid-19*; **Flanderkin**. *Late C. 17 - 18* coll. for a very large fat man; **Captain Sharp**. An arrant cheat; a huffling, sneaking, cowardly bully: *late C. 17 - early 19*; **Froglander**. A Dutchman: *late C. 17 - 19*; **Mounseer**. A Frenchman: *mid-C. 17 - 20*.

Субстандартные антропонимы XVIII - XX вв.: **Puritan**. A whore: C. 18; **Captain Grand**. A haughty, blustering man: C. 18 - 19; coll.; **Billy Blue**. Admiral Cornwallis (1774 - 1819): naval nickname: *late C. 18 - early 19*; **Boniface**. The landlord of an inn or a country tavern: C. 18 - 20; **Covent Garden nun**. A harlot: *mid-C. 18 - early 19*; **Garden goddess**. A harlot: C. 19.

Субстандартные антропонимы XIX - XX вв.: **Cupid.** A harlot's bully-lover: *C. 19 - 20*; **Happy.** The inevitable nickname of anyone surnamed Day: *late C. 19 - 20*; naval and military; **Jigger.** An inevitable nickname of men surnamed Lees: naval and military: *late C. 19 - 20*; **Knocker.** An inevitable nickname of men surnamed Walker or White: naval and military: *late C. 19 - 20*.

Субстандартные антропонимы XX в.: **Acid Drop, the.** Mr. Justice Avory: legal nickname: *C. 20*; **Bronco.** The inevitable nickname of men surnamed Rider (Ryder): military: *C. 20*; **Edna.** The inevitable nickname of men surnamed May: military (and naval): *C. 20*; **Mouchy.** The inevitable nickname of men surnamed Reeves: mostly military: *C. 20*.

Темпоральная вариативность английских субстандартных антропонимов

Темпоральная вариативность английских субстандартных антропонимов прослеживается также по словарю Э. Партриджа в терминах конкретных десятилетий, отдельных лет или дат в рамках столетий. Покажем это хронологически по первой дате.

Субстандартные антропонимы различных десятилетий XIII - XV вв.: **Long Shanks.** Edward I (d. 1307).

Субстандартные антропонимы различных десятилетий XVI - XVIII вв.: **Jack out of the office.** A discharged official: derisive coll.: ca. 1540 - 1790; **Jack on both sides.** A neutral: coll.: ca. 1550 - 1880; **Jack Sauce.** An impudent fellow: coll.: ca. 1560 - 1750; **Davy Debt.** A bailiff: coll.: ca. 1570 - 90; **Hans.** A Dutchman; a German: coll.: from ca 1570; **Jack stickler.** A busybody: coll.: ca. 1570 - 1690; **Blue Cap.** A Scotsman: ca. 1590 - 1800.

Субстандартные антропонимы различных десятилетий XVII - XIX вв.: **Dutch widow.** A harlot: coll.: ca. 1600 - 1750; **Captain Hackum.** A fighting, blustering bully. Ca. 1600 - 1850; **Jack at a pinch.** A person employed in an emergency; esp. a stop-gap clergyman: coll.: from ca. 1620; **Jack-a-dandy.** A little fop: coll.: ca. 1630 - 1920; **Crispin.** A shoemaker: from ca. 1640; **Hogen-Mogen.** A Dutchman: ca. 1670 - 1700; **Bog-Trotter.** A wild Irishman: coll.: from ca. 1680; **Bog-Lander.** An Irishman: coll.: from ca. 1690.

Субстандартные антропонимы различных десятилетий XVIII - XIX вв.: **Athanasian wench.** A forward girl, ready to oblige every man that shall ask her. Ca. 1700 - 1830; **Bobbing John.** The Earl of Mar: a nickname: 1715; **Jack whore.** A large masculine overgrown wench: ca. 1760 - 1860; **Black Dick.**

Admiral Howe (1726 - 99): naval: ca. 1770 - 1820; **Jack of legs.** An unusually tall man: coll.: ca. 1770 - 1890; **Old Robin.** An experienced person: coll.: ca 1780 - 1830; **Jack Tar.** A sailor: 1781; **Carmagnole.** A French soldier: ca. 1790 - 1800.

Субстандартные антропонимы различных десятилетий XIX - XX вв.: **Boney.** Bonaparte: ca. 1800 - 21; **Johnny Raw.** A novice; a recruit: coll.: 1813; **Our Billy.** Duke of Clarence, son of George IV: ca. 1820 - 40; **Day and Martin.** A negro: ca. 1840 - 1910; **Caleb Quotem.** A parish clerk; jack of all trades. Coll., ca. 1860 - 80; **Froggie.** A Frenchman: from ca. 1870; **Bathing Towel.** Lord (earlier, General) Baden-Powell: from ca. 1875; **Hampstead Heath sailor.** A landlubber: ca. 1875 - 1905; **Dutch clock.** A wife: by 1900.

Субстандартные антропонимы различных дат и десятилетий XX в.: **Flamingo.** An inhabitant of Flanders: from ca. 1910; **Fritz.** A German soldier: 1914+; **Gerry.** A German soldier: late 1914+.

Социально-профессиональная вариативность английских субстандартных антропонимов

Субстандартные антропонимы в военном социолекте: 1) сухопутных войск: **Bunkey Boo.** General Sir J.M.S. Bunker: *military*: *C. 20*; **Chippy.** The inevitable nickname of a man surnamed Carpenter: *military*: late *C. 19 - 20*; 2) военно-морских сил: **Bodger.** The inevitable nickname of all men surnamed Lees: late *C. 19 - 20*; **Chalky.** A frequent nickname of men surnamed White: *naval*: late *C. 19 - 20*; 3) военно-воздушных сил: **God-botherer.** A parson: *Royal Air Force's*: from ca. 1920; **Godpesterer.** A bishop: *Royal Air Force's*: from ca. 1920.

Субстандартные антропонимы в морском социолекте: **Buck.** A nickname for all men surnamed Taylor: orig. *nautical*: late *C. 19 - 20*; **Jack Nasty-Face.** A common sailor: *nautical*: late *C. 18 - early 19*; **Jemmy Ducks.** The ship's poulterer: *nautical*: ca. 1860 - 1905.

Субстандартные антропонимы в социолекте профессионального спорта: 1) конного спорта: **Captain Armstrong.** A dishonest jockey: from ca. 1860. *Turf*; 2) крикета: **Croucher, the.** Jessop, the mighty hitter: *cricketers' nickname*: from ca. 1895; 3) бокса: **Fighting Jarvey.** Bill Wood: *pugilistic*: ca. 1810 - 30; 4) регби: **Obo.** Prince Obolensky, the speedy Oxford and England *Rugby* wing three-quarter: *sporting*: from Dec., 1935.

Субстандартные антропонимы в театральном социолекте: **Columbine.** A har-

lot: *theatrical*: from ca. 1845; **Lotties and Totties**. Harlots: orig. (—1885) and mainly *theatrical*; **Mary Ann**. A sodomite: from ca. 1890. Hence, an effeminate actor: *theatrical*: late C. 19 - 20.

Субстандартные антропонимы в журналистском социолекте: **G.G. George** Grossmith: *journalists' nickname*; **Houri of Fleet Street**. A harlot: orig. (ca. 1880) *journalistic*.

Субстандартные антропонимы в коммерческом социолекте: **Eilez Mavourneen**. A non-paying debtor: *commercial* (—1909).

Субстандартные антропонимы в банковском социолекте: **Old Tay Bridge**. A middle-aged lady bank-clerk: bank-clerks' nickname: from ca. 1890.

Субстандартные антропонимы в судебно-адвокатском социолекте: **Pontius Pilate counsellor**. A briefless barrister: *legal*: from ca. 1780.

Социально-корпоративная вариативность английских субстандартных антропонимов

Субстандартные антропонимы в локализованном (лондонском) социолекте высшего света Бр. (помета *Society*): **Bobs**. Lord (General) Roberts: *Society* (1900); **Dismember of Great Britain**. The last political nickname given to Gladstone. *Society*: 1886 - early 87; **Gander**. A fop: London (mostly in *Society*): ca. 1815 - 40; **Lady Jane**. A stout, handsome, cheery woman: *Society*: 1882 - ca. 1915; **Perseus**. An editor: *Society*: 1883.

Субстандартные антропонимы в социолекте низших слоев общества (пометы: *lower classes*, *proletarian*, *workers*): **Christ-Killer**. A Jew: *proletarian*: ca. 1850 - 1915; **Clever Dick**. A smart fellow: *lower classes*' coll. (—1923); **Jobanjeremiah**. A maunderer: *lower classes*' (—1909); **John Fortnight**. The tallyman: London *workers*': late C. 19 - 20.

Субстандартные антропонимы в молодежном социолекте студентов и школьников (локализованном по конкретным университетам и школам): 1) в школьном социолекте: **Buck Brummel**. The beau: *Eton nickname*; **Dr. Jerk**. A flogging *schoolmaster*: coll.: ca. 1740 - 1830; **Norfolk boy, the**. Porson's nickname at *Eton*; **Paul's Pigeon**. A pupil at *St. Paul's School*, London: ca. 1550 - 1750; 2) в университетском социолекте: а) в социолекте Кембриджского университета: **Hell-Fire Dick**. The driver of the Cambridge

Telegraph (coach) and a favourite companion of the University fashionables: *Cambridge University nickname* (—1811); б) в социолекте Оксфордского университета **Pragger-Wagger**. The Prince of Wales: *Oxford undergraduates*': from ca. 1913; **Quagger**. A student at the Queen's College: *Oxford undergraduates*': from late 1890's.

Субстандартные антропонимы в парламентском социолекте: **Father of the House**. The oldest-elected member of the House of Commons: from ca. 1850; *Parliamentary s.*

Социально-стратификационная вариативность английских субстандартных антропонимов

Субстандартные антропонимы-низкие коллоквиализмы: 1) помета *coll.* = *colloquialism*: **Cheshire cat**. An inhabitant of Cheshire: *coll.* nickname (—1884); **Dan**. The inevitable nickname of anyone surnamed Coles: *coll.*: late C. 19 - 20; 2) помета *low*: **Hopping Jesus**. A lame person: *low*: from ca. 1860; **Johnny Cra-pose**. Frenchman: *low*: C. 19 - early 20; 3) помета *low coll.*: **Frog-Eater**. A Frenchman: *low coll.*: from ca. 1860; **Lord Muck**. A person unjustifiably important: *low coll.*: from the 1890's.

Субстандартные антропонимы-общие сленгизмы (пометы: *s.* = *slang*): **Hopping Giles**. A cripple: *s.* (—1785); **Jack's delight**. A sea-port harlot: sea-port *s.* > *coll.*: from ca. 1840.

Субстандартные антропонимы-арго-тизмы / кэнтизмы (пометы: *c.* = *cant*): **Ikey Mo**. A Jew, esp. a Jewish receiver of stolen goods: *c.* (—1864); **Jack Ketch**. A hangman, an executioner: *c.*; **Jack the Jew**. A Jewish thief or 'fence' of the lowest order: *c.* of ca. 1820 - 60.

Субстандартные антропонимы-вульгаризмы: **Open Arse**. A harlot: C. 17-mid-18; **Prick-louse**. A tailor: *coll.*: C. 16 - 20; **Piss-pot**. A nickname for a medical man: *coll.*: late C. 16 - 17; **Piss-maker**. A great drinker: *low coll.*: late C. 18 - 19; **Vinegar-pisser**. A niggard; miser: *coll.*: C. 18.

Примечания

¹ См. об этом: Коровушкин В.П. Основы контрастивной социолектологии: Монография: В 2 ч. - Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005.

² См.: Partridge E. A Dictionary of Slang and Unconventional English. In two volumes. - London and Henley: Routledge & Kegan Paul, 1979.

ЭТАПЫ БИЛИНГВАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

Периоды двуязычного развития детей выявляют на основании разных критериев. Наибольший интерес представляют лингвистические показатели, которые были предложены Р. Брауном для характеристики этапов развития одноязычных детей¹. За основу он брал среднюю длину высказывания (СДВ) (Mean Length of Utterance - MLU) в морфемах, выделяя этапы одноморфемных, двуморфемных и т.д. высказываний, а также давая другие грамматические характеристики.

На первом этапе (до 1; 6², т.е. до полутора лет) в высказываниях присутствуют только содержательные морфемы (слова)³, а СДВ = 1,75; на втором (1; 6 - 2; 0) – две или три содержательные морфемы, а СДВ = 2,25; на третьем (2; 0 - 2; 6) появляются системные морфемы (грамматические средства выражения отрицания, вопросительности, императивности и т.п.), а СДВ = 2,75; на четвертом (2; 6 - 3; 0) наряду с главными членами предложения присутствует несколько второстепенных, а СДВ = 3,50; на пятом (3; 0 - 3; 6) два простых предложения соединяются сочинительной связью, появляются разделительные вопросы, а СДВ = 4,0.

Другая периодизация предложена Д. Кристалом⁴. По возрастным показателям пять выделенных им этапов совпадают с теми, которые предложены Р. Брауном, но он добавляет еще и шестой. Главным критерием для Д. Кристала служит сформированность грамматической системы, наблюдаемой в высказываниях ребенка. Эта классификация дополняет классификацию, предложенную Р. Брауном, и очень полезна при изучении компетенции двуязычных детей на каждом языке, а также для анализа их смешанных высказываний.

На основании критерия средней длины высказывания в морфемах измеряется уровень синтаксической компетенции ребенка, но прежде всего – степень развернутости кодируемой в высказывании информации. Помимо развернутости предикативной единицы необходимо учитывать степень разнообразия и семантическую сложность используемых ребенком синтаксисом, поскольку в их выборе «как ни в чем другом отражается и когнитив-

ный уровень ребенка, и его собственно языковое мастерство»⁵.

Ряд наблюдений за одновременным усвоением двух языков свидетельствует о том, что последовательность усвоения основных языковых категорий двуязычными и одноязычными детьми во многом совпадает⁶. Степень совпадения зависит от характера сбалансированности билингвизма: при сбалансированном билингвизме наблюдается максимальное сходство в последовательности овладения языковыми категориями. При несбалансированном билингвизме совпадение наблюдается лишь в доминантном языке. Последовательность усвоения основных категорий в недоминантном языке, совпадая в целом, может в разной степени отличаться системностью и возрастными показателями (более поздним усвоением каких-либо явлений или их дефицитом).

Ранний этап развития билингвальности детей (соответствует первому этапу по классификации Р. Брауна), когда ребенок использует лишь готовые формы (голофразы), не дает возможности проследить различия в усвоении категорий двух языков, поэтому его называют *изоморфным*⁷. Даже на этапе двусловных высказываний билингвального ребенка рано говорить об усвоении им морфологических категорий в обоих языках. Появляющиеся в этот период словоформы с системными морфемами (флексиями) являются «голыми» формами (bare forms), так как ребенок еще не вычленил эти морфемы и не усвоил соответствующих категорий.

Однако уже во второй половине второго года жизни ребенка (второй этап по Р. Брауну) начинают наблюдаться особенности дифференцированного употребления двух языков на всех уровнях, поэтому этот этап называют *алломорфным*⁸.

Выделение изоморфного и алломорфного этапов не опровергает теории отдельного усвоения двух языков ребенком, а лишь указывает на равномерность и специфичность в речевом развитии билингвов. Изоморфный этап характеризуется отсутствием системности в выражении грамматических категорий. Период алломорфного развития билингвизма

делится на ряд этапов, которые были указаны выше.

Анализируя компетенцию своих детей, когда они рассказывали сказки на немецком и английском языках в 5; 0, Дж. Сондерс выявлял такие параметры: количество слов (исключались повторы и заполнители пауз) в рассказе, количество слов в минуту, количество ошибок на каждые 100 слов, количество пауз на каждые 100 слов, длительность рассказа. Все показатели указывали на достаточно высокую компетенцию в обоих языках, но в английском языке они были выше и не уступали показателям одноязычных английских детей. Анализ рассказов старшего сына Томаса в 11; 0 и 13; 0 на каждом из двух языков показал, что его умения в немецком немного уступают умениям в английском языке, а количество ошибок незначительно (4,7 и 4,2 % от общего количества слов, соответственно)⁹.

Дополнительным показателем речевого развития детей-билингвов является возраст дифференциации языков, его совпадение с тем или иным этапом, проходимым одноязычными детьми. У сбалансированных билингвов дифференциация приходится на окончание второго этапа, поэтому показатели речевого развития, характерные для третьего этапа, могут наблюдаться раньше, чем у одноязычных детей и несбалансированных билингвов. Практика показывает, что чем раньше и активнее проходит дифференциация языковых систем, тем интенсивнее проявляются все особенности, характерные для каждого этапа речевого развития в усвоении каждого из двух языков ребенком-билингвом.

Еще одним показателем речевого развития ребенка-билингва является его способность к спонтанному переводу. Она появляется на первом этапе его речевого развития в виде переключений-дублирований и протекает параллельно развитию речи на двух языках, но коррелирует с такими показателями дифференциации языков, как количество межязыковых функциональных эквивалентов (МФЭ), сбалансированность развития грамматик каждого из языков и способность к кодовым переключениям с ориентацией на адресата сообщения.

Показателем билингвального развития на разных возрастных этапах может также служить частотность кодовых переключений и особенности их соответствия моделям, особенно рамочной модели матричного языка¹⁰. У двуязычных детей слова разных языков

соединяются в одном высказывании практически на каждом этапе.

Для билингвального ребенка важны не только этапы становления, но и дальнейшие этапы развития билингвизма. Обычно отмечается, что при смене ситуации на монолингвальную или при потере мотивации использовать Я₁ или Я₂ наблюдается постепенная утрата билингвальности.

Исследуя на протяжении длительного времени характер билингвальности у большой группы итало-английских детей-билингвов, М. Козн выяснила, что 87 % детей через 4 года после смены билингвальной ситуации уже не чувствовали себя двуязычными, хотя внешне это не выглядело столь явно, поскольку их родители говорили только о снижении уровня владения Я₂. У детей повысился уровень интерференции со стороны Я₁, усилился акцент в Я₂¹¹.

Одной из характеристик этапа утраты билингвальности считают также специфику кодовых переключений. Выделяя два основных типа – парадигматический (вызывается лексико-семантическими лакунами в одном из языков) и синтагматический (вызывается неспособностью построить словосочетание), Ли Вей считает появление синтагматических кодовых переключений первым признаком ослабления компетенции в Я₁ у тех детей, которые постепенно забывают свой родной язык в условиях новой страны¹².

Этапы убывания билингвальности характеризуются постепенной утратой усвоенного языкового материала на недоминантном языке (Я₂). Путь ребенка в Я₂ и постепенный выход из него имеет много индивидуальных особенностей. Эти отличия определяют и этапы убывания билингвальности.

У ребенка, который с самого рождения усваивает оба языка и активно использует каждый из них в коммуникации, убывание билингвальности до 6 - 8 лет очень незначительно. Изменяются лишь темпоральные характеристики этого общения, поскольку ребенок намного больше времени разговаривает на языке общества с тех пор, как начинает ходить в детский сад и в школу, где обучение ведется на одном языке. Убывание билингвальности в этом случае идет медленными темпами и может в дальнейшем остановиться, если ряд предметов в школе преподается на втором языке ребенка.

При уменьшении объема общения ребенка на Я₂ и проявлении негативного отношения к этому языку убывание билингвальности идет более быстрыми темпами. Об этом, в частно-

сти, можно судить по рассказам и сказкам, которые ребенок обычно рассказывал родителям на каждом из языков. На Я₂ они становятся менее разнообразными в лексическом аспекте, появляется больше грамматических ошибок, сокращается их объем. Ребенок начинает испытывать больше затруднений в выражении своих мыслей и чувств средствами только этого языка.

Если билингвизм ребенка развивается в еще менее благоприятных условиях (при недостаточном объеме инпута на Я₂, непоследовательном применении принципов билингвального воспитания и т.д.), признаки его убывания можно заметить уже в 3; 0 - 3; 6. Это означает, что он не прошел всех этапов усвоения Я₂, которые отмечались у других детей, и не усвоил основных правил грамматики. У ребенка может сохраниться лишь пассивный билингвизм: он понимает то, что ему говорят на Я₂, но отвечает на Я₁. Восстановление билингвальности возможно и в этом случае, однако потребует гораздо больших усилий со стороны родителей и дополнительного обучения. В случаях такого развития билингвизма дифференциация языков проявляется противоречиво: с одной стороны, она оказывает положительное влияние на развитие метакоммуникативных способностей ребенка, а с другой – разграничивает два языка по степени необходимости для коммуникации. Я₂ почти полностью вытесняется основным языком ребенка из его общения и может остаться лишь на уровне пассивного владения.

В диалогическом общении убывание билингвальности характеризуется тем, что сначала уменьшается удельный вес иницирующих высказываний, а затем и реагирующих реплик ребенка на Я₂. Одновременно с этим уменьшается разнообразие речевых актов на недоминантном языке, из которых дольше всего сохраняются стереотипно оформленные императивы.

На разных этапах речевого развития двуязычного ребенка качественно отличаются и его ошибки. В отличие от взрослых, изучающих иностранный язык как второй, на ранних этапах детям больше свойственны ошибки развития (*developmental errors*). Ошибочный выбор языковых форм объясняется недостаточной компетенцией в языке вообще, а не в каком-то одном из языков, на котором общается ребенок. Кроме того, два одновременно усваиваемых языка находятся в гораздо более тесном взаимодействии, чем у взрослых, которые, как правило, всегда осознают, на каком языке они разговаривают.

Результаты исследования того, как дети с разными Я₁ (испанским, норвежским, японским) овладевают одним и тем же Я₂ (английским), свидетельствуют о совпадении этапов языкового развития, типов ошибок и других принципиальных тенденций с тем, как это происходит при усвоении английского языка в качестве Я₁, и вне зависимости от характера первого языка обучаемых, что заставляет предположить наличие определенных универсальных механизмов овладения языком¹³.

При изучении билингвального развития применяют динамическую модель двуязычия (*the Dynamic Model of Multilingualism*), разработанную Ф. Хердиной и У. Джесснер¹⁴. Эта психолингвистическая модель устанавливает неизменность общей лингвистической компетенции билингва даже при ослаблении знаний одного из языков. Согласно этой модели, все языковые системы билингва динамически изменяются в зависимости от внешних условий и индивидуальности говорящего. Отсутствие общения на одном из языков может деактивировать одну из систем, но установившееся взаимодействие с другими не позволяет этому процессу полностью вывести ее из компетенции билингва.

На этапе убывающей билингвальности были отмечены ошибки, которые М.Ф. Гарретт относит к взаимозаменам системных морфем и называет «ошибками нефонологического сдвига», так как передвигаются в пределах предложения или словосочетания только функциональные слова и флексии, например вместо *What that add_s up to...* произнесено: *What that add up_s to...*¹⁵

Ошибки подобного рода отмечены у билингвального ребенка в возрасте 11 лет:

1) *Daddy is getting* вместо *Daddy is getting up*.

2) В ответ на: *Finish up washing*. - *I'm finishing up!*

Видимо, ребенок, который специально не занимается английским языком (в школе учит немецкий), считает фразовые глаголы единым словом, где послелог является чем-то вроде суффикса.

Методический вывод, который следует из анализа этапов развития и убывания билингвальности детей, заключается в том, что по мере взросления детей и увеличения общего объема их коммуникации необходимо постоянно увеличивать и объем их общения на Я₂. Общения на «слабом» языке только с одним из родителей становится недостаточно. Ранняя дифференциация языков ребенком требу-

ет активизации этих усилий для того, чтобы один из языков не перешел в разряд «коммуникативно ненужных».

Достичь сбалансированного билингвизма после его утраты очень трудно, если для его восстановления не приложить больших усилий. Идеальным было бы обучение в билингвальной школе со сбалансированным объемом учебного времени, отведенного для каждого языка, однако в настоящее время таких школ для детей-билингвов в нашей стране пока нет.

Таким образом, при формировании раннего детского билингвизма, когда два языка усваиваются ребенком одновременно или почти одновременно, очень важно учитывать специфику усвоения и утраты языковых явлений на каждом этапе речевого развития ребенка для того, чтобы в течение более длительного времени сохранять сбалансированность его билингвизма.

Примечания

¹ См.: *Brown R.* A first language: the early stages. - Cambridge, MA: Harvard University Press, 1973.

² Цифры указывают на возраст ребенка следующим образом: первая цифра - количество лет, вторая - количество месяцев.

³ Измерение детских высказываний в морфемах удобно, так как при этом учитываются и их типы - содержательные и системные. В тех случаях, когда границы морфемы и слова совпадают, мы используем оба термина.

⁴ См.: *Crystal D.* Child language: Learning and linguistics. - London: Arnold, 1976; *Crystal D., Fletcher P. & Garmon M.* The grammatical analysis of language disability: A procedure for Assessment and Remediation. - London: Arnold, 1976.

⁵ *Цейтлин С.Н.* Синтаксическое развитие ребенка раннего возраста (некоторые проблемы и подходы) // Проблемы детской речи-1999. - СПб., 1999. - С. 191.

⁶ См. об этом: *Имедадзе Н.В.* Экспериментально-психологическое исследование овладения и владения вторым языком. - Тбилиси: Мецниереба, 1979; *Натальин В.П., Натальина С.А.* Изоморфное и алломорфное в раннем детском двуязычии // Билингвизм и диглоссия. - М., 1989. - С. 34 - 35.

⁷ См.: *Натальин В.П., Натальина С.А.* Изоморфное и алломорфное в раннем детском двуязычии // Билингвизм и диглоссия. - М., 1989. - С. 34 - 35.

⁸ См.: Там же.

⁹ См.: *Saunders G.* Bilingual children: From birth to teens. - Clevedon: Multilingual Matters, 1988. - P. 151 - 152.

¹⁰ См.: *O'Brien de Ramirez K.* Developmental processes in bilingualism as reflected in the code-switching strategies of young language learners // VIIIth International Congress for the study of Child Language / Abstracts. - San Sebastian, 1999. - P. 162.

¹¹ См.: *Cohen M.* Bilingual by chance or by choice: Language maintenance and loss in simultaneous and successive bilinguals // Proceedings of the 5th International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics. - Porto, 1999. - P. 555 - 560.

¹² См.: *Wei L.* Syntagmatic code-switching as the first sign of language attrition: Examples of two Mandarin-speaking children in Britain // VIIIth International Congress for the study of Child Language / Abstracts. - San Sebastian, 1999. - P. 228 - 229.

¹³ См.: *Залевская А.А.* Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. - Тверь: ТГУ, 1996. - С. 11; *Hamers J. F. & Blanc M. H.A.* Bilinguality and bilingualism / transl. From French. - Cambridge: C.U.P., 1989; *McLaughlin B.* Second language acquisition in childhood. - Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1984.

¹⁴ См.: *Herdina P. & Jęßner U.* The dynamic model of multilingualism. - Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1997; *Jęßner U.* Towards a dynamic view of multilingualism // M. Pütz (ed.), Language Choices: Conditions, Constraints and Consequences. - Amsterdam / Philadelphia, 1997. - P. 17 - 30.

¹⁵ См.: *Garrett M.F.* Process in sentence production // F. Newmeyer (ed.). The Cambridge Linguistics Survey. - Cambridge, 1988. - P. 77.

УДК 811.161.1

Н.А. Волкова
Череповецкий государственный университет

КУРСКИЕ ГОВОРЫ: ОТ ИСТОРИИ К СОВРЕМЕННОСТИ

Для диалектологии как науки исторической важно воссоздание истории русского языка в его региональных разновидностях на всем протяжении его существования. Для решения этой проблемы необходимо изучение истории возникновения и развития разных диалектов. При наличии территориально

прикрепленных письменных памятников соответствующей эпохи путём внутренней реконструкции можно вскрыть исторические напластования и восстановить прошлое состояние тех или иных диалектов, установить пути развития их системы. Следует отметить уже имеющийся в лингвистике опыт фунда-

ментальных диалектологических исследований южнорусского наречия¹.

Судьба диалектов различна. Одни говоры могут сохранять присущие им исторически архаические особенности. Это чаще всего происходит, когда диалекты в определённой степени изолированы от сходных с ними говоров и локально лишены тесной связи с городской культурой и литературным языком (западная, юго-западная и восточная историко-культурные зоны Курской области). Другие претерпевают изменения: в них устраняются наиболее яркие, маркирующие признаки старого диалекта, особенности, которые образуют отклонения от норм литературного языка в наибольшей степени. Сохраняются лишь те, которые для носителей диалекта не являются «непрестижными», не осознаются как контрастирующие с литературной нормой русского языка. Эти говоры в большей степени подвергаются модернизации, что обусловлено близостью к городской культуре, интенсивному, хотя и опосредованному, влиянию литературного языка. Это центральная и южная историко-культурные зоны Курской области. Значительная часть курско-орловских говоров сохранила исконные южнорусские специфические особенности в наибольшей мере. По словам О.Н. Трубочёва, это наиболее древний «первичный» южновеликорусский диалект, своего рода инновационный центр восточнославянского ареала².

Диалектная специфика курских говоров начинает подвергаться нивелировке под влиянием общенародного типа русского языка лишь в поздний национальный период. Этим объясняется то, что в настоящее время мы можем фиксировать в них достаточно устойчивые диалектные явления.

Характерной особенностью современных русских говоров является тот факт, что в них проявляются черты других диалектных систем или литературного языка. Следуя этой тенденции, развиваются современные южнорусские, в том числе курские, говоры. Некоторые юго-западные и западные говоры Курской области в этом отношении обнаруживают генетическую близость с восточно-белорусскими говорами³. В результате длительного совместного сосуществования, постоянного взаимодействия говоров друг с другом, взаимовлияния и смешения некоторых региональных особенностей сформировался массив говоров, который характеризуется в целом общностью фонетической и грамматической систем, а также общностью словарного состава. Сложность формирова-

ния этноса, населяющего Курскую область, обусловила такой диалектный ландшафт, при котором генетически разные говоры находятся в определённых, сложившихся в течение многих столетий взаимоотношениях. Но при этом следует отметить, что курские говоры, сформировавшиеся на исконно русской материнской основе, имеют слабо выраженную внутреннюю дифференциацию⁴.

Территориальные диалекты Курского региона, как и все русские диалекты, в течение XX века значительно изменились. Новые экономические отношения в стране и на селе, в частности, не могли не привести к тому, что в результате активного воздействия экстралингвистических факторов на традиционные русские народные говоры последние претерпели значительные изменения. Это касается даже фонетической системы, которая, как известно, является наиболее консервативной в языке. Лишь в речи представителей старшего поколения можно найти последовательно употребляемые архаически диалектные проявления. «Учитывая наличие лингвистического времени, - пишет К.В. Горшкова, - мы имеем основание утверждать, что, живя в одно и то же астрономическое время (начало XXI в.), носители разных русских диалектов оказываются в разном лингвистическом времени, т.е. с точки зрения их диалектного языка они живут в разное время»⁵.

Длительные наблюдения над курскими говорами, записи диалектной речи на магнитофон, фиксация по возможности всех фактов звучащей речи информантов, привлечение установленных фактов исторической фонетики и диалектологии дали необходимый исходный материал, который позволил установить звуковой состав с элементами фонологической интерпретации, а также функционирование фонем в говорах Курского региона. В процессе исторического развития русского языка фонемы <Ѣ> и <Ѡ> в большинстве курских говоров деактуализировались как самостоятельные языковые единицы, что нашло отражение в письменных памятниках курского происхождения. В некоторых современных курских говорах фонемы <Ѣ> и <Ѡ> можно квалифицировать как факкультативные. В говорах Курской области можно наблюдать рефлекс древней фонемы <Ѣ>, которые представлены в виде следующих репрезентаций: [‘e’], [ие], [и], [‘еи], [‘а]. При этом обнаруживается тенденция к тер-

риториальной дифференциации этих реализаций: [ие], [и] на месте <ѣ> встречается в западных районах Курщины; [’еи], [’а] – в юго-восточных районах, прилежащих к Белгородской и Воронежской областям. Реликты древней фонемы <ѡ> реализуются в современных курских говорах в следующих звуковых вариантах: [ó], [o’], [yó], прежде всего, в говорах восточных и юго-восточных районов Курской области: Горшеченском, Мантуровском и Солнцевском; в западных говорах Глушковского, Хомутовского, Рьльского районов, в говорах северных районов – Золотухинского и Поньровского. Следует также сказать, что дифтонги [yo] и [ие], репрезентирующие древние гласные фонемы <ѣ> и <ѡ>, в современных курских говорах встречаются в достаточно ограниченном лексическом круге слов, преимущественно при эмфатическом произношении, т.е. в сильной фразовой позиции. «Дифтонгический след» старой фонемы <ѣ> встречается в говорах Курской области шире, чем рефлекс древней фонемы <ѡ>⁶.

Произносительные варианты на месте исконных фонем <ѣ> и <ѡ> в курских говорах можно рассматривать как некие диалектные «орфоэпические» варианты, обусловленные разницей в языковой культуре носителей диалекта. Социальная обусловленность произносительных вариантов указанных фонем не была предметом исследования, но прослушивание большого числа диалектных текстов даёт основания считать дифтонгическое произношение этимологических [ê] и [ô] принадлежностью языка представителей архаического слоя диалекта (текст, записанный в с. Быки Курчатовского района, информант К.Г. Беликова 1910 г.р.). Иногда дифтонги звучат в речи представителей и других возрастных групп, но в условиях особо эмоционального контекста. В курских говорах реально наблюдаются процессы унификации систем безударного вокализма, в частности диссимильативного аканья, а не дальнейшие этапы их структурного развития.

Проанализировав многочисленные примеры из записей живой диалектной речи Курской области, можно констатировать факт повсеместного фонового распространения диссимильативного аканья *жиздринского типа*, который изначально лежал в основе безударного вокализма после твёрдых со-

гласных на этих исконно русских территориях. Сейчас он «размывается» под воздействием литературного языка.

В центральных районах Курской области отмечается стремление диссимильативного аканья к недиссимильативному, что обусловлено относительной близостью к городу и связанным с этим влиянием литературного языка. В восточных районах области, прилежащих к воронежским говорам, также усматривается недиссимильативное аканье.

На основании исследования звучащего диалектного материала со всей очевидностью обнаружилось преимущественно три модели безударного вокализма после мягких согласных в разных говорах Курской области, существующие и функционирующие в нынешний отрезок времени: жиздринская, суджанская модели яканья и иканье.

Диссимильативное яканье, наблюдаемое в говорах Курской области, обнаруживает подчас лишь контуры указанных моделей и отличается отсутствием чётко прослеживаемой зависимости между ударными и безударными гласными, а также последующими твёрдыми и мягкими согласными.

Говоры юго-западной и западной диалектных зон Курской области имеют контуры разрушающегося жиздринского типа диссимильативного яканья. Говоры центральной диалектной зоны Курской области характеризуются иканьем. Говоры южной, северной, восточной диалектных зон и Щигровского района характеризуются типом яканья, близким к суджанскому⁷.

Обоянский тип диссимильативного яканья, с большой чёткостью обозначенный в начале XX в. Л.Л. Васильевым⁸, в современных курских говорах в своём хрестоматийном виде не обнаружился. В современном Обоянском районе Курской области прослеживается суджанский тип диссимильативного яканья.

Сопоставляя данные по предударному вокализму после мягких согласных, можно заметить, что южные, щигровские и восточные говоры Курской области лежат в одном вокалическом пространстве. Современные щигровские говоры ближе к южным и восточным говорам Курского края, в них трудно на современном этапе выделить самостоятельный тип диссимильативного яканья. Надо сказать, что по типу предударного вокализма после мягких согласных разные говоры Курской

области в настоящее время слабо дифференцированы.

Истинное значение южнорусских (в том числе курских) говоров в формировании русского национального языка может выявить лишь всестороннее исследование и сравнение русских говоров и общенародного языка с диалектами от XVI - XVII вв. (эпохи сохранившихся письменных памятников) до наших дней. Некоторые фонетические явления, бесспорно, были унаследованы литературным языком из южнорусских говоров. Система аканья в курских говорах близка литературному аканью, а иканье представляет собой, как думается, относительно новую ступень процесса внутреннего развития южнорусского яканья, которое протекает в курских говорах в направлении отхода от диссимильятивного принципа.

Современная языковая ситуация в России представляет собой сосуществование литературного языка и диалектов, которые для значительной части населения страны являются обычным средством коммуникации. Русские народные говоры не находятся на периферии системы коммуникации и не являются языковыми реликтами... Русские диалекты, как и любой язык, осуществляя духовную преемственность нации, являются феноменом культурного наследия нации, который нуждается в сохранении и дальнейшем изучении⁹.

¹ См.: *Гринкова Н.П.* Воронежские диалекты // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 55. - Л., 1947; *Котков С.И.* Южновеликорусское наречие в XVII столетии (фонетика и морфология). - М., 1963; *Пеньковский А.Б.* Фонетика говоров Западной Брянщины: Дис... канд. филол. наук. - Владимир, 1966; *Руделёв В.Г.* Южнорусские вокалические системы // Опыт исследования южнорусских говоров Тамбовского края. - Тамбов, 1985; *Кудряшова Р.И.* Специфика языковых процессов в диалектах изолированного типа (на материале донских казачьих говоров Волгоградской области). - Волгоград, 1998; *Орлов Л.М.* Русские говоры Волгоградской области. - Волгоград, 1984.

² *Трубачёв О.Н.* Из истории и лингвистической географии восточнославянского освоения // Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII). - М., 2002. - С. 10.

³ См.: *Денисевич Г.В.* К истории образования говоров с украинской основой на курско-белгородской территории // Ученые записки Курского гос. пед. ин-та. Вып. IX. - Курск, 1959. - С. 23.

⁴ См.: *Волкова Н.А., Праведников С.П.* Курские говоры. Ч. 1. - Курск; Бохум, 1999.

⁵ *Горшкова К.В.* О верификации фонетических реконструкций (на материале славянских диалектов) // Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. - М., 2001. - С. 164.

⁶ См.: *Волкова Н.А., Праведников С.П.* Курские говоры. Ч. 2. - Бохум, 2002.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: *Васильев Л.Л.* Гласные в слогe под ударением в момент возникновения аканья в Обоянском говоре. - СПб., 1904.

⁹ См.: *Калнынь Л.Э.* Русские диалекты в современной языковой ситуации и их динамика // Вопросы языкознания. - 1977. - № 3. - С. 124.

Раздел 3

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

УДК 659

А.В. Чернов
Череповецкий государственный университет

ВОСТОК - ЗАПАД: ФОРМИРОВАНИЕ «СЛАВЯНСКОГО ДИСКУРСА» В РОССИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. КАК ПОПЫТКА РАЗРУШЕНИЯ ЛОЖНОЙ ОППОЗИЦИИ

В современном мире проблема порождения смыслов и образов приобретает непосредственно властный статус. Неслучайно сегодня все чаще говорят о том, что национальная геополитика важнейшей своей частью должна иметь геополитику культурную. Как только Россия вновь попробовала позиционировать себя в качестве реального и рационально мыслящего игрока международного пространства, на повестку дня выдвинулись проблемы поиска новых смыслов и новых образов, в которых это позиционирование должно быть оформлено, чтобы быть понятным и принятым как извне, так и внутри страны. Овладение технологиями манипулирования смыслами и образами стало непременным условием присутствия страны или народа в глобальном информационном пространстве, точно так же, как внутри страны государственная власть вынуждена формулировать свои действия и решения во все более усложняющиеся семантические конструкции. Виртуализация политики, а в значительной степени и экономики (например, через все усложняющиеся и становящиеся более многообразными структуры символизации капитала), специфика законов медиакультуры приводят к тому, что доминирующие позиции занимает актер, сам активно порождающий специфические смыслы и образы. Оказывающие непосредственное и прямое воздействие на «объективную» реальность медиа-смыслы фокусируют не только коммуникативные потоки сами по себе, влияют не только на пространство коммуникаций, но и на непосредственно выте-

кающие из них властные решения. Столкновение метафор образует костяк политического дискурса, фактор, кристаллизующий и оформляющий насыщенный раствор социальных ощущений, настроений и мнений. «Железный занавес», «ось зла», «оранжевая революция», «революция роз» и прочие «цветные» революции, «управляемая демократия», «суверенная демократия», «вертикаль власти», «либеральная империя» и т.д. — лишь верхушки метафорических построений, отражающих и выражающих дискурсивные векторы современной политики.

Очевидно, что одной из самых болезненных для сегодняшнего мира тем является тема «другого», проблема обособления, различия, включая как обоснование, так и методики, техники самого процесса, т.е. набор разнообразных, преимущественно именно виртуальных, дискурсивных практик, реализующих через метафорический инструментальный механизмы обретения новой идентичности. Классическим приемом в этом процессе становится превращение субъект-субъектных социальных, политических, международных отношений в субъект-объектные. Поиски и обретение новой идентичности не могут избежать, а точнее, не вынести в центр идеологических полемик проблематику негативной идентификации — превращение «другого» во врага или, в лучшем случае, соперника, по отношению к которым и происходит процесс формирования идентичности собственной с использованием приемов отстройки, генерализации и т.д.

Этот процесс поиска идентичностей (национальных, политических, социальных) в принципе достаточно хорошо известен. В последние годы в России он становится предметом специальных исследований¹. Принципиально новым в современную эпоху оказывается тот тотальный и глобальный характер, который приобретает процесс обретения-изобретения новой политической идентичности в качественно меняющихся условиях информационного общества.

Однако проблема реструктурирования сложившегося дискурса путем создания новой «повестки дня» из нескольких ключевых метафор не может происходить абсолютно произвольно, исключительно в соответствии с интересами инициатора перемен. В вербализации и медиатизации этих перемен он наталкивается на сложившиеся в массовом сознании социальные стереотипы, которые способны если не нивелировать, то в значительной степени ослабить ожидаемые социальные эффекты. Перцептивные механизмы социума демонстрируют высокий уровень семантической инерции, очевидную избирательность, зачастую становящуюся серьезной преградой в процессе трансформационных перемен.

Этот специфический механизм, трудно поддающийся анализу в силу сложности и неоднородности своей природы, также базируется на укоренившихся в массовом сознании в ходе исторического процесса категориях и образах. Последние, допуская определенную изменчивость, сохраняют длительное время свою целостность, отливаясь в своеобразные семантические матрицы, подчиняющиеся и сами из себя образующие культурные коды, которые допускают лишь некоторую свободу интерпретации и стремятся к постоянному самовоспроизводству, демонстрируя все признаки аутопейзной системы². Можно предположить, что, как во всяких самовоспроизводящихся системах, принципиальными здесь являются механизмы само- и ино-референции, определяющие конструктивные особенности, а не изменчивое содержание матричных форм.

Собственно реализующееся во времени и пространстве самовоспроизведение этой системы укоренившихся в национальном сознании критериев, шкал ценностей и может быть названо культурной традицией. Культурная традиция обеспечивает не только относительную стабильность общества, но и легитимность изменений, которые оформляются и предлагаются в соответствии с системой

ожиданий общественного сознания. Без учета этих культурных традиций трудно достичь поддержки новаций, иницируемых, например, государственной властью. Но система социальных намерений и ожиданий, как правило, обладает низким уровнем рациональности. Наиболее адекватным языком ее выражения и описания опять-таки является метафорическая образность. Следовательно, для повышения предсказуемости социальных реакций на вновь провозглашаемые и транслируемые системы смыслов необходим инструментарий актуализации базовых метафор, системных образов, актуализирующих отраженную (точнее – закрепленную) в них культурную традицию. Следовательно, необходимы тщательные разыскания в сфере национальной истории идей. Без них социальные реакции останутся областью энтропийной, а диалог между властью и обществом будет бесконечно воспроизводимым разговором слепого с глухим.

Понимание природы современной системы ценностей социума требует постоянного уточнения смысловых категорий, активно функционирующих в современной культурной парадигме. Это уточнение не только важно само по себе, но и способно увеличить степень прогнозируемости современных «судеб образов и смыслов». Трудно сказать, насколько именно зависит семантическая траектория метафоры в синхронии от ее судьбы в диахронии, но то, что такая зависимость существует, представляется очевидным.

В качестве примера обратимся к одному из ключевых концептов современной политики – «славянскому единству». Для российской политики, российской социальной практики этот концепт никогда не был абстракцией, легкость его актуализации и использования в качестве инструмента идентификации как на общенациональном, так и на бытовом уровне говорит о высокой степени значимости и заставляет вновь и вновь пытаться понять природу закодированного в нем культурной традицией послания.

Попытаемся обратить внимание лишь на один, но представляющийся ключевым аспект данной масштабной проблемы. Для этого, с одной стороны, обратимся к современным интерпретациям истории формирования «европейского» дискурса, с другой – к ситуации формирования «славянского дискурса» в России, а именно к работам А.С. Хомякова – лидера ранних славянофилов, философа, богослова, публициста.

Для характеристики этих процессов наиболее подходит известная концепция «ментальных карт», выдвинутая в исследованиях Э. Саида об ориентализме (1979)³. В авторитетном исследовании американского историка и культуролога Л. Вульфа «Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения»⁴ она реализована в отношении Восточной Европы. Работа посвящена описанию целенаправленного процесса «ментального» разъединения единого континента на Западную и Восточную Европу, сменившего ранее существовавшую внутриевропейскую культурную оппозицию Север - Юг. Начало переориентации оси ментального разделения Л. Вульф связывает с эпохой европейского Просвещения и последовательно прослеживает в сочинениях Вольтера, Руссо и других представителей эпохи посредством анализа разножанровых текстов: реальных и вымышленных путешествий, публицистических и философских трактатов. Отталкиваясь от формулировок Фултоновской речи Черчилля, закрепившей новую конфигурацию раскола Европы, Л. Вульф отмечает: «Этот раскол возник задолго до Черчилля и задолго до начала "холодной войны", но происхождение его вовсе не теряется во мраке веков. Он возник отнюдь не сам по себе, не в силу естественных причин и не случайно, но был продуктом создавшей его культуры, плодом интеллектуальной ловкости, орудием саморекламы и идеологической корысти <...> Раскол этот <...> был вполне домашнего происхождения. Именно Европа Западная в XVIII в., в эпоху Просвещения, изобрела Восточную Европу, свою вспомогательную половину, именно Просвещение, чьи интеллектуальные центры располагались как раз в Западной Европе, поддерживало, а затем монополизировало изобретенный в XVIII в. неологизм, понятие "цивилизованности"; а затем на том же самом континенте, в сумеречном краю отсталости, даже варварства, цивилизованность обнаружила своего полудвойника, полупротивоположность. Так была изобретена Восточная Европа»⁵.

По мнению автора, «эта исключительно живучая концепция с самого XVIII в. всегда находила себе обильную пищу, а в наше время точно наложилась на риторику и реалии «холодной войны»; она, несомненно, переживет распад коммунистической системы, оставаясь и в нашей культуре, и на тех картах, которые мы носим в своем сознании»⁶. Единственный способ преодолеть диктат

этой концепции – изучать причудливые исторические процессы, вписавшие ее в ткань западной культуры⁷.

Завершая свое исследование, Л. Вульф высказывает предположение (сочувственно цитируя Ч. Милоша), что восточноевропейские интеллектуалы не могли оставить без ответа навязанные им образы и формулы, изобретенные в Западной Европе: «История этих попыток дать ответ Западной Европе могла бы вылиться в еще одну книгу, где были бы описаны сложные культурные стратегии сопротивления, присвоения, защиты, совиновности и ответных атак, которые использовались в разных странах Восточной Европы»⁸.

Кульминационным моментом культурной стратегии сопротивления навязанным образам и формам в России стало возникновение идейного течения славянофильства во второй половине 30-х гг. XIX в., подхваченного славянофилами «второй волны», «почвенниками» и т.д. История русского славянофильства довольно хорошо изучена, и нельзя сказать, чтобы она не была востребована в современных политических баталиях. Тем не менее, природа избранной славянофилами стратегии сопротивления до сих пор остается не до конца проясненной. И, пожалуй, одной из самых загадочных и знаковых фигур в этом процессе остается философ, богослов и публицист А.С. Хомяков (1804 - 1860)⁹.

Несмотря на безусловное признание вклада Хомякова в национальную философию, в том числе в философию истории, его наследие до сих пор очень сложно поддается актуализации. Это связано со многими причинами. В первую очередь, с тем, что Хомяков (как и его единомышленники и противники) не только создавал некие философские конструкции, хотя и не успел обобщить их в единую стройную систему, но и творил сам язык национального философствования. В полемике славянофилов и западников 30 - 40-х гг. XIX в. оформлялся национальный философский дискурс. Роль этого феномена до сих пор в отечественной истории культуры недооценена и недостаточно изучена. Как раз необходимость не только постигать объект и предмет философских изысканий, но и постоянно в этом процессе творить сам способ выражения философских истин на русском языке делает многие тексты Хомякова весьма трудными для понимания¹⁰.

Центральным трудом, в котором Хомяков собирался дать комплексный ответ на вызовы западного мира, не только выдвинуть, но

и обоснованно оформить оригинальную концепцию истории, является его незаконченный трактат, известный под названием «Семирамида»¹¹. Название условное, закрепившееся скорее по преданию. На первом листе рукопись была обозначена четырьмя буквами «И». Н. Серебренников предложил рассматривать это обозначение как аббревиатуру, а полное название трактата реконструировал как «Исследование истины исторических идей». Монументальный и очень сложный для понимания труд Хомякова часто привлекал к себе внимание исследователей и каждый раз оставлял больше вопросов, чем удавалось извлечь ответов.

Конечно, корпус публицистики, богословских статей Хомякова достаточно полно воспроизводит точку зрения автора на ключевые вызовы современности, в том числе в отношении интересующей нас проблемы. Но все же именно «Семирамида» притягивает внимание как героическая, хотя и не завершенная попытка одного человека развернуто и максимально аргументированно ответить на наиболее яростные вызовы западного мира и не менее яростные призывы внять им русских «западников».

Необходимо специально оговориться, что Хомяков не был сторонником какой-либо этнической или национальной исключительности русского народа или славянского мира в целом. Он искал принципиально новые основания для сопоставлений и сравнений, которые могли бы куда более перспективно отражать сложность и исторический детерминизм современных «различий», нежели пресловутая оппозиция «Восток – Запад» / «варварство – цивилизация».

В центре концепции оказывается идея философской географии, «принявшей человека за главный предмет». Эта философская география, по мысли Хомякова, должна включать в себя три раздела, три уровня градации изучения взаимосвязи человека и природы в исторической динамике: по племенам; по государствам; по верам¹². Наименее привлекавшим внимание и наиболее важным, согласно Хомякову, является как раз раздел новой науки, который исследовал бы исторические процессы «по верам»: «Наконец, представляется третий вид описания земли и ее жителей, разделенных по господствующим формам веры. До сих пор никто не чувствовал его важности и не обращал на него внимания. Изредка появлялись приблизительные исчисления людей, принадлежащих к различным исповеданиям; но эти исчисле-

ния, плод огорченного чувства религиозного, или враждебной насмешливости, или простого любопытства, не вели ни к чему. Никому, кажется, в голову не приходило, что, сведя в одно целое и в одну систему всю картину человечества, разделенного по высшему признаку его духовного развития, можно представить результаты новые и поучительные и достойно довершить здание географических наук. Климат, характеры земель, наружный образ людей, их образованность, их гражданственность, их движение торговое и политическое, подчиненные одному великому началу и обратно действующие на него, – вот что следует представить; вот труд, который должен быть исполнен»¹³.

Собственно всемирная история, построенная на этих новых и сложных основаниях, при условии объективности исследователя и могла бы дать ответы на все те вопросы, которые остаются неразрешенными в течение длительного времени. «Семирамида» Хомякова – попытка создать базу для такого рода глобальных исследований. Он последовательно и критически оценивает «истину» наиболее популярных исторических концепций и идей на предмет их непротиворечивости, находит и демонстрирует бесконечные нестыковки и лакуны в хрестоматийных к тому времени положениях западных историков, признавая при этом безусловную ценность основных методологий, используемых немецкими и английскими учеными.

Поиск нового основания, на котором можно было собрать и объяснить все противоречивое многообразие разрозненных фактов и событий, приводит к выдвигению теории непрекращающегося противоборства двух начал в мировой истории – кушитства и иранства. Отталкиваясь от историософских построений Ф. Шлегеля и постоянно оспариваемого Гегеля, Хомяков рассматривает иранство как воплощение свободного, постоянно творящего духа, а кушитство как стихию необходимости, закона. Он пишет: «Беспристрастный разбор древних религий дает нам новое правило для их коренного разделения: отстраняя случайности изложения и формы, в которых они дошли до нас, мы находим, что главный их характер определяется не числом богов и не обрядами богослужения и даже не категориями ума (знающего), но категориями воли. Свобода и необходимость составляют то тайное начало, около которого в разных образах сосредотачиваются все мысли человека. В языке религии, переносящей в невидимое небо законы, которыми управляется видимый мир земли и

его видимый владыка – человек, свобода выражается творением, а необходимость – рождением»¹⁴.

Эта историческая оппозиция формы и содержания далеко не всегда и не во всем может быть описана в категориях этических или ценностных. Она рассматривалась как исходная данность, образующая два полюса напряжения, обеспечивающего движение всемирной истории. Кушитство как воплощение религии материализма всегда преобладало, например, в сфере строительства городов или государств, иранство – в сфере эмоциональной, стихийной, поэтической: «Иранство <...> всегда восстанавливалось частными усилиями великих умов, Кушитство вкрадывалось от беспрестанного действия времени и народных масс. Очевидна сравнительная слабость Иранского учения в его борьбе с примесью кушитской стихии. Иранство, вечно забываемое, вечно требовало возобновления; Кушитство никогда не могло упасть и исказиться, ибо в нем заключалось крайнее искажение человеческой природы»¹⁵. Сложные переплетения, взаимопроникновение, сосуществование и борьба – разнообразные перипетии исторического единого и всегда двусоставного процесса и пытался исследовать автор.

Естественно, что предложенная Хомяковым оппозиция хорошо ложилась на исконную для русской культуры оппозицию «Закона» и «Благодати», провозглашенную еще митрополитом Иларионом и многократно актуализируемую позднейшей национальной философской мыслью.

Не останавливаясь на детальном анализе многочисленных следствий, которые проистекали из выведенной Хомяковым оппозиции, а также на сложнейшей системе примеров и аргументации, использованной автором в его масштабном труде, обратим внимание лишь на один принципиальный аспект. Создавая свою концепцию всемирной истории, Хомяков пытается противопоставить неприемлемой для него в силу воплощенной надуманности и искусственности оппозиции «Запад - Восток», «цивилизация – варварство» куда более перспективную с точки зрения аналитического и разъяснительного потенциала оппозицию, не только объясняющую прошлое, но и позволяющую правильно понимать настоящее и даже в какой-то степени прогнозировать будущее. С точки зрения Хомякова, это и был выход из той логической ловушки, в которую, руководствуясь абстрактными схемами, все более и более загоняет себя западная научная мысль.

Естественно, что проблема славянского мира, его единства, его судьбы воспринима-

лась Хомяковым именно в контексте этой историософской доктрины. Славянство, в значительной своей части сохранившее именно иранское начало, является естественным неприятелем для проводящего идеологию кушитства (религиозного материализма и диктата формы над содержанием) западного мира. Славянство последовательно и закономерно игнорируется и замалчивается как историческое явление, как фактор европейской истории не в силу незнания, а в силу естественного, хотя, возможно, и подсознательного соперничества. При этом соперничества, основанного на несовместимой разноприродности изучающего и изучаемого. Воплощение современного кушитства – германская научная мысль – наиболее ярко, с точки зрения Хомякова, воплощает и иллюстрирует эту поразительную близорукость, когда речь заходит о явлениях не соприродного порядка: «Чуждая политическим страстям, предпочитая все человеческое всему национальному, Германия заслужила благодарность будущих поколений; но в то же время она дала просвещению склонность к формальности, замедляющую развитие разума, и безмерную страсть к отвлеченностям, перед которой все сущее, все живое теряет значение и важность и мало-помалу иссушается до мертвого логического закона»¹⁶. Именно в этом и проявляется несовместимость кушитской и иранской ментальностей: «Замечательно, что сущность тогда только удостоилась милостивого внимания немцев, когда она прикинулась законом»¹⁷.

В рамках этой «кушитской» парадигмы славянство отсутствует по определению. Ни его место, ни его роль в истории, исходя из жестко формализованных схем, не смогут быть не столько поняты, сколько приняты. Этим и объясняет Хомяков поразительный факт вытеснения славян из пространства прошлого современной ему западной исторической наукой: «Нет такого далекого племени, нет такого маловажного факта, который не сделался бы более или менее предметом изучения многих германских ученых. За настоящими немцами тянулись с большею или меньшею ревностью их колонии, Франция и Англия. Одна только семья человеческая мало и весьма мало обращала на себя их внимание, а эта семья, кажется, не за морями, не утаилась в каком-нибудь темном уголке земли, а пограничная германцам, даже череполосная с ними, сильная числом, населяющая пространство почти беспредельное, семья славянская. Как скоро дело доходит до славян, ошибки критиков немецких так явны,

промахи так смешны, слепота так велика, что не знаешь, чему приписать это странное явление, совершенному ли развитию духа ветвей германской и славянской, которое делает факты славянского мира непонятными для немца, или скрытой зависти, пробужденной самим соседством.

Первое толкование, более лестное для их нравственного достоинства и обидное для их понятливости, трудно принять. Мы видим, что русские понимают немцев лучше, чем все другие, даже полунемецкие народы. Второму же поверить бы не хотелось, но что же делать? В народах, как и в людях, есть страсти, и страсти не совсем благородные»¹⁸.

Наиболее радикальные взгляды на историю племен, заселявших территорию современной Европы, в изложении этих ученых, в ироничном обобщении Хомякова звучат так: «Не было-де в старину славян нигде, а как они появились и размножились – это великое таинство историческое, – впрочем, может быть, их и теперь совсем нет на свете»¹⁹. Но и допускающие существование самостоятельной истории славянства «критики более милостивые» «оставляют славянам каких-то предков, но эти предки должны быть бездомники и безземельники; ни одно имя в местностях, населенных теперешними славянами, не должно иметь славянского значения; все лексиконы Европы и Азии должны представить налицо корни самые невероятные, чтобы ими затемнить самый простой смысл слова. Не удалось уничтожить народы: стараются землю выдернуть у них из-под ног»²⁰.

Приведенные суждения Хомякова призваны проиллюстрировать тот накал борьбы, тот уровень философских обобщений, который существовал в период активного противостояния идеологическому наступлению Запада в середине XIX в. С другой стороны, выработанные ранними славянофилами (прежде всего А.С. Хомяковым) теоретические основания оппозиции Запад - Восток, концепция единого славянского мира в полной мере опирались на очевидные реалии XIX в. и в значительной степени соответствовали тем настроениям и ощущениям, которые нарастали на протяжении всего XIX в. Они, очевидно, оформились и закрепились в устойчивых проявлениях общественного мнения в период русско-турецких кампаний.

Построения Хомякова напрямую были связаны с интеллектуальным осмыслением и философским освоением феномена православия. Вообще, все споры славянофилов и западников, особенно в эпоху 40-х гг., напрямую затрагивали аспекты вероисповедания. Неслучайно одним из наиболее провокаци-

онных суждений первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева, наделавшего столько шума и имевшего принципиальные последствия не только для автора письма и редактора, издавшего его журнала, но и для всей истории становления русской философской школы, было суждение о том, что Россия не вполне христианская страна в силу того, что она еще буквально не доросла до христианства, поскольку переживает период цивилизационного детства, благополучно пережитый истинно христианскими – в силу опять-таки своей цивилизационной зрелости – западными народами.

По понятным причинам развернутой полемики по вопросам веры на страницах газет и журналов России середины XIX в. быть не могло. Но серьезнейшие ответы на такого рода заявления оппонентов того же Хомякова мы можем найти в его многочисленных богословских статьях и письмах. Принципиально, что ключевые концептуальные построения Хомякова были приняты Русской православной церковью. Случай уникальный в истории взаимодействия светского и церковного богословий в России. Вопрос о противостоянии «латинства» и православия Хомяковым также решался парадоксально. Безусловно принимая примат православия как наиболее приближенного к истокам христианства вероисповедания, он настаивал на его огромном потенциале открытости. По Хомякову, православие есть открытая религиозная система, готовая принять всех, разделяющих ее ключевые ценности, способная к бесконечному развитию и расширению при условии неукоснительного сохранения своих базовых ценностей. Только при таком восприятии стала возможна знаменитая переписка Хомякова с В. Пальмером. Этот представитель «оксфордского движения» в англиканстве стал «первым и при жизни Хомякова единственным его оппонентом», с кем, по замечанию современного ее комментатора В.М. Лурье, Хомяков «мог спорить собственно о Церкви, а не защищать веру против безбожия или церковность вообще против «внутреннего христианства» русской аристократии...»²¹.

Опиравшееся на работы ранних славянофилов окончательное оформление концепта «православное единство славян» все же произошло позднее, в период 60 - 70-х гг. XIX в., когда выявленные и сформулированные славянофилами «первой волны» смыслы и образы становятся серьезными кристаллизаторами широкого общественного мнения. Эти образы и смыслы, эти социальные метафоры оказались настолько адекватными глубин-

ным социальным ожиданиям, что в своих существенных проявлениях становятся серьезным фактором картины мира русского общества и сегодня. Каким образом резонировали исходные составляющие дискурса в ответ на перипетии трагического XX века и почему они пережили коммунистическую систему и остаются действенными и сегодня – вопрос, требующий специального изучения.

Таким образом, обращаясь к истокам национальной философской рефлексии, мы не только можем прояснить истоки многих кажущихся сегодня абстрактными и надуманными социальных метафор, но и выявить оформляющиеся принципиально асимметричные стратегии противодействия мощному влиянию внешних недружественных дискурсов. Попытка ответа Хомякова может быть описана и в другой парадигме как попытка противопоставления обманчивой и заманчивой простоте бинарных оппозиций естественной, многообразной, трудно поддающейся схематизации и формализации жизни идей и мнений. Линейную геометрию исторической схоластики Хомяков попытался заменить «незвклидовыми» интеллектуальными озарениями и допущениями. Хотя опыт мыслителя сегодня востребован мало, обращение к нему дает нам принципиально новое знание о предложенных и, может быть, упущенных современниками вариантах понимания себя и окружающего мира. Это знание и этот опыт имеют сегодня уже не только сугубо академический интерес.

Примечания

¹ Обзор литературы, анализ некоторых типичных тенденций в этой сфере, отдельных механизмов и примеров «негативной мобилизации» см., напр.: Образ врага / Сост. Л. Гудков. - М.: ОГИ, 2005; Гудков Л.Д. Негативная идеичность. - М., 2004; Дубин Б. Интеллектуальные группы и символические формы: Очерки социологии современной культуры. - М.: Новое издательство, 2004.

² В интерпретации теоретика этих систем Н. Лумана. См., напр.: Луман Н. Реальность масс-медиа / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. - М.: Праксис, 2005.

³ См. об этом: Шенк Б. Ментальные карты. Конструирование географического пространства в Европе во времени Просвещения // Миллер А. (ред.) Регионализация посткоммунистической Европы. Сер. Политические исследования. - М.: ИНИОН, 2004. - № 4.

⁴ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / Пер. с англ. И. Федюкина. - М.: Новое литературное обозрение, 2003.

⁵ Там же. - С. 35.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. - С. 538.

⁹ См.: Кошелев В.А. Алексей Степанович Хомяков. Жизнеописание в документах, разысканиях и рассуждениях. - М., 2000. См. также: Кошелев В.А. Парадоксы Хомякова. Заметки и наблюдения. - М.: Индрик, 2004; Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. - М., 1994.

¹⁰ См. об этом: Чернов А.В. А.С. Хомяков: модусы исторического дискурса // А.С. Хомяков: личность - творчество - наследие: Хмелитский сборник. Вып. 7. - Смоленск, 2004. - С. 281 - 286. А также см.: Чернов А.В. О философской позиции А.С. Хомякова // Русская литература. - 2004. - № 4. - С.80 - 84.

¹¹ Начало работы над трактатом скорее всего связано с публикацией первого «Философического письма» П.Я. Чаадаева, «чаадаевской историей». Как правило, называются 1837 - 38 гг. Работа продолжалась до конца жизни Хомякова. Первая публикация отрывков была предпринята после кончины философа славянофильским журналом «Русская беседа» (1860. Т. 2 под заголовком «Отрывок из записок А.С. Хомякова о Всемирной истории». Первая полная публикация – в третьем томе собрания сочинений А.С. Хомякова, подготовленном А.Ф. Гильфердингом в 1871 - 1872 гг.

¹² См.: Хомяков А.С. Семирамида (Исследование истины исторических идей) // Хомяков А.С. Сочинения: В 2 т. Т. 1; Работы по историософии. - М., 1994. - С. 22.

¹³ Там же. - С. 30.

¹⁴ Там же. - С. 188.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. - С. 56.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. - С. 56 - 57.

¹⁹ Там же. - С. 59.

²⁰ Там же.

²¹ <В.М. Лурье> Письма к В. Пальмеру (I - XII). Примечания // Хомяков А.С. Собр. соч.: В 2 т. Т. 2; Работы по богословию. - М., 1994. - С. 416.

УДК 659

З. Милошевич
Институт международной политики и экономики, г. Белград (Сербия)

РУССКОЕ ЗАКАРПАТЬЕ И св. АРХИМАНДРИТ АЛЕКСИЙ КАБАЛЮК

Если сейчас у сербов заходит речь о русских Карпатах (Закарпатье), то вспоминается

прежде всего успешная миссионерская деятельность сербского архиепископа Иоанна

Максимовича и архимандрита Иустина Поповича, знаменитого богослова. А вообще-то выявляется незнание истории этой исконно русской земли, отсутствие представлений о трагической судьбе и реальном положении карпаторусов – русинов¹.

Сейчас Прикарпатская Русь «отсечена» от православного мира двумя униатскими областями – Ивано-Франковской и Львовской, а с других сторон ее окружают Венгрия, Словакия и Польша – страны по преимуществу римско-католические, дружественности к православию не проявляющие. Конфессиональный состав нынешнего населения Закарпатья таков, что отражает глубокие разделения: 40 % составляют православные, верные исконному православию и Московскому Патриархату; 23 % принадлежит к раскольнической, так называемой «Украинской православной церкви Киевского патриархата», под идейным руководством униатов созданной украинскими сепаратистами и шовинистами, украинизированными карпаторусами и малороссами, идеология которых – ненависть к русским и обустройство Украины по рекомендациям США²; 28 % карпаторусов принадлежит к другой раскольнической «православной церкви» – Украинской автокефальной; 6 % составляют сторонники Греко-католической (униатской) церкви³.

Как видим из этих данных, хотя население оказалось разделенным по вероисповедному признаку, все-таки значительная часть осталась верна православной традиции, что в нынешних условиях является отнюдь не легким делом.

Русская идея и православие для карпаторусов

Проблемы Закарпатской Руси начинаются с ослабления Русского государства и отсутствия политической воли сохранить эти исконно русские земли в своих границах. Уже в XII в. эти области занимают угры, и впоследствии наступает самая большая трагедия жителей Закарпатской Руси, связанная с вытеснением православия. В 1596 г. после многовековых усилий Римской церкви удалось заключить с четырьмя православными епископами Брестскую унию⁴. С тех пор основной характеристикой вероисповедных процессов в Польше, прибалтийских землях, Белоруссии, Малороссии (Украины) и Карпатской Руси является униатизация и денационализация русского православного населения, а

точнее – сопротивление этому. Закарпатская Русь (Закарпатье) часто меняла властителей – от угров до поляков и чехо-словаков. Несколько раз римские священнослужители интенсифицировали униатизацию и католизацию «руссов», а соответственно и полонизацию их. Упрочившийся здесь после Брестской унии римокатолицизм при помощи Польско-Литовского государства осуществил нападение на Малороссию, и в 1651 г. Киев был razoren польско-литовским войском. В 1711 г. польская шляхта и римско-католическое священство открыто повели кампанию по вытеснению православных. С 1717 г. в Речи Посполитой, которая была государством, объединившим Польскую Корону и Великое Княжество Литовское, кампания против православных «руссов» возобновляется и еще усиливается. В 1768 г. православные восстали, начали поднимать бунты, которые вместе с действиями Российского государства по освобождению соплеменников привели в 1790 г. к разделу Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австро-Венгрией. Закарпатье отошло к Австро-Венгерской империи. С этого времени, а точнее пять лет спустя, под властью России начался процесс возвращения униатизированных русских к православию, что распространилось – правда, постепенно и очень медленно – также на не освобожденные еще русские земли, в том числе на Закарпатскую Русь.

Конечно, для возвращения к православию недостаточно было освобождения исконно русских земель и вхождения в состав государства Российского. Значение имели и другие факторы. Самый важный из них – то, что под духовным влиянием Московского Патриархата осуществлялась консолидация русских национальных сил в Москве (1654 г.), затем – объединение Юга и Севера России (1654 г.), присоединение Белой Руси (1795 г.). Между тем для Руси Закарпатской особое значение имеет 1848-й год, когда в Венгрии вспыхнула революция, а русские войска пошли на помощь императорской семье Габсбургов и прошли Закарпатьем. Таким образом, для народа Карпат возникла возможность убедиться, что он говорит на одном языке с «москалями»⁵. Это событие вызвало к жизни галицийско-русское национальное движение, а то, в свою очередь, вывело на культурно-политическую сцену ряд значительных историков и просветителей, обновителей русского сознания и русских ценностных ориентаций, в том числе и православия⁶. В Закарпатской Руси национальное возрож-

дение происходило благодаря таким выдающимся личностям, как Александр Духнович (1803 – 1865), Иван Силвай (1834 – 1904), Иван Раковский (1815 – 1885), Юрий Венелин (1802 – 1837), Адольф Добрянский-Сачуров (1817 – 1901). Деятельность этих карпато-русских просветителей в значительной степени способствовала также возвращению жителей Закарпатья в лоно православия. Позднее это движение в Закарпатье (как и в других неосвобожденных русских землях) поощрялось и поддерживалось выдающимся церковным и государственным деятелем России митрополитом Антонием (Храповицким), до того – архиепископом Волынским, епархия которого граничила со Львовской.

Массовое возвращение населения Закарпатья к православию началось в 1903 г. в с. Иза, где служил Иван Раковский⁷. Он сам, будучи униатом, перешел в православие, и примеру его последовали десятки тысяч жителей Закарпатья. Государственные власти и Римско-католическая церковь предприняли ряд мер, включая и геноцидные, чтобы воспрепятствовать возвращению к вере православной. Духовным вождем закарпатских русин в это время был иеромонах Алексей Кабалюк⁸.

Подвиг иеромонаха Алексея Кабалюка осуществлялся в условиях, когда православное сознание закарпатцев крепло, однако на это весьма жестко реагировали государственные власти Австро-Венгрии и Римско-католической церкви. Так, властями при поддержке Рима был организован известный Мармарош-Сигетский судебный процесс 1913 - 1914 гг., когда за возвращение в православие были осуждены 94 закарпатских крестьянина во главе с их духовным вождем иеромонахом Кабалюком⁹.

Но этот суд стал предисторией намного более страшных событий, включая геноцид над карпаторусами со стороны Австро-Венгерской империи. Начались политические судебные процессы над «русофилами», которых помещали в специально для этого созданные концентрационные лагеря. Геноциду способствовала «Украинско-австрийская партия», возглавляемая униатами и в основном из униатов состоявшая¹⁰.

С началом Первой мировой войны получил размах и массовый антирусский террор. Тогда было создано несколько концентрационных лагерей, из которых самый известный – Талергоф возле Граца в Австрии. Уже в начальный период было уничтожено более 60 000 человек, 100 000 бежало в Россию, а

затем, после первого отступления русской армии, уничтожено еще около 80 000. Были убиты также 300 униатских священников, симпатизировавших православию и России. Этот геноцид исследовал и обнародовал сведения о нем депутат Венского парламента поляк А. Дашинский, после того как все закарпатские и галицийские депутаты-русские были убиты¹¹. Исполнителями большинства убийств и истязаний карпаторусов стали украинизированные русины, принадлежавшие к Греко-католической церкви.

Новая волна насилия над закарпатскими русинами пришла с революцией в России. Когда «революция» достигла Закарпатья, начались аресты и устранение всех тогдашних карпато-русских лидеров, в том числе архимандрита Феофана Сабова, а сотни тысяч карпаторусов подвергли насильственной украинизации. Это их потомки сейчас принадлежат к раскольническим структурам УПЦ КП и УАПЦ¹².

Апостол Карпатской Руси архимандрит Алексей Кабалюк

Будущий святой рожден 12 сентября 1877 г. в семье карпато-русского крестьянина-дровосека Ивана Кабалюка, жителя с. Ясень. Это была семья с русскими традициями, поэтому ребенка назвали в честь святого благоверного князя Александра Невского. С ранних лет Александр стал послушником греко-католического монастыря Киш-Баранья, но в унии разочаровался¹³, перешел в православие и бежал на святую гору Афон, в русский монастырь св. Пантелеймона. Оттуда его направили в Россию, где он стал послушником монастыря на Холмщине, а впоследствии был рукоположен в священники. О. Алексей посещал все населенные пункты, жители которых возвращались в православие. Так, в с. Иза он за один день крестил 200 детей и причастил более тысячи верующих, а в следующие два дня крестил 400 жителей соседних сел. За это время, как писала венгерская газета «Вечер», в Мармарошском крае перешло в православие более 14 000 человек. Цифра эта, конечно же, свидетельствует о размахе православно-русского движения в Угорской Руси. Но оно натолкнулось на жесткое противодействие. Жандармы брали в осаду церкви, устраивали обыски в жилых домах, отнимали книги, в том числе и молитвенники. Крестьян подвергли новому налогообложению, во всех селах установили жандармские околотки, проводившие закры-

тие православных храмов. Всех людей, перешедших в православие, стали преследовать и лишать свободы. Между тем ответ на эти меры – новые переходы в лоно Православной церкви. Венгерские власти выдвинули серьезные обвинения против о. Алексия, и он вынужден был уехать в Америку, где существовало большое и сильное карпато-русское землячество¹⁴. О. Алексий Кабалюк из Америки продолжил свою миссионерскую деятельность и добился того, что сотни тысяч карпаторусов вернулись в православие. Он налаживал переписку со своей паствой в отечестве, но австро-венгерские власти вскоре начали изымать все письма с американскими почтовыми знаками¹⁵. Осознав, что посредством почты миссионерствовать в Закарпатье возможностей нет, о. Алексий добровольно вернулся из США к своей пастве. Но этим воспользовался королевский прокуратор Венгрии Андор Иллеш, передавший Мармарош-Сигетскому суду акт за № 5919/1913, в котором говорилось: Александр Кабалюк (в монашестве Алексий) 36 лет от роду, униатского вероисповедания, из крестьян-дровосеков, русский монах родился и проживает в Ясине. Названный Кабалюк, добровольно вернувшийся из США совместно еще с 94 лицами, в числе которых также православные священники Григорий Грицак и Николай Сабов, а остальные – крестьяне, жители с. Иза, находятся в контакте с графом Владимиром Бобринским, российским подданным, председателем Русского национального союза, депутатом Думы и членом Синода... Названные лица имели целью обратить униатское население государства, жителей Мармароша, Угочи и Переи, в православную русскую веру... Все это – в целях присоединения указанных территорий к Российскому государству.

О. Алексия Кабалюка осудили на четыре с половиной года к лишению свободы и, кроме того, обязали в шестимесячный срок уплатить 100 крон штрафа. О. Николай Сабов был приговорен к трем годам заключения, остальные – от двух с половиной лет до шести месяцев.

После этого суда император Николай II демонстративно даровал о. Алексию (Кабалюку) золотой наперсный крест за подвижничество, а в православных храмах России были отслужены молебны во славу его подвига.

Вернувшись из заключения, о. Алексий Кабалюк остался в с. Иза, в Свято-Никольском монастыре, который он там основал. И,

конечно же, он продолжил свою миссионерскую деятельность. Уже к 1920 г. все население Мармарошского округа, а именно сел Иза, Быстро, Горинчево, Уйбарово, Липча, Селище, Теремля, Кошелево, перешло в православие. 19 августа 1921 г. о. Алексий открыл собор Карпатско-русской православной церкви. На собор прибыло более 400 делегатов из всех православных краев. Делегаты приняли Устав и официальное название: Карпатско-русская восточная православная церковь. Православное население края находилось под юрисдикцией Сербской православной церкви еще со времен Австро-Венгрии, и это было причиной того, что сербские монахи пребывали в Закарпатье с миссионерскими целями, а также для поддержания церковных структур. Поскольку на это время пришлось гонение православных в Советском Союзе, о. Алексий не позволил ставить вопрос о переходе под юрисдикцию Русской церкви, а решил остаться под омофором Сербского Патриарха¹⁶.

Активное развитие православия в Закарпатской Руси мешало римокатоликам, и они через власти Чехословакии организовали раскол¹⁷. В роли исполнителя раскола выступил Константинопольский Патриархат, который неканонически объявил Закарпатье своей канонической территорией и назначил епископа.

О. Алексий (Кабалюк) вновь оказался на страже церковных канонов. Карпатско-русская церковь отстаивала свое право быть вне зоны притязаний Константинополя, так что проблема эта была снята в 1946 г., когда о. Кабалюк инициировал движение за присоединение к Русской православной церкви, что и завершилось успехом.

О. Алексий – монах-аскет, но в то же время и политик, и общественный деятель, не только духовный, но и национально-политический предводитель карпатско-русского народа. Он был решительным сторонником идеи национального единства карпаторусов с русским народом и воссоединения Карпатской Руси с Россией¹⁸.

В 1944 г. он стал инициатором созыва православного собора, который и состоялся 18 ноября этого года в Мукачево. Православное население выступило с требованием, чтобы Карпатская Русь была присоединена к Советскому Союзу как Карпатско-русская Советская Республика с границами от Ясиня до Попрала и от Ужка до Добричина¹⁹. Одновременно собор просил Синод Русской православной церкви вступить в контакт с Серб-

ской православной церковью и каноническим путем обеспечить переход Мукачевско-Пряшевской епархии под юрисдикцию Московского Патриархата.

Желания карпаторусов не были до конца исполнены. Сербская церковь позволила осуществить переход Мукачевско-Пряшевской епархии под юрисдикцию Московского Патриархата, а вот из Карпатско-русской Советской Республики ничего не получилось. Закарпатскую Русь присоединили к Украине без какого бы то ни было особого статуса, а ее население оказалось подверженным новой беде, измышленной униатами и римокатоликами – насильственной украинизации²⁰. Напрасно карпаторусы писали: «Мы против присоединения нашей территории к Украинской ССР. Мы не хотим быть ни чехами, ни украинцами, мы хотим быть русскими (русинами), а свою страну хотим видеть автономией в рамках Советской России». Ответа не последовало.

Гонения на православие в Закарпатье стали трагическим моментом и для о. Алексия Кабалука. 2 декабря 1947 г. его сердце не выдержало, и он в 70-летнем возрасте умер, явно подкошенный бесчестностью новой безбожной власти, переименованием карпатских русинов в украинцев и гонениями на Православную церковь. Сначала осужден был Феофан Сабов, убежденный русофил и главный кандидат на епископство в Карпатской Руси. Затем подверглись арестам русофильски настроенные местные деятели, а население подверглось насильственной украинизации. Более 500 русских школ были преобразованы в украинские. Несмотря на это около 40 % карпаторусов и далее считают себя русскими.

* * *

«Независимая» Украина продолжила украинизаторскую политику и поддерживает раскольнические религиозные группы на всей своей территории. Несмотря на это в Закарпатье имеется более 500 православных приходов и 20 монастырей Московского Патриархата. В сентябре 1991 г. в Подкарпатской Руси был проведен местный референдум о придании этому краю статуса автономии в рамках Украины. Киевские власти не обратили внимания на этот референдум.

В 1999 г. начат процесс канонизации о. Алексия Кабалука. Открыт гроб, в кото-

ром почивают полностью сохранившиеся тело его и мантия.

Канонизация о. Алексия должна бы стать процессом прославления всех святых Подкарпатской Руси и снять завесу молчания с карпатско-русской проблемы, а монастырь св. Николая в Изе должен стать русинской Лаврой.

Карпаторусы, при всем вышеупомянутом, ждут решения и в правовом аспекте. Геноцид, который осуществляла над ними Австро-Венгрия, не теряет срока давности. В этом смысле следует учиться у армян, которые добились со стороны ООН признания, что над ними осуществляло геноцид турецкое государство. Подобным же образом и карпаторусы хотели бы закончить свою борьбу за истину о Закарпатье и о русских Закарпатья.

Следующий вопрос – бесправность карпаторусов в суверенной Украине – не менее очевидный, хотя и покрыт молчанием. Репрессии, которым Украинская ССР подвергла карпаторусов, тоже являются предметом изучения и правовой оценки. От результатов этого изучения будут зависеть последующие шаги представителей карпаторусов. И это особенно необходимо из-за того, что нынешняя Украина не отказывается от проторенного пути, а использует и далее насилие, ведет денационализацию, антиправославную и антирусскую деятельность. Тем не менее, известно одно: преступления не теряют срока давности в принципе. Почему же они должны терять его, если дело касается русских – без разницы, велико-, мало-, бело- или карпаторусов?

Перевод с сербского языка Ивана Чароты.

Примечания

¹ Русин – обычное именование русских с Карпат. Русин, руснак или русский (в женском роде – руска) означает человека, говорящего по-русски. См.: Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели. – М., 1916. – С. 181.

² См.: Милошевич З. Црква, наука и политика. – Источно Сарајево: Филозофски факултет Универзитета у Источно Сарајево, 2005. – С. 103 – 123.

³ Статистика держкомрелијий, <http://orthodoxy.org.ua/page-976.html>

⁴ См.: Унија. Политика Римокатоличке цркве према православним Словенима / Приредио Зоран Милошевић. – Београд: ИПС, 2005.

⁵ Уничижительное название великороссов, которое придумало и распространяло римско-католическое и униатское священство.

⁶ См.: Фролов К. Русские Карпаты – terra incognita православного мира // <http://www.pravoslavie.ru/archiv/ruskarpaty.htm>. – С. 10.

⁷ Иван Раковский – настоятель униатского прихода в с. Иза, видный русский писатель и патриот. Он воспитывал своих прихожан в духе любви к России и православию, но сам не решился на борьбу с Ватиканом. После смерти Раковского его воспитанники начали помышлять о возвращении в лоно Православной церкви. Хотя в Венгрии действовала Конституция, гарантировавшая свободу вероисповедания, на православных это не распространялось. Соответственно, когда жители с. Иза заявили властям о переходе в православие, это для них означало путь мученичества.

⁸ См.: Фролов К. Русские Карпаты – terra incognita православного мира. - С. 16.

⁹ Там же. - С. 22.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Ваврик В. Терезин и Талергоф. - Филадельфия, 1996.

¹² Насколько развернулись тогда гонения, свидетельствуют следующие факты: Василий Ваврик, автор уникальной книги о концлагерях «Терезин и Талергоф», а также «Краткой истории галицийско-русской письменности», работал обычным сотрудником музея; Семён Бандасюк, дважды доктора наук, украинские власти не пожелали брать на работу из-за того, что он отказался записать в паспортной графе национальность «украинец», и он, яркий писатель и журналист, автор многих публикаций, вынужден был продавать свечи в одном из православных храмов; карпаторус Феодор Аристов, автор уникального трехтомного сочинения «Карпато-русские писатели», организовавший в Москве «Карпато-русский музей» с 200 000 экспонатов, был арестован, а материалы музея, как и тираж его книги, уничтожены; дочь Аристова, доктор исторических наук Татьяна Феодоровна, продолжила дело своего отца, но ее полностью игнорируют украинские сепаратисты и униаты.

¹³ Фролов К. Духовный триумф карпатороссов // <http://www.pravoslavie.ru/put/sv/archimalexijkabalyk.htm>. - С. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Успех о. Алексия Кабалука особенно значителен потому, что местное православное священство было малочисленным и весьма слабо образованным. Во время служения в Закарпатье епископа Иринея в 1926 г.

там было около 100 православных священников. Из этого числа только четверо имели законченное гимназическое и богословское образование; трое – выпускники русской духовной семинарии, девятнадцать человек окончили богословские курсы в с. Буштин, девяттеро – только основную общеобразовательную школу, остальные учились в педагогических, экономических, военных училищах (см.: Пузовић Предраг. Мисија епископа Иринеја у Карпатској Русији // *Годишњак (Фоца)*. – 2005. - № 4. - С. 115).

¹⁶ В Сербии была весьма значимая русская эмиграция. Церковные дела повел митрополит Антоний (Храповицкий), всемерно помогавший карпаторусам. Кроме того, Карпатской Руси немалую помощь оказывала и Битольская духовная семинария, представители которой – Иоанн Максимович и Иустин Попович – некоторое время миссионерствовали на Пряшевщине. А Подкарпатская Русь, в свою очередь, приняла около 11 000 белемигрантов из России.

¹⁷ Что за этим стоит правительство Чехословакии, видно и по тому, что власти одновременно усилили гонения на православных карпатороссов. У них отбираются храмы, запрещается преподавание Закона Божьего в школах, не признаются браки, заключенные с участием православных священников... из календаря удаляются православные праздники, а вводятся римско-католические и т.д. (См.: Пузовић Предраг. Мисија епископа Иринеја у Карпатској Русији // *Годишњак (Фоца)*. – 2005. - № 4. - С. 101 - 102). Интересно, что П. Пузовић ни словом не упоминает о Алексии Кабалука. Интересно также, что этого апостола Карпатской Руси не упоминает в своих донесениях и епископ Иринея (Ср.: *Једлински Радомир. Горазд, епископ чешкоморавски*. – *Крагујевац, 1991*).

¹⁸ Фролов К. Духовный триумф карпатороссов. - С. 6.

¹⁹ Следует подчеркнуть, что в 1919 г. на мирной конференции эта область, официально названная Карпатской Русью, в соответствии с Сен-Жерменским соглашением об автономных правах была присоединена к Чехословацкой Республике.

²⁰ См.: Милошевич З. «Галицијска идеологија» и политичко-религиозни процеси у Украјини // *Политичка ревија (Београд)*. – 2005. - № 2.

УДК 659

А.Д. Гронский
Белорусский государственный университет информатики и радиотехники,
г. Минск, Белоруссия

БЕЛОРУССКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ НАЧАЛА XX в.: ПОПЫТКА ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ

Исторические исследования, посвящённые Белоруссии, всегда были окутаны плотным кольцом политических, исторических и прочих мифов. Белорусское историческое мифотворчество не только не критиковалось, но даже поддерживалось, причём не только в советский период, но и сегодня. Дискуссионная природа самой белорусской истории до

сих пор остаётся почвой для многочисленных споров между историками Белоруссии, в которые оказались втянуты и коллеги из сопредельных стран. С момента появления истории Белоруссии как отдельного субъекта исследования последнее носило в подавляющем большинстве оценочный характер. Вообще обоснование истории Белоруссии как

истории региона возникло в среде российских интеллектуалов в XIX в. Одним из первых, кто представил Белоруссию самобытным культурным регионом, был профессор Петербургской Духовной семинарии М.О. Коялович. Он и его последователи стали начинателями движения, которое позже в среде белорусских националистов получило название «западнорусизма»¹. Западнорусизм предполагал указать на то, что Белоруссия как западнорусский регион является составной частью России, а белорусы – частью русского народа. Культурное различие между Центральной Россией и Россией Западной, т.е. Белоруссией, объяснялось сильным влиянием на русское население западных окраин полонизма и католицизма. Главный идеолог западнорусизма М.О. Коялович поставил западнорусизм на научный уровень обоснования. Идеологию западнорусизма поддержали серьёзные учёные: академик Е.Ф. Карский, заведующий секцией этнографии и археологии Северо-Западного отделения Русского географического общества Е.Р. Романов и др.

«Сочинение» или «придумывание» Белоруссии как чего-то большего, чем регион Российской империи, началось сравнительно недавно – в конце XIX – начале XX в. Причём изначально это «сочинение» имело характер не научной рефлексии, а наукообразной мифологии. В 1891 г. появился «поэтический миф» с названием «Белоруссия»². Начало XX в. включило в себя время конструирования и структурирования этого мифа, но процесс оказался не таким уж и лёгким. Даже сегодня авторские трактовки истории Белоруссии диаметрально противоположны³.

С возникновением в начале XX в. белорусского национализма, с его институционализацией «сочинение» Белоруссии началось на уровне не отдельных лиц, случайно обративших внимание на нее, а целых политических и культурных организаций, мягко говоря, не очень массовых, практически неизвестных, но имеющих свои периодические издания и печатную продукцию. Всё, что происходило до начала XX в., являлось лишь идеологической базой, которая была иногда додумана, иногда неправильно проинтерпретирована, а то и полностью сконструирована.

Итак, XX век легитимировал существование территории под названием Белоруссия, претендующей на суверенитет, и её населения с названием белорусы. Ранняя история края была благословлена как история Белоруссии именно в начале XX в. Хотя нужно заметить, что первой ласточкой этого было

предисловие к сборнику стихов «Дудка белорусская» Матея Бурачка (псевдоним польского повстанца 1863 г. Ф. Богушевича). XX столетие смогло состарить белорусскую историю на десятки веков, причём не как историю территории, а как историю этноса белорусов и государства Белоруссия. Именно XX век является тем временем, с которого начался отсчёт белорусской истории, причём как в будущее, так и в прошлое. Естественно, что XX век стал достаточно привлекательным для исследователей явления под названием Белоруссия.

Белорусов XX в. невозможно осознать без отрезка времени, начавшегося в 1772 г., когда произошел первый раздел Речи Посполитой и к России отошли земли восточной части Белоруссии. До конца XVIII в. практически вся территория современной Белоруссии вошла в состав Российской империи. Однако переход территории в другое государство не изменил ситуации в регионе. Вплоть до второго за XIX век польского восстания (1863 – 1864 гг.) среди местной элиты доминировала польская ментальность, которая была настолько мощной, что с ее влиянием предпочитали не бороться даже высшие российские власти⁴.

Если местное дворянство окончательно определилось со своей самоидентификацией ещё в период существования Речи Посполитой, то простое население над этим не задумывалось. Подавляющее большинство крестьян (более 70%)⁵ было подвержено идее западнорусизма, который был создан как интеллектуальный проект обоснования триединства русского народа, но, тем не менее, достаточно легко входил в сознание простого населения. Судя по всему, представление о себе как об отдельном от остальных русских этносе никогда среди белорусских крестьян не проявлялось. Именно о единстве говорили и западнорусы, поэтому их обоснования легко входили в крестьянское сознание. Нужно учитывать, что если западнорусов среди крестьян было более 70%, то это не значит, что остальные белорусские крестьяне считали себя белорусами. Около 30% крестьян ощущали себя как поляки. Естественно, что ни русская (западнорусская), ни польская идентификации не являлись этническими маркерами, это были маркеры в первую очередь религиозные. Но они могли вполне превратиться и в национальные.

Современные белорусские историки пытаются объяснить происхождение белорусского национализма естественным постепенным нарастанием национального самосозна-

ния. Однако очень сложно определить отправную точку этого явления. Появление белорусской идентификации объясняется по-разному, но представляется достаточно сомнительным. Например, вряд ли можно согласиться, что одни из представителей польского (или ополяченного) дворянства – братья И. и А. Луцкевичи – стали деятелями белорусского национализма, потому что их отец дружил с В. Дуниным-Мартинкевичем – польским писателем, использовавшим простонародную (т.е. белорусскую) речь в своих произведениях⁶. Белорусские националисты начала XX в., судя по всему, не рассматривали В. Дунина-Мартинкевича как персонаж белорусского национализма, так как они вообще отвергали наличие какой-либо белорусской идеи в произведениях шляхты XIX в.⁷ Однако в случае попытки «продлить» белорусскую историю в прошлое В. Дунин-Мартинкевич вдруг становился белорусским писателем⁸, т.е. белорусскоязычные тексты польских писателей XIX в. использовались для обоснования белорусского национального строительства только в тех случаях, когда это было выгодно. На наш взгляд, такое положение являлось следствием редкого присутствия среди представителей белорусского национализма по-настоящему талантливых писателей. Не имея образцов для подражания в прошлом, любое произведение можно было представить как достижение, а при наличии каких-либо белорусских авторитетов прошлого возникала необходимость сравнивать современные достижения с ушедшим веком. Вряд ли эти сравнения были в большинстве случаев в пользу внезапно появившихся белорусскоязычных писателей и поэтов.

Вообще проблема зарождения белорусского национализма до сих пор изучена достаточно поверхностно. Практически никто из исследователей не обращает внимания на поднятый в начале XX в. вопрос, откуда у белорусского национализма появляются средства на ведение своей пропаганды, ведь он имел влияние на абсолютное меньшинство, к тому же не обладающее серьезными финансовыми сбережениями. Современные белорусские авторы подчёркивают, что еще в 1895 г. Польская социалистическая партия посчитала возможным поддерживать любые сепаратистские движения, в том числе и белорусское⁹. Сами же белорусские деятели польский след в своей деятельности отвергали¹⁰, хотя часть революционных листовок периода 1905 г. была подписана двумя партиями – Польской социалистической и Бело-

русской социалистической¹¹. Вообще о «польском следе» в зарождении и поддержке белорусского национализма в начале XX в. говорилось очень много. Но белорусские лидеры отвергали всю критику, не объясняя, однако, откуда они берут деньги на содержание нескольких издательств, продукция которых была не популярна. В первую очередь из-за языка, на котором она печаталась.

Язык был, пожалуй, главным маркером национальной идентичности по представлениям начала XX в. Белорусское движение развивалось на белорусском языке, чтобы доказать крестьянам, что он (язык) имеет право на существование. Вместе с тем белорусский язык легитимировал существование белорусского национализма. Однако «плебейский характер белорусского сообщества стал причиной того, что общественные, а не национальные вопросы определяли его сознание»¹². Именно это объяснение выдвигается как наиболее существенное, но вряд ли можно объяснить индифферентное отношение к «своему» национализму только социально-экономическими проблемами. На наш взгляд, более важным критерием является религиозный или религиозно-идеологический. Подавляющее большинство белорусских националистов было выходцами из польской (ополяченной) шляхты, исповедовавшей католицизм¹³, а более 80 % местных крестьян исповедовали православие, воспринимали католицизм как польскость и были недовольны засильем помещиков-католиков. Именно поэтому более серьезным объяснением неприятия белорусского национализма белорусскими крестьянами следует считать религиозный фактор, который доминировал над всеми остальными. Это подтверждает и то, что практически все адепты белорусского национализма из крестьян концентрировались в традиционно католических регионах (части Виленской, Гродненской и Минской губерний)¹⁴. Именно поэтому ни о какой поддержке белорусского национализма белорусским крестьянством не могло быть и речи.

С начала XX в. среди белорусских националистов стало нормой убеждение, что их активность спровоцировала «непрекращающуюся идеологическую войну» с белорусским движением. Такое убеждение бытует и в сегодняшней белорусской историографии, и практически никто не ставит его под сомнение. В реальности белорусское движение не воспринималось как серьезный фактор в регионе ни русскими организациями (например, в газете «Окраины России» основная

масса публикаций по национальному вопросу посвящена полякам и евреям), ни политической полицией, следившей за ситуацией в регионе¹⁵, ни немецкими оккупационными властями периода Первой мировой войны, видевшими в белорусском движении оторванных от реальности «нескольких археологов и литераторов»¹⁶. Первая мировая война застала белорусский национализм без конкретной программы действий в изменившейся ситуации¹⁷, что лишней раз может подчеркнуть невозможность даже проектирования ситуации белорусским национальным движением.

Представление белорусских националистов о белорусах как о нерусских, вполне возможно, не было популярным ещё по одной причине. Дело в том, что русские являлись фундаментом Российской империи – самого большого государства в мире. Вполне возможно, этот факт вызывал гордость у обычного русского. Поскольку белорусы, по утверждениям того времени, были русскими, то они тоже были причастны к строительству Российской империи наряду с жителями Центральной России. Белорусский же национализм своими лозунгами призывал оторваться от русских, а значит оторваться от сопричастности с народом-строителем империи. Таким образом, белорус, принявший националистическую идеологию, разом превращался из представителя титульной нации в представителя национального меньшинства, которое к тому же не было обосновано как нечто отдельное тогдашней наукой, т.е. можно считать, что белорусский национализм белорусскими же крестьянами воспринимался как носитель комплекса неполноценности, причём этот комплекс навязывался всему местному населению.

Вообще белорусский национализм начала XX в. с течением времени оброс большим количеством мифов. Никто из тогдашних аналитиков не воспринимал белорусское националистическое движение как силу, имеющую хоть какой-нибудь потенциал. Именно поэтому на его развитие обращалось не так много внимания. Поэтому информация о белорусском национализме черпается в первую очередь из источников, созданных самим же национализмом, которые имеют явно субъективный характер. Если учитывать, что практически все лидеры белорусского национа-

лизма не имели высшего образования, то можно усомниться и в «крепости» базы их обоснований. В настоящее время некоторые белорусские историки начинают рассматривать белорусский национализм без эмоций, связанных с легитимацией независимого белорусского государства. Однако эти исследования встречают достаточно большое противодействие как учёных, питающихся на эксплуатации мифов времён получения независимости, так и некоторых представителей общества, не желающих ещё раз впасть в кризис, связанный с потерей очередной идентичности.

Примечания

¹ См.: Цвікевіч А. «Западно-руссизм»: Нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. - Мінск, 1993.

² З чаго, на Вашую думку, пачалася (пачынаецца) гісторыя Беларусі і чым яны скончыцца? // *ARCHE*. - 2003. - № 3. - С. 5

³ См. напр.: *Трещенок Я.И.* История Беларуси. Ч. 1. – Могилёв, 2003; Ч. 2. – Могилёв, 2005. Он же. О сущностных характеристиках советского общества. – Могилёв, 2003. А также: *Запруднік Я.* Беларусь на скрыжаваннях гісторыі. – Мінск, 1996; *Найдзюк Я., Касяк І.* Беларусь учора і сямдзеньня. – Мінск, 1993.

⁴ См.: *Киселев А.А.* Система государственных учреждений и чиновничество Беларуси в политике российского правительства (конец XVIII – первая половина XIX в.): Автореф. канд. дис. – Минск, 2003. – С. 16.

⁵ См.: *Мірановіч Я.* Найноўшая гісторыя Беларусі. – СПб., 2003. – С. 16.

⁶ Там же. – С. 17.

⁷ См.: *Наша ніва*. - 1910. - № 38. - С. 8.

⁸ Там же. - № 48. - С. 1 - 16.

⁹ *Мірановіч Я.* Указ. соч. – С. 17.

¹⁰ *Наша ніва*. - 1910. - № 50. - С. 3 - 6.

¹¹ См.: *Улёткі 1905 – 1907 гадоў // Цётка.* Выбраныя творы. – Мінск, 2001. – С. 227, 228.

¹² См.: *Мірановіч Я.* Указ. соч. – С. 23.

¹³ См.: *Зайкоўскі Э.* Роля канфесійнага фактару ў нацыянальнай свядомасці беларусаў // *Беларусіка-Албаруθενіка*: Кн. 2. – Мінск, 1993. – С. 269; *Радзін Р.* Рэлігійныя перадумовы фарміравання беларускай мовы // Там же – С. 278.

¹⁴ Там же. – С. 278.

¹⁵ См.: *Обзор истории революционного движения в Белоруссии и возникновение Громады // Гістарычны альманах.* Т. 6. – Гародня, 2002. – С. 199 - 203.

¹⁶ Цит. по: *Багдановіч А.Г.* Ідэя дзяржаўнасці ў грамадска-палітычнай думцы Беларусі (1914 – сакавік 1917 г.) // *Гістарычная навука і гістарычная адукацыя у Рэспубліцы Беларусь: Новыя канцэпцыі і падыходы.* Ч. 2. – Мінск, 1997. – С. 137.

¹⁷ См.: *Мірановіч Я.* Указ. соч. – С. 25.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНТОВ – ОДИН ИЗ ОРИЕНТИРОВ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Кардинальные изменения происходят сегодня во многих составляющих современной жизни: в способах и формах общения людей, в системе организации и разделения труда, методах получения знаний и информации, в предметной деятельности людей и т.д. Пожалуй, одна из самых сложных и важных проблем сегодня – эволюция системы образования.

Для определения приоритетных направлений развития высшей школы необходим учет мнений, ориентаций и интересов одного из основных субъектов образовательного процесса – молодежи. Соответственно, для успешного осуществления реформы высшего образования необходимо отслеживать изменения в системе ценностных ориентаций молодежи, динамику их ожиданий и отношений к ключевым категориям, в которых описывается жизнь и деятельность человека.

Представленная работа посвящена анализу проблем высшего профессионального технического образования. При этом заявленный анализ осуществляется с позиций, отличных от традиционно занимаемых исследователями проблем высшей школы, – изнутри, т.е. с позиций обучаемого и воспитываемого.

Статья основана на анализе данных, полученных в ходе десятилетнего мониторингового исследования динамики ценностно-мотивационной сферы студентов МГТУ им. Н.Э. Баумана. При этом основное внимание уделяется построению иерархической структуры терминальных и инструментальных ценностей студентов, исследованию мотивов получения высшего образования, выявлению различных стилей учебно-познавательной деятельности и установок на будущую профессиональную деятельность. Обратим внимание на некоторые выявленные закономерности, требующие, на наш взгляд, особого внимания и углубленного анализа.

По данным 2005 г. ориентации опрошенных первокурсников при принятии решения о получении высшего образования распределились следующим образом: 36,5 % основывали свой выбор на самостоятельном анализе специальностей, по которым ведется обучение в разных вузах, 19,7 % последовали сове-

ту родителей, 3,9 % – поступаая в МГТУ, продолжали семейную традицию, 8,4 % ориентировались на советы друзей. Авторитет МГТУ определил выбор 48,3 % опрошенных первокурсников, 11,8 % ориентировались на престиж выбранной специальности, а 15,8 % – на престиж высшего технического образования в целом. Наконец, 15,3 % опрошенных заявили, что их выбор случаен, а 10,3 % объяснили его отсрочкой от призыва в Вооруженные Силы. Обратим внимание на последнюю строку – по сути, случайно в университет попали 25,6 % первокурсников. Такое положение дел требует проведения с абитуриентами дополнительных мероприятий, направленных на профессиональную ориентацию молодых людей.

Из опрошенных выпускников 2005 г. 1,2 % сомневаются в возможности применить полученные знания, считая их ненужными. 27,54 % опрошенных считают, что научились находить нужные знания. Хотя число студентов, полагающих, что к концу обучения в университете они научились самостоятельно находить необходимые знания, несравнимо больше числа тех, кто сомневается в возможности применения полученных знаний, его нельзя считать удовлетворительным. В современном обществе, жизнь которого во многом основывается на ведущей ценности информации, образование должно ориентироваться не на трансляцию готовой информации, а на обучение молодых людей самостоятельной добыче знаний и продуцированию новых идей. Развитие подобной образовательной системы диктуется требованиями современного мира, где интенсивное развитие науки и внедрение высоких технологий приводит к постоянному обновлению тех знаний, которыми оперирует человечество: обнаружение новой информации об окружающем мире опровергает те теории, которые казались истинными совсем недавно, или корректирует, уточняет их. Поэтому и вузовское образование должно быть направлено, прежде всего, на развитие способности молодых людей мыслить и самостоятельно исследовать мир.

Относительно своих перспектив опрошенные студенты-пятикурсники высказали следующие мнения. 64,67 % уверенно смотрят в будущее; 16,17 % чувствуют неуверенность в завтрашнем дне; 7,19 % опрошенных ответили, что им это безразлично, а 11,98 % не дали ответа на этот вопрос. При этом результаты корреляционного анализа продемонстрировали наличие статистически достоверной связи ($p < 0,05$) показателя «неуверенность в своем будущем» с показателями «сомнение в правильности выбора МГТУ» и «сожаление о том, что обучались на своем факультете». Таким образом, неуверенность пятикурсников в своей будущей успешности связана с сомнениями в правильности профессионального выбора. Это еще раз подчеркивает актуальность профориентационной работы с молодежью. Опасения общества по поводу ситуации, когда значительная часть выпускников высшей школы начинает работать не по своей специальности или не может найти рабочего места вообще, вполне оправданы и требуют постоянного внимания к проблемам профессионального самоопределения в юношеском возрасте и значительных усилий профессорско-преподавательского состава, нацеленных на формирование и развитие профессиональной мотивации будущих выпускников.

В перспективе студенты выпускных курсов отдают предпочтение следующим видам профессиональной деятельности: инженер (31,14 %), владелец фирмы/производства (18,56 %), менеджер (11,38 %), сотрудник коммерческой структуры (10,78 %). На научную и преподавательскую деятельность ориентировано 5,4 % респондентов (2,4 и 3 %, соответственно). Заметим, что подобное распределение приоритетов остается стабильным на протяжении нескольких последних лет.

Можно отметить два значительных сдвига в профессиональных ориентациях сегодняшних выпускников по сравнению с тем временем, когда они были абитуриентами: значительно сократилось количество желающих заниматься научной деятельностью (с 23,5 % у абитуриентов 2000 г. до 2,4 % у выпускников 2005 г.), а также количество студентов, желающих заниматься профессиональной деятельностью, соответствующей образованию (с 48,9 до 31,14 %). При этом количество студентов-пятикурсников, не определившихся со сферой будущей занятости, огромно – 25,16 % респондентов. При этом среди абитуриентов 2000 г. 19,8 % не могли точно обозначить сферу будущей профессиональной

занятости. И эти данные должны особенно настораживать, так как они свидетельствуют о кризисе тех профессий, к которым готовят студентов, по крайней мере, о том, что положение в них воспринимается студентами как кризисное.

Нами были выявлены и описаны три стратегии познавательной активности студентов.

Студенты, обнаружившие использование первой стратегии – 20,4 % опрошенных пятикурсников. Они не стремятся к тщательному изучению учебных предметов и к получению дополнительного образования, безразлично относятся к результатам учебы и к самому факту получения диплома о высшем образовании. Процесс получения образования воспринимается такими студентами как одно из возможных средств для реализации совершенно иных целей, например для получения отсрочки от службы в армии. При этом ценность знаний и высшего образования низкая и, соответственно, низка активность студентов, направленная на получение знаний. Однако студенты, использующие такую стратегию, могут проявлять определенный интерес к некоторым предметам. Впрочем, такой интерес является, скорее, ответной реакцией на отдельные стимулы, привлечшие внимание студентов, например на яркую манеру изложения преподавателем учебного материала, а не результатом понимания значимости предмета. Естественно, что такие студенты не проявляют заинтересованности в получении дополнительного образования, да и знания, полученные при освоении основной специальности, у них достаточно поверхностны и фрагментарны.

При использовании второй стратегии студенты достаточно четко определяют для себя сферу будущей профессиональной занятости и, разделяя преподаваемые в университете предметы на «нужные» и «ненужные», внимательно изучают только те, которые, как им кажется, необходимы для выбранной специальности. Эта группа оказалась наиболее многочисленной и составила 27,7 % выборки. Эту стратегию можно обозначить как узконаправленную. Она характеризуется в первую очередь тем, что познавательные интересы студентов сконцентрированы на той сфере, которая непосредственно связана с их профессиональной деятельностью. Соответственно, с особой тщательностью ими изучаются лишь те предметы, которые оцениваются как необходимые для успешной профессиональной деятельности, а отношение ко всем «дополнительным» знаниям невнимательное и даже пренебрежительное. Студен-

ты, осуществляющие эту стратегию, также не стремятся к получению дополнительного образования. Их познавательная активность отличается выраженной потребительской компонентой в сочетании с нежеланием самостоятельной поисковой и творческой работы. Возможно, что студенты, чья познавательная активность характеризуется как узконаправленная, в будущем покажут себя хорошими исполнителями, но не более. Их нежелание воспринимать осваиваемую специальность в широком социальном и профессиональном контексте делает крайне затруднительным успешный карьерный рост, осуществление менеджерских функций и саморазвитие как в профессиональном, так и в личностном отношении.

Наконец, представители самой малочисленной группы – 11,7 % – характеризуются высокой активностью в получении знаний широкого профиля, а не только узкоспециальных, стремятся к дополнительному образованию. Данная стратегия направлена на познание целостности культуры, на понимание позиций выбранной специальности и ее значения в современном мире. Реализуя подобную стратегию, молодые люди стремятся к усвоению максимально широкого спектра дисциплин, что способствует формированию и развитию таких профессиональных и личностных качеств, как гибкость мышления, креативность, социальная ответственность (связанная с пониманием роли выбранной специальности). Эти молодые люди стремятся к получению дополнительного образования, но, что особенно важно, за время учебы у них вырабатывается навык и, более того, потребность в самостоятельном поиске необходимой информации, в самообразовании, что, как говорилось выше, является обязательным требованием к современному специалисту.

Полученные при анализе ценностей пятикурсников результаты опровергают наши исходные предположения о том, что среди как терминальных, так и инструментальных ценностей ведущее место будут занимать ценности, связанные с профессиональным самоопределением, самоутверждением в выбранной специальности, а также личностные характеристики, необходимые для успешной профессиональной деятельности и карьерного роста.

Если проследить динамику ценностей студентов, выявленную по результатам многолетней работы, то станет очевидным, что сегодня наблюдается еще один этап перестройки, перегруппировки иерархии ценно-

стных ориентаций молодежи. Так, в 1987-1989 гг. первые места занимали такие ценности, как образование, политика и успехи в стране, в 1992 – 1993 гг. большинство респондентов отдали первое место здоровью (далее следовали образование и карьера), а в 1994 – 1995 гг. образование и карьерный рост переместились на первые места², а пятикурсники 2005 г. отдают приоритет компетентности в межличностных отношениях и порядочности при оценке людей. Таким образом, стабилизация структуры ценностной системы в таком виде, какой мы фиксируем в последние два года (2004 – 2005 гг.), является позитивным завершением периода сомнений, метаний и «ценностного вакуума» 1990-х гг.

Можно предложить два абсолютно полярных объяснения того, почему в иерархии ценностей выпускников интеллектуально-деловые и профессиональные категории не занимают ведущих мест. Первое объяснение – эти проблемы студентам неинтересны. Но в ответах респондентов мы не находим подтверждения этому. Большинство опрошенных пятикурсников (82,68 %) удовлетворены полученными в МГТУ знаниями, считая их отличными (15,58 %) или хорошими (67,1 %).

Более вероятным представляется иное – эти ценности и потребности молодыми людьми в определенной степени удовлетворены и потому более актуальными им представляются другие проблемы. Действительно, большинство опрошенных студентов (58,78 %) уже работают. К V курсу большинство студентов определяются со сферой будущей занятости, возможно, находят устраивающую их работу, и более значимыми становятся ценности, связанные с общечеловеческими категориями нравственности, порядочности, внутренней гармонии.

Итак, система ценностных ориентаций – своего рода квинтэссенция смысла того возрастного периода, в котором находятся молодые люди – студенты. Это период интенсивного личностного развития и профессионального самоопределения. Соответственно, в ценностно-смысловой сфере ведущие места занимают ценности морально-нравственного порядка, за которыми следуют ценности, связанные с получением образования и успешной профессиональной самореализацией. При этом содержательно близкие иерархии выявлены как в наборе терминальных ценностей (т.е. целей, к которым стремится человек), так и среди инструментальных ценностей (т.е. тех личностных качеств, которые, как предполагается, необходимы для дости-

жения целей), что свидетельствует о внутренней согласованности системы ценностных ориентаций выпускников МГТУ им. Н.Э. Баумана.

Хотя выявленная структура ценностной системы «нормальная» для юношеского возраста (она соответствует психологической теории), ее стабилизация в таком виде является позитивным завершением периода сомнений, метаний и «ценностного вакуума» 1990-х гг.

Проведенное исследование позволило обнаружить, что большинство опрошенных студентов направляют свою познавательную активность по узкопрофессиональному руслу, тщательно изучая только те дисциплины, которые, как им кажется, могут пригодиться им в профессиональной деятельности, а также характеризуются некоторой пассивностью в усвоении знаний. Учитывая эти особенности отношения студентов к учебному процессу, необходимо делать упор на мотивацию студентов к более широкой познавательной активности и большей самостоятельности в получении знаний. Выпускник университета обязан не только владеть определенным набором профессиональных знаний и навыков, но и понимать культурный и социальный контекст своей профессиональной деятельности, а также быть готовым к саморазвитию и самосовершенствованию как в профессиональном, так и в личностном планах.

Общеприняты представления о том, что система образования, как зеркало, отражает состояние общества в целом, цели, приоритеты и проблемные зоны его развития. Однако в обществе, жизнь которого во многом основывается на ведущей ценности информации, образование получает куда более значительные функции и воспринимается все больше не только как важнейший аспект технологического и социально-экономического развития государства, но и как стратегический фактор в процессе дальнейшего развития цивилизации. Более того, в последнее время много говорят о том, что школа становится специфическим инструментом, формирующим облик будущего общества. В частности, изменения модели образования рассматриваются в тесной связи с перспективами развития политической и экономической систем. Таким образом, новые реалии всё более превращают науку и образование в глобальный фактор общественного развития, что не мо-

жет не сказаться на внимании общества к этим двум социальным институтам.

Сегодня все больше усилий прилагается к утверждению нового подхода к образованию – ориентированного не на трансляцию готовой информации, а на обучение молодых людей самостоятельной добыче знаний и продуцированию новых идей. Развитие подобной образовательной системы диктуется требованиями современного мира, где интенсивное развитие науки и внедрение высоких технологий приводит к постоянному обновлению тех знаний, которыми оперирует человечество: обнаружение новой информации об окружающем мире опровергает те теории, которые казались истинными совсем недавно, или корректирует, уточняет их.

Поэтому и вузовское образование должно быть направлено прежде всего на развитие способности молодых людей мыслить и самостоятельно исследовать мир. Таким образом, современная реформа системы образования должна ориентироваться на ценности самостоятельности, творческой мыслительной активности, способности к целеполаганию.

Важно подчеркнуть, что новая система социальных требований, предъявляемых к выпускнику вуза, имеет отношение не только к профессиональной квалификации молодого специалиста. Она не ограничивается неким обязательным набором знаний, умений и навыков, а затрагивает более глубокие пласты: ценностно-смысловую сферу, интеллектуальные, эмоциональные и волевые способности, личностные характеристики. Наиболее значимы для успешной адаптации в современном мире такие характеристики, как высокий уровень личной ответственности и социальной активности; компетентность в межличностных отношениях и ориентация на широкий круг социальных связей, обеспечивающая человеку необходимый уровень социальной поддержки; креативность, делающая возможным творческий поиск решений в проблемных ситуациях.

Примечания

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 04-06-00288.

² См.: Багдасарьян Н.Г. Профессиональная культура инженера: механизмы освоения. - М.: Изд-во МГТУ им. Н.Э. Баумана, 1998.

Содержание

Раздел 1. Литературоведение

<i>Лазарчук Р.М.</i> Где же прошло детство К.Н. Батюшкова? (О достоверности и доказательности биографических исследований)	3
<i>Орлицкий Ю.Б.</i> Три эпизода из истории русской прозыметрии	10
<i>Володина Н.В.</i> Европа в восприятии русского путешественника («Письма из-за границы» П.В. Анненкова)	21
<i>Черняк М.А.</i> Рубеж тысячелетий в зеркале массовой литературы	27
<i>Филипповский Г.Ю.</i> Мотив движения святых реликвий и динамика текстов литературы Руси XI - XII вв.	33
<i>Остренко И.А.</i> «Детская книга» Б. Акунина. Проблема адресата	36
<i>Созина Е.К.</i> Дискурс идентичности «малых» народов России: на примере автобиографической книги писателя КОМИ Каллистрата Жакова	39

Раздел 2. Лингвистика

<i>Лаврова С.Ю.</i> Языковая перцептивность в аспекте лингвоаксиологии	45
<i>Коропушкин В.П.</i> Социолингвистическая вариативность субстандартных антропонимов в английском языке ...	52
<i>Чиришева Г.Н.</i> Этапы билингвального развития ребенка	56
<i>Волкова Н.А.</i> Курские говоры: от истории к современности	59

Раздел 3. Социальные коммуникации

<i>Чернов А.В.</i> Восток - Запад: формирование «славянского дискурса» в России первой половины XIX в. как попытка разрушения ложной оппозиции	63
<i>Милошевич З.</i> Русское Закарпатье и св. архимандрит Алексей Кабалюк	69
<i>Гронский А.Д.</i> Белорусский национализм начала XX в.: попытка демифологизации	74
<i>Козлова М.А.</i> Ценностные ориентации студентов – один из ориентиров развития системы высшего образования	78